

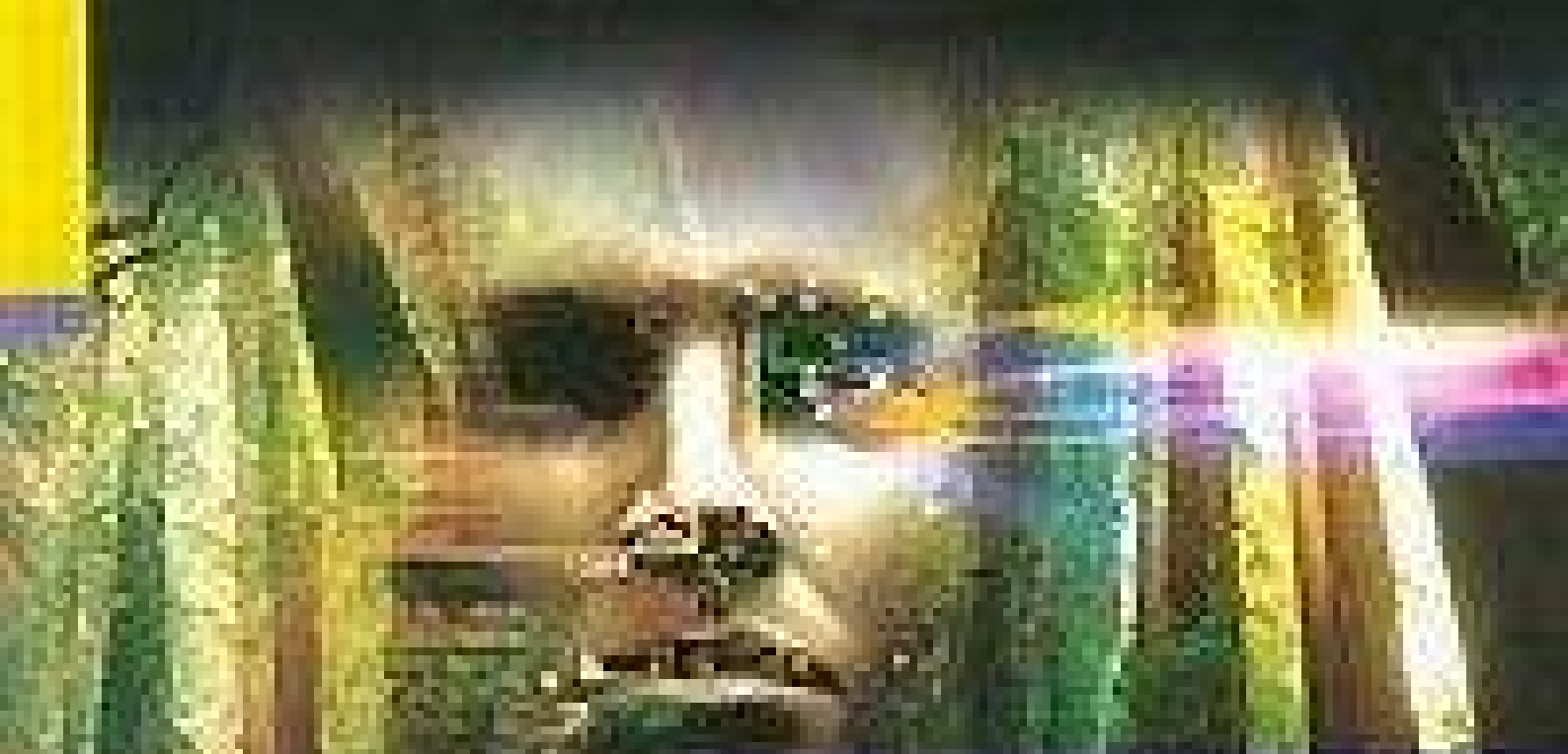
На картинке изображены

на картинке изображены

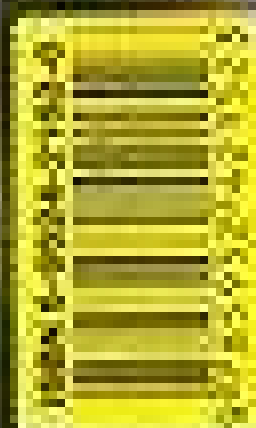
на картинке изображены

на картинке изображены.

ВИТАЛИЙ ГЛАДКИЙ

ЗОНА ТРИКСТА

ведьмак

Виталий ГЛАДКИЙ

ВЕДЬМАК

Глава 1

Я знал, что когда-нибудь этот день наступит. Нельзя сказать, что я ждал его с душевным трепетом и мысленными стенаниями, но противный скользкий червячок все равно ковырялся где-то в душе, подлец эдакий.

В субботу, когда я хлебал на кухне горячий супец (между прочим, самое лучшее средство для опохмелки) жена заявила в жесткой и непримиримой форме:

– Все, дорогой, мое терпение закончилось. Собирай свои манатки и дуй на все четыре стороны. Наша так называемая семейная жизнь закончилась.

Мы были одни. Домработницы у нас почему-то не уживались. Жена меняла их как перчатки, хотя и страдала, что ей иногда приходилось становиться к кухонной плите.

– Каро, ты что, белены объелась с утра пораньше!? – спросил я с фальшивым негодованием.

Каро, то есть, Каролина смотрела на меня как дедушка Ленин на буржуазию – непримиримо и с ненавистью. Раньше во время подобных семейных ссор она швырялась посудой, и я уже приготовился к отражению атаки, но, на мое удивление, сегодня Каролина была неестественно сдержана и холодна, как лед.

Это меня удивило и обеспокоило. Мало того, я был обескуражен. Одно дело ожидание больших бед, а другое – встреча с ним. Как не готовишься к неприятным событиям, все равно они застают тебя врасплох.

– Арсеньев, ты услышал, что я сказала?

– Услышал, но не понял, – ответил я, заискивающе улыбаясь.

Я надеялся на продолжение диалога, чтобы в процессе разговора уболтать свою ненаглядную, в очередной раз навешав ей лапши на уши. Но Каролина не повелась на мою маленькую хитрость.

– На сборы даю тебе... – Она посмотрела на свои дорожные часы. – Даю тебе ровно шестьдесят минут.

– Теперь до меня дошло... – Я решительно отодвинул от себя пустую тарелку и встал. – Но часа маловато. Сначала я немного посплю, а потом, если уж ты так настаиваешь...

Нужно сказать, что ночь я провел не дома, а в одной тесной (но мужской!) компании. Сначала мы смотрели европейский футбол – матч с участием «Милана», где играет наш общий любимец Андрюша Шевченко по прозвищу Шева, затем слегка перекусили и, естественно, не на сухую (пять бутылок водки словно корова языком слизала), а потом как-то так получилось, что сели играли в преферанс.

Кто хоть что-то смыслит в этой игре, тот хорошо знает, настолько это увлекательное занятие. Время бежит совершенно незаметно. Я сообразил, что несколько задержался в гостях лишь тогда, когда партнеры всучили мне «паровоз» – пять взяток на мизере.

«Пульку» я, конечно, дописал, но после этого облома мой взгляд начал часто и с нетерпением останавливаться то на «горке», которую заполнили нехорошие для меня цифры, то на циферблате больших напольных часов – мне казалось, что игра идет чересчур медленно, а время бежит слишком быстро.

Уже тогда непонятная тревога начала терзать мое сердце, несмотря на то, что, сидя на прикупе, я заливал ее скверным на вкус греческим коньяком, который какой-то идиот-рационализатор догадался ароматизировать. Увы, водка в баре моего приятеля закончилась. Так же, как и пиво.

В общем, домой я прирулил только к утру. Притом на такси мне пришлось занимать у партнеров – мои денежки приказали себя долго помнить. Так много я не проигрывал еще ни разу. Наверное, это был знак надвигающейся беды.

– Час! – Неумолимо отрезала Каролина. – Спать нужно ночью, как все нормальные люди... и мужья. А ты где-то проболтался до самого утра, и явился насквозь проспиртованным и вонючий от сигаретного дыма, как старый козел.

– Понимаешь, дорогая, так получилось, что... – начал я свою обычную в таких случаях волюнку, но Каро резко пресекла мои попытки оправдаться.

– Арсеньев! Я знаю, что ты тупой, но слух у тебя отменный. Это точно. Меня уже не интересует, как там в тебя получилось, и кто тебя держал на аркане всю ночь. Повторяю в последний раз – собирай свои шмотки. И чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше. Иначе...

Она с многозначительным видом умолкла.

– Что – иначе? – спросил я с вызовом.

– Иначе позову свою охрану, и тебя вышвырнут отсюда в два счета в одних семейных трусах.

– Да? – Я иронично ухмыльнулся. – Надеюсь, ты шутишь... насчет охраны.

– Нет, не шучу. Ты меня знаешь.

– Знаю, – согласился я. – Но ты, наверное, забыла, кто такой Иво Арсеньев. – Это я сказал не без бахвальства; увы, почти все мужики – позеры. – Твоих бобиков я порву как Тузик грелку. Ты не смотри, что я худой и кашляю.

– Худой... Посмотри на себя в зеркало... героическая личность. Разожрался на дармовых харчах, как котяра.

Насчет дармовых харчей крыть мне было нечем. Моя ненаглядная была шибко козырной бизнес-леди и косила бабки как один мой хороший приятель из прежней жизни, дед Зосима, траву очень острой косой-«голландкой», раритетом военной поры, которая не тупилась даже на крепком травяном сухостое.

Но поскольку наших – то есть, Каролининых – финансов даже при самом плохом раскладе (это если ее фирма когда-нибудь пойдет ко дну) могло хватить до нового пришествия (с моими-то запросами...), я вел жизнь празднующегося сибарита.

А что было делать? Несмотря на достаточно молодые годы, я уже военный пенсионер. Практически всю свою сознательную жизнь я только то и делал, что сражался на невидимых

фронтах за родину и за давно похеренные социалистические идеалы, поэтому учиться бизнесу мне поздно, да и мозги мои работают не в том направлении.

Вот ежели кого грохнуть, да так, чтобы комар носа не подточил и с полной гарантией летального исхода, на это я мастер. Кроме того, могу преподавать уроки выживания в любых климатических зонах и поясах. Но мои знания чересчур специфичны и на гражданке никому не нужны.

Короче говоря, как по нынешним временам нарождающегося капитализма, я лишний человек. Обуза для общества и пенсионного фонда. Поэтому все попытки Каролины пристроить меня на какую-нибудь непыльную должность в фирме потерпели фиаско.

Если честно, то я не очень и хотел просиживать штаны в кабинете. Это такая мука... В особенности когда мне нужно было изображать большого начальника. У которого главный босс – родная жена, владелица фирмы и номинально тех живых душ, что в ней числятся.

Именно числятся, а не работают в поте лица. Как известно, настоящих работников, трудяг, на которых держится все производство, всегда можно пересчитать по пальцам. Все тебе льстят, перед тобой лебедят, беззастенчиво набиваются в друзья и втайне завидуют.

Но еще страшнее тихое всеобщее презрение. Мужчина – альфонс. Что может быть противней? В особенности для меня.

Я всегда считал и считаю, что главным в семье должен быть мужчина – и никаких гвоздей. Он добытчик, хозяин, царь и бог на своем доме; такова его роль в обществе издревле.

Потому-то матриархат и почил столь быстро в бозе, так как мужчину нельзя загнать в стойло с ошейником на шее и доить его за то вымя, которого у него нет. Он обязательно восстанет против такого обращения с ним. Что, собственно говоря, и случилось в исторической перспективе.

Даже самый забитый подкаблучник втайне мечтает когда-нибудь освободиться, уйти из-под опеки своей дражайшей половины. Никакие житейские блага, вплоть до молочных рек с кисельными берегами, не заставят настоящего мужика служить прикроватным ковриком.

Но совсем уж нетерпимым было ограничение моей личной свободы. Я долго не женился и свершил сие «таинство» только по оказии. Ну ладно, чуть-чуть по любви.

Однако любовь – это дело столь тонкое и неосязаемое, что в большинстве случаев куда-то исчезает, едва молодые проведут медовый месяц (а то и раньше). Умные (нет, скорее мудрые) ищут ее и находят, пусть и в несколько измененном виде (увы, таких индивидуумов гораздо меньше), а все остальные полжизни маются, пытаясь поймать Синюю Птицу не на цветочном лугу, а в грязном хлеву.

Так вот, моя дорогая Каро держала меня на коротком поводке с таким рвением, что временами я просто с ума сходил. И, будучи в таком невменяемом состоянии, бросался во все тяжкие.

Во-первых, я постоянно «терял» свой мобильный телефон. Или «нечаянно» ронял его в горячий суп, притом на глазах своей дражайшей половины. Поэтому она никак не могла дозвониться до меня, чтобы узнать, где черти носят ее супруга-забуддыгу.

А для столь козырной дамы, как моя Каро, которую ее шнурки-подлипалы могли почти мгновенно соединить едва не с Кремлем, облом по части телефонной связи был просто нетерпим. В таких случаях она рвала и метала, наводя на подчиненных страх и трепет.

И понятное дело, в конторе всем было известно, по какой причине их босс столь часто

пребывает в дурном настроении. Поэтому сотрудники фирмы меня еще и втихомолку ненавидели, вполне обоснованно полагая, что именно я являюсь главным возмутителем спокойствия в их безмятежной лазурной жизни. Между прочим, хорошо оплачиваемой жизни.

Во-вторых, я просто был не в состоянии торчать дома, в четырех стенах, целый день, дожидаясь, пока моя ненаглядная не закончит все рабочие дела и не явит мне свой пресветлый лик.

Я выходил на улицу и часами болтался по городу, тупо рассматривая прохожих и витрины многочисленных шопов, бутиков и магазинов, пока мои ноги сами не приносили меня в какую-нибудь компанию, с которой я коротал быстротекущее время.

Быстротекущее среди добрых приятелей, за рюмкой горячительного напитка, так как в других обстоятельствах, особенно когда я пребывал в одиночестве, оно тянулось словно резина.

И в-третьих, когда мое достаточно терпеливое отношение к перипетиям семейной жизни совершенно иссякло, я решил научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте – где-то краем уха мне довелось слышать, что музыка облагораживает человека и снимает напряженность в личных отношениях.

(К тому же, мне не грех было на всякий случай обзавестись хоть какой-нибудь гражданской специальностью).

Сначала я хотел купить большой барабан и литавры. Мне всегда нравились барабанщики – те, что ходят с похоронной процессией. У них главная проблема – тяжесть барабана, который приходится тащить вслед за трубачами. Но для меня, здорового лося, это семечки.

Другим же участникам духового оркестра приходится упираться по полной программе. Особенно туго им зимой, на морозе. Кто не верит, пусть попробует в зимнее время немного подержать мундштук от геликона на улице, а затем нежно его поцеловать.

Уверяю – эффект будет потрясающим...

Немного поразмыслив, от первоначальной идеи я все же был вынужден отказаться. Мы жили не в личном доме, а в шикарной многокомнатной квартире (клянусь, я так и не сосчитал, сколько в ней комнат), занимающей весь третий этаж элитного дома в центре города.

Нашими соседями снизу и сверху были такие же упакованные бизнесмены, как моя Каро. С одним отличием: если Каролине ее фирма досталась по наследству от папаши, и все грехи первоначального накопления капитала он унес с собой в могилу, то остальные жильцы элитного дома продолжали тащить этот груз на своих плечах.

К этому грузу, естественно, прилагался и комплект бойцов-отморозков, так называемая «крыша». Что меня и смутило. Не думаю, что соседям сильно понравились бы мои музыкальные экзерсисы с барабаном и литаврами, особенно по вечерам.

А так как люди они большей частью деликатные и самолично не станут выяснять со мной отношения (времена базарных разборок они уже проходили, и теперь стараются о них забыть), то вполне вероятно, что в один прекрасный день (вечер, ночь) некие «неустановленные» по милицейской терминологии лица отметили бы меня по полной программе, не исключаящей членовредительства.

Ну, например, положили бы мои неумные грабли под паровозик...

Так что, по здравому размышлению, я не стал рисковать здоровьем и от идеи заделаться барабанщиком отказался. Но тяга к музыкальному образованию у меня все равно осталась. Эдакий неприятный зуд, как в заднем проходе, когда у человека появляются глисты.

Короче говоря, не выдержав непосильной для моего морального состояния тяги к прекрасному, я купил себе кларнет. Этот музыкальный инструмент обладает негромким камерным звучанием и огромными возможностями. В чем я вскоре и убедился.

Первоначально мне пришлось брать уроки у своего приятеля-музыканта. (Как-то так получилось, что по приезду в город я познакомился со многими работниками свободных творческих профессий, которые действовали на меня облагораживающе). Плата за урок была минимальной и не сильно била по моему личному бюджету – бутылка водки и закуска.

Когда я достиг определенных вершин в игре на кларнете, – то есть, научился более-менее сносно выдувать звуки, соответствующие неким нотам, о которых имел весьма слабое представление, – то перенес выполнение домашних заданий в стены собственной квартиры. (Пardon – квартиры, принадлежащей моей супруге).

Едва услышав, как возле подъезда останавливается ее навороченный «мерс», я тут же принимался усердно выводить трели и рулады, тупо уставившись в нотную тетрадь. Когда она впервые застала меня за этим занятием, у нее просто не оказалось слов, чтобы выразить свое восхищение талантами мужа.

Зато потом, в другие вечера, она отводила душу со всей искренностью чистой, незамутненной музыкальным образованием души.

Ее голос и звуки кларнета сливались воедино, вызывая восхищение у бездомных кошек и собак, которые собирались под окнами нашей квартиры и с огромным вниманием слушали бесплатный концерт, иногда повторяя на свой лад особенно понравившиеся музыкально-вокальные фразы.

Таким образом мне удалось добиться того, что Каролина высказала пожелание (в очень грубой форме, не скрою; но я не был на нее в обиде, так как понимал, что это издержки воспитания), чтобы я обучался игре на кларнете где-нибудь в другом месте.

Это место она определила сама, но оно столь неприятно и отдаленно, что мне даже не хочется говорить о его географическом месторасположении. Тем более меня не воодушевило страстное желание Каро, чтобы я отправился туда немедленно, вечерней порой и со скоростью курьерского поезда.

Как человек покладистый и приверженный семейным ценностям, спорить с женой я не стал. Немного пораскинув мозгами, я нашел аудиторию для совершенствования своего музыкального образования в более приятном месте, нежели то, куда послала меня Каро, и гораздо ближе к дому, в черте городе.

Едва приближался вечер, я брал футляр с кларнетом и вострил лыжи, куда глаза глядят. А глядели они обычно в сторону многочисленных веселых компаний, где принимали меня со всей сердечностью и относились к моему хобби с пониманием.

Каролина долго терпела мой образ жизни свободного художника. Но теперь, похоже, ее терпению пришел конец. Какое несчастье...

– Это все мышцы, – ответил я нахально. – Каждый день качаюсь.

В общем, Каролина была где-то права в этом вопросе. От валятельно-созерцательной жизни свободного художника (у меня теперь было полное право так называться) я и впрямь прибавил в весе.

Но если учесть, что до женитьбы я был худой и жилистый, как Кашей в молодости, то каких-то пять-семь килограмм мне пошли только на пользу. Даже мое угловатое лицо приобрело

приятный овал и – не скрою, все как на духу – на меня начали заглядываться девушки, гораздо моложе моей женушки, чего раньше не наблюдалось.

– Ты не качаешься каждый день, а накачиваешься... водкой, пивом и еще какой-то дрянью под самую завязку, – отбрила меня Каро.

– Так ведь на фирменные качественные напитки у меня денег не хватает. Ты не даешь. Уже больше месяца питаюсь святым духом и от щедрот моих друзей.

– Пора научиться самому зарабатывать. Хотя бы на свое пойло. А что касается твоих так называемых друзей, то уж лучше бы ты якшался с бомжами.

– Я учусь, – скромно потупив глаза, я кивком головы указал на футляр с кларнетом, который сиротливо лежал на крохотном диванчике в стиле «ампир»; кухня у нас была огромной, поэтому и своими размерами и обстановкой чем-то напоминала фешенебельный бар. – Еще немного и... Между прочим, студентам полагается стипендия.

– Вместо стипендии, мой дорогой, получи выходное пособие... – Порозовевшая от праведного гнева Каролина достала из кошелька несколько зеленых бумажек с изображением американского президента и швырнула их едва не в лицо мне. – И чтобы я больше никогда тебя не видела. Никогда! Убирайся с моих глаз. Сгинь, провались в преисподнюю! Все официальные хлопоты на предмет развода я беру на себя, можешь не беспокоиться.

Я не поленился, слез со стула, присел на корточки, подобрал купюры, вернулся на свое место и с нарочитой медлительностью сосчитал, слюнявя пальцы.

– Маловато, – сказал я сокрушенно. – Неужели я был так плох? Даже мальчикам по вызову платят больше. Кстати, напомню, вдруг у тебя с памятью сейчас нелады, что ты моя жена – ладно, пока жена; мы ведь еще не развелись официально – и все вместе нажитое должны разделить пополам. Уточняю – это не мое личное мнение, так гласит закон.

– Вместе нажитое!? – Мне показалось, что Каролину сейчас хватит удар; но она собралась с силами и продолжила: – Ладно, поделим, если ты так желаешь. Где у нас ножовка? Впрочем, о чем я спрашиваю... На моей памяти ты ничего тяжелее стакана с водкой в руках не держал. Думаю, что ты понятия не имеешь, как она выглядит, и уж тем более не знаешь, где лежит. Хозяин... – Это слово Каролина выговорила так, словно выплюнула надоевшую жевательную резинку.

– Зачем тебе пила? – спросил я с подозрением.

– Что значит, зачем? Как ты сам предложил, будем делить совместно нажитые материальные ценности.

– Это как? Что-то я не врубаюсь...

– Куда тебе с твоей похмельной башкой... Очень просто. Мы перепилим пополам твой саквояж и этот гнусный кларнет – где он? а, уже вижу – за который ты при покупке отвалил денежек как за рояль. Между прочим, моих денежек. Это все, что мы с тобой вместе нажили. Пардон, ошибаюсь. Я забыла про твои новые шмотки, но трусы и рубашки делить пополам не будем. Я щедрая, забирай все целиком.

Каролина решительно шагнула к дивану – явно с намерением совершить надругательство над моим сокровищем. Я схватил футляр с кларнетом и прижал его к груди как беспомощного младенца, готовый защищать свое достояние до последнего.

Насчет денег, которые я заплатил за кларнет, она была права. Тут уж ничего не попишешь. Уж больно хорош был инструмент, старинный. Он мне понравился с первого взгляда.

Как мне сказали, кларнет принадлежал одному талантливому музыканту-еврею, который просто забыл его, уезжая на историческую родину, в Израиль. Старческий склероз.

А когда вспомнил, – уже будучи в Хайфе – у дальних родственников музыканта, оставшихся на первой, не главной родине, где он имел несчастье родиться, вдруг тоже что-то случилось с памятью. Они так и не вспомнили, брал он с собой кларнет или нет.

В общем, я купил потерянную вещь, овеянный фантом. Как уже говорилось ранее, за большие деньги – ушлые родичи рассеянного эмигранта умели торговаться, в отличие от меня. Но все равно на приобретение кларнета я потратил сумму вдвое меньшую той, которую выцыганил у Каролины.

А обмыть покупку? Как же без этого? Инструмент сломается. Или сопрут. Народные приметы надо уважать. Что я и делал... почти неделю. Но про то Каро, конечно же, не знала, так как была в отъезде по делам фирмы.

– Спасибо тебе, дорогая. За все спасибо. – Меня неожиданно обуяла гордыня. – Ты права, нам нужно расстаться. Я не могу жить с женщиной, у которой вместо сердца калькулятор.

– Это у меня калькулятор!? Да как у тебя язык поворачивается говорить такое!? – вспыхнула Каролина; и тут же сразу остыла. – Господи, что я несу? Бред какой-то. Опять он развел свою обычную демагогию, чтобы все спустить на тормозах. Нет, на этот раз у тебя не выгорит. Такие номера со мной уже не катят.

– С каких это пор? – поинтересовался я не без ехидства.

– С тех самых, – туманно ответила Каролина. – Проваливай! Я сказала час на сборы, – она снова посмотрела на свой золотой швейцарский хронометр, украшенный бриллиантами, – значит, час. И ни минутой больше. Все, разговор закончен.

– Печально... – Я изобразил уныние, смешанное с отчаянием. – А я так тебя любил...

– Вот именно – любил, – фыркнула Каролина. – Мне твоя любовь уже вот где сидит. – Она почему-то показала не на сердце (где еще может обретаться такое светлое чувство?), а на свое горло, чуть ниже кадыка, словно я был безразмерным пельменем, застрявшим в пищеводе.

– Как ты не права... – продолжал я свою партию несчастного, убитого горем человека.

– Ну, знаешь!... – У Каро не хватило слов из нормативной лексики, и она выдала несколько крепких словечек; правда, сквозь зубы, так, что я не расслышал, но смысл сказанного понял.

– Не притворяйся сиротой казанской. Ты волк в овечьей шкуре. Хитрый, кровожадный и беспринципный.

– Намекаешь на то, что я в свое время несколько раз спасал тебя от верной гибели?[1] Да, мне пришлось успокоить кое-кого навсегда. Так уж сложились обстоятельства. Но теперь я понимаю, что сваял тогда дурака. Надо было отойти в сторону и предоставить тебе возможность самостоятельно выпутываться из аховых ситуаций.

– Ой, не надо! Не дави мне на психику. Что было, то прошло. Тоже мне... рыцарь. Постыдился бы напоминать об этом. Между прочим, за это я тысячу раз тебя отблагодарила.

– По-моему, ты несколько преувеличила... – Я поднял глаза к потолку и с глубокомысленным видом начал считать: – Если выбросить то время, что ты моталась по командировкам, затем твои критические дни... Нет, на тысячу не набирается.

– Ты что там считаешь? – зловещим голосом спросила Каролина.

– А ты не поняла?

– Нет!

– Сколько раз мы с тобой предавались любовным утехам за два года нашей семейной жизни. Я так понимаю, именно эти моменты ты посчитала проявлением благодарности за оказанные мною услуги. Должен тебе сказать, что я так не думаю. Мне всегда хотелось получить деньгами... но я как-то стеснялся сказать тебе об этом. Увы, в отличие от тебя, я человек непрактичный.

Если бы Каро могла поджигать предметы взглядом, от меня осталась бы лишь кучка пепла. Я думал, что сейчас начнется буря, торнадо, но, к своему удивлению, ошибся. Судорожно вздохнув, Каролина все-таки сумела совладать с обуявшим ее бешенством.

Снова превратившись в айсберг, она в очередной раз посмотрела на часы и надменно процедила сквозь зубы:

– У тебя уже не час на сборы, а пятьдесят пять минут. Поторопись.

С этими словами она вышла из кухни, с такой силой хлопнув дверью, что витражное стекло, которое она заказывала какому-то очень дорогому и модному мазиле для оживления кухонного интерьера, пошло трещинами.

Мне не оставалось ничего другого, как собрать свои шмотки и уйти в люди, чтобы превратиться в бомжа. Куда именно направить свои стопы, я пока не имел ни малейшего представления.

Глава 2

Мне собраться, что бедному крестьянину подпоясаться. Спустя полчаса я уже выходил на улицу, держа в одной руке большую спортивную сумку со своим немудреным скарбом, а в другой – футляр с кларнетом. Это было все, что я сумел нажить, будучи мужем Каролины.

Якобы нечаянно оглянувшись, я заметил в одном из окон нашей квартиры бледное лицо Каро. Она даже не соизволила попрощаться со мной.

Я изобразил широкую улыбку, показав все свои белые и крепкие зубы, до сих пор не знавшие дантистов-инквизиторов, и поклонился, сделав реверанс. Каролина отпрянула от окна с такой потрясающей скоростью, словно ее кто-то укусил за заднее место. (Очень даже аппетитное заднее место, смею доложить).

Удовлетворенный этой маленькой прощальной мезью, я посмотрел на небо – погода обещала не подпортить мой исход в неизвестность, что не могло меня не радовать – и бодро зашагал по направлению к стоянке такси.

Я ехал к художнику Венедикту Крисюку, пардон, Бьену Кирису – это он придумал себе такой забойный псевдоним.

В городе Бенья-Веня был выдающейся личностью. Он действительно имел незаурядный талант и огромную пробивную силу, чем отличался от многих других художников, своих коллег, которые дальше уличного вернисажа (сиречь, обычной барахолки) свои произведения продвинуть не могли.

Совсем недавно Венедикт возвратился из Америки, где успешно выставлялся и с не меньшим успехом толкнул почти все свои произведения за очень даже хорошие деньги. Теперь этот богатенький Буратино день и ночь гужевал с многочисленными приятелями и прихлебателями (благо было за что), при этом каким-то чудом умудряясь заниматься творческим процессом.

Ехал я к Венедикту не без задней мысли устроиться к нему постояльцем хотя бы на некоторое время – пока не обзаведусь каким-то образом собственным углом.

Конечно, это была бредовая идея. Увы, мои финансы давно пели романсы – пенсия у меня не ахти какая, собственные сбережения в российских рубликах я прокутил, проиграл, а втихомолку пополнять личную копилку от щедрот своей супруги считал зазорным.

Правда, кое-какие деньжата у меня были, но в зарубежных банках. Однако туда еще нужно добраться, а мне ох как не хочется высовывать свой нос за рубеж, чтобы его, случаем, там не прищемили мои бывшие противники. А это очень злопамятные господа.

К тому же я твердо решил потратить валюту лишь тогда, когда буду совсем старым и всеми брошенным. А такой момент может наступить в жизни любого человека, независимо от того, кем он был.

Так что вопрос, как купить квартиру, не имея на данный момент в кармане ни гроша, встал передо мной во всей своей неприглядной наготе.

Но человек живет надеждой. Вот и я надеялся, что меня озарит какая-нибудь стоящая идея, и я враз превращусь в местного магната, ворочающего миллионами. Фантазировать, знаете ли, не вредно...

Уже подъезжая к мастерской Венедикта, я от отчаяния придумал способ, как разжиться деньгами. Он здорово пахивал криминалом, но рациональное зерно в моей задумке, конечно же, присутствовало.

Я решил, что ради этого не грех потряхнуть стариной и отрыть свой томагавк, чтобы выйти на тропу войны за правое дело, благо воевать я умел, притом вполне профессионально.

Однако деньги, которые я намеревался реквизировать, открыв невидимый фронт борьбы за собственное выживание (и за справедливость; ведь каждой войне требуется глобальная идея), должны быть непременно «грязными», то есть, нажитыми криминальным путем.

Мысленно взвесив все «за» и «против», я пришел к мнению, что грязнее денег, чем от продажи наркотиков, придумать трудно. Ну разве что потрясти какого-нибудь крупного чиновника-мздоимца, нагло обирающего и так бедных соотечественников, доводя их до полной нищеты и деградации.

Клиента для экспроприации я наметил сразу же, без особых мыслительных усилий. Мне довелось нечаянно познакомиться с ним, когда Каролина однажды затащила меня на очередную презентацию... уж не помню чего.

Этот тип походил на хорошо откормленного борова с лицом старого павиана, а ростом он был Каролине по плечо, что не мешало ему ухлестывать за моей женошкой с пылом и настойчивостью стройного красавца-плейбоя.

Почему я тогда не отметелил его, до сих пор не пойму... А нужно было.

Так вот, этот самый боров-недомерок на поверку оказался очень крутым оптовым торговцем наркоты, которую поставляли в наш город нацмены. Так в сталинские времена называли представителей народов Кавказа и его окрестностей. В общем, восточные люди.

О его «бизнесе» мне рассказала под большим секретом Каролина, которая как-то ухитрилась выцыганить у него десять миллионов «зеленью» под очень маленький процент на какие-то насыщенные нужды своей фирмы.

Когда я спросил свою ненаглядную, а не замучает ли ее впоследствии совесть из-за того, что она воспользуется его грязными деньгами, Каро ответила мне в своем непринужденном прагматичном стиле: «Совесть и бизнес, в особенности крупный, – вещи несовместимые. Пора бы тебе это знать, милый. За происхождение денег ответственность несет кредитор».

Да, этого хмыря следовало бы потрясти... Я мечтательно ухмыльнулся. У меня совершенно не было сомнений в том, что он сидит на холме из наличных денег, которые ему приносят мелкие оптовики.

Мои временно лазурные мысли прервал водитель такси, сказав «Приехали...». Я расплатился и вышел.

Передо мной стоял дом с аркой, в котором ютились, как ласточки в норах, мастерские художников, так сказать, «в законе» – тех, кто имел счастье вступить в творческий союз еще в советские времена, когда к членскому билету прилагалось помещение для работы.

Как по мне, так это был не дом, а Содом и Гоморра вместе взятые. Гудеж тут не прекращался никогда, ни днем, ни ночью, ни в праздники, ни в будни. Оно понятно – творческие личности всегда пребывают в исканиях, а что лучше может взбодрить творческую мысль, как не добрая доза спиртного.

Входная дверь в мастерскую Венедикта, как обычно, была не заперта. Ну просто тебе проходной двор, подумал я неодобрительно, заходя без стука и звонка. Наверное, у Бьена Кириса очередной междусобойчик.

Я не ошибся. В мастерской стоял дым коромыслом от сигарет и раздавался разноязыкий гомон. Это уже было удивительно. Что тут забыли иностранцы?

Венедикт сразу же заметил мое появление, едва я стал на пороге. Он бросился на меня, как медведь на охотника, имевшего смелость поднять зверя среди зимы из берлоги, и облапил с неожиданной силой и страстью. (Чего-чего, а силушки Венедикту было не занимать).

Тычась своей окладистой бородищей «а ля рус» мне в лицо, он пьяно бормотал:

– Иво, друг! Ты где это запропастился, сукин сын!?

Нужно сказать, что о приезде Венедикта в родные пенаты я узнал из уст диктора телевидения. Дамочка с экрана преподнесла этот факт, как событие чрезвычайной важности.

В общем, она была где-то права. Ведь не каждый день наши провинциалы имеют возможность отметить в Америке, притом с таким потрясающим успехом.

Все остальное мне стало известно от партнеров по преферансу, которые не раз забежали на огонек к Бьену Кирису, чтобы спеть очередной дифирамб его таланту и надраться на халяву до положения риз.

– Дела, знаешь ли... – ответил я уклончиво.

И конечно же, соврал. Никаких дел у меня не было. Просто я никак не мог доехать к Венедикту (хотя и собирался несколько раз), так как по пути к нему были еще и другие пункты, посещение которых вошло в мои привычки.

– Хорошо, что пришел, – гудел Венедикт. – Лучше позже, чем никогда. Бросай свои манатки и

присоединяйся к нашей компании.

– Тогда сбегая за бутылкой... – начал было я с наивным видом, но Венедикт, как и ожидалось, фразу закончить мне не дал.

– Обижаешь, старик. Сегодня я угощаю. Праздник у меня, ты это понимаешь?

– День рождения, что ли? – прикинулся я незнайкой.

– У меня теперь каждый день можно назвать днем рождения, – ответил Венедикт и гулко расхохотался.

Я глядел на него, и душа моя патриотическая радовалась. Нет, еще силен славянский генофонд, есть еще порох в русских пороховницах, не иссякла еще босяцкая сила.

Венедикт со своей бородищей, черной (правда, уже кое-где с проседью) гривой волос, в рубахе-косоворотке, которая едва не лопалась на литых чугунных плечах, и ростом под два метра был похож на былинного богатыря.

– Никак покорил Америку? – спросил я с деланным удивлением.

– Я, конечно, не Колумб, но шороху там наделал, – не без рисовки ответил Венедикт. – Эти тупые янки сколько мне бабок скинули за мои фигли-мигли, что я теперь могу не работать и бухать хоть до Страшного суда.

– Фигли-мигли?...

– Да брось ты притворяться, – махнул своей ручищей Венедикт. – Разве можно мои железяки назвать искусством? Все это барахло, мусор со свалки.

– Вот те раз...

Должен сказать, что у Вени была своя манера художественного творчества. Он собирал на свалках и складах металлолома разные железки и варганил с них разнообразные композиции.

Любому здравомыслящему человеку, воспитанному на картинных галереях Эрмитажа и Третьяковки, кажется, что все это чушь, чепуха на постном масле, очередной бзик или, если хотите, зигзаг художественной моды.

Все это верно. За одним маленьким исключением – в руках гения (ладно, пусть таланта) даже невзрачная металлическая шестеренка, которую вдобавок еще и называют «паразиткой» (ручаюсь за достоверность, сам где-то читал) неожиданно превращается в яркую красавицу-звезду, которая только что свалилась с небосвода.

Венедикт был просто гениален. Хотя до конца этого факта и не осознавал. В общем, как многие из нас. Практически любому человеку от рождения дается какой-нибудь талант. Но вот беда – не каждому дано его реализовать.

Причин тому много. А главными есть лень, бедность, пьянство и провинциализм. Жаль, нет статистики, сколько на Руси пропало безымянных талантов, большей частью в посконной глубинке.

Но иногда на Венедикта находило, и он брался за кисть. То, что у него получалось на холсте, иначе как шедевром назвать было трудно. Особенно удавались ему портреты. Лица на полотнах Венедикта казались живыми.

– Иво, все эти годы я выживал. Когда хочется есть, а в кармане пусто, собакой залаешь. Вот я и лепил горбатого, благо за это хорошо башляли.

– Позволь с тобою не согласиться. Мне кажется, за портреты тебе платили гораздо больше. И заказчики шли в твою мастерскую косяками.

– Чудак человек... – Венедикт обнял меня за плечи и потащил в мастерскую. – Пойдем, я кое-что тебе покажу. Дело в том, что в любое по настоящему художественное произведение приходится вкладывать частичку себя. А ко мне приходили заказывать свои парсуны такие дебилы, что блевать хотелось, глядя на них. У меня кисть вываливалась из рук, когда я принимался за портрет. Дабы изобразить хоть что-то, приходилось «вдохновляться»... сам знаешь чем.

– Знаю... – Я коротко улыбнулся.

– Вот. А в модный металлолом душу вкладывать не нужно. Лепи, как придется. Что-нибудь да получится. При этом все восхищаются, руку жмут, благодарят. Дубье... Но бабки платят. И очень даже приличные... ха-ха... Заходи.

Комната, куда завел меня Венедикт, служила ему кабинетом и местом, где он хранил краски, кисти, растворители, лаки, масла и тому подобное. Когда я гостевал в его мастерской последний раз (почти год назад), она была серой, замызанной и убогой; в общем, кладовая она и есть кладовая.

Но теперь я не узнал ее. Венедикт сделал шикарный ремонт, прорубил дополнительное окно, отчего комната стала как бы шире ну и, понятное дело, значительно светлей, и обзавелся приличной мебелью.

– Впечатляет? – спросил Венедикт, хитро ухмыляясь в свою бородину.

– Не то слово... Я сражен наповал.

Я не погрешил против истины. Я действительно был сражен. Но не евроремонтом, на который сподобился обычно бесшабашный и безалаберный Венедикт.

В кабинете отсутствовал старый просторный диван, на который я имел виды. Вместо него стояли два хлипких с виду современных креслица и журнальный столик. И где теперь прикажете мне спать? На столе? Или на полу?

Похоже, с идеей перекачаться некоторое время у Венедикта придется распрощаться. В самой мастерской, конечно, были места для отдыха, но только не для сна. Какой может быть сон, когда дверь мастерской никогда не закрывается и шалман гудит сутки напролет?

– Оцени, – гордо сказал Венедикт, показывая на одну из стен.

Там висел портрет молодой женщины. Нет, скорее девушки, если судить по ее пухлым пунцовым губам и щечками, похожими на два наливных яблока.

Это был настоящий шедевр. Венедикт превзошел сам себя. Портрет был выполнен в манере средневековых мастеров живописи, лессировками [2], и казалось, светился изнутри.

Меня вдруг осенило.

– Супер, – ответил я честно; и спросил, улыбаясь: – Уж не влюбился ли ты, друг ситцевый?

Веня не был женоненавистником, однако жениться так до сих пор и не сподобился. Его свободную натуру трудно было сковать цепями Гименея [3].

Поэтому после нескольких неудачных попыток завести себе хотя бы постоянную подругу, Венедикт оставил это неблагодарное занятие и перебивался случайными связями, благо юных ценительниц его таланта, которые учились в местном художественном училище, вполне хватало.

– Кгм... – смущенно прокашлялся Венедикт. – Как ты догадался?

– Это она? – Я ткнул пальцем в сторону портрета.

– Ну... Как тебе?

– Класс.

– Умница, – гордо заявил Венедикт. – Скажу тебе по секрету (только чтобы никому, ни-ни!), у меня скоро будет сын.

– Вот те раз... – Я совсем обалдел от его откровений. – Так ты уже и свадьбу сыграл?

– Обижаешь... Как это я мог сыграть свадьбу, не пригласив на нее своих лучших друзей? – От избытка чувств он обнял меня за плечи с такой силой, что мои кости захрустели. – Все еще впереди. Как родит, так мы и...

– Понял. С чем тебя и поздравляю. Давно пора.

Я сказал это, помимо своей воли, с тяжелым сердцем. Блин! Кто-то детей рождает, женится, а мне тут развод мылится. Вот жизнь...

– Пойдем к остальным, – сказал Венедикт. – Отметим нашу встречу. Нет, нет, никаких возражений! Я по тебе соскучился.

– Но у тебя, как я понял, иностранные гости... Неудобно.

– Неудобно голым по вернисажам бегать. Это, знаешь ли, чревато...

Мы переглянулись и дружно расхохотались. А ржать нам было от чего.

Год назад, еще до отъезда Венедикта в Америку, к нам в город пожаловали московские гости. Они привезли выставку современного поп-арта вперемешку с боди-артом. (Как это все точно расшифровывается, каюсь за свою темноту и необразованность, не знаю до сих пор; лучше всего для описания того, что происходило, подходит определение еще советских времен – гнилостное проявление разлагающейся буржуазии в искусстве).

Естественно, такое событие Веня пропустить не мог. Он явился на выставку как всегда подшофе и с толпой приятелей-собутыльников, большинство из которых были его братьями по ремеслу. От нечего делать и я присоединился к этой теплой компашке.

И все бы прошло тихо-мирно, без эксцессов, – все-таки, событие для нашей провинции немаловажное – но тут Венедикту на глаза попался человек-собака. Этот так называемый «художник и творец» был в собачьем ошейнике, совершенно обнажен и бегал по залу на четвереньках. Таким макаром он создавал новое направление в искусстве.

Увы, Венедикт этого не понял. Когда человек-пес остановился возле какой-то скульптуры, чем-то напоминающей творения самого Вени, и поднял по-собачьи ногу, чтобы изобразить отправление естественных надобностей, Венедикт, который стоял рядом, вдруг взбеленился и...

Дальнейшее нужно было видеть. Оскорбленный в лучших своих чувствах, Веня схватил

голового хмыря за волосы и за его мужские причандалы, и одним богатырским махом вышвырнул «творца» в распахнутое окно.

Дело происходило на втором этаже художественного музея, поэтому человеку-собаке пришлось немного полетать. А приземлился он в аккурат на большой куст шиповника. Весь исцарапанный и испуганный до обалдения, московский гость рванул от музея, куда глаза глядят.

Кто видел его, бегущего по мостовой (правда, уже не на четвереньках), тот навсегда запомнил московский вернисаж поп-арта...

За свою выходку Венедикт отделался лишь небольшим штрафом. Оказывается, в современном искусстве плохо разбирался не только он, но и судья, который при оглашении приговора Бьену Кирису едва сдерживался, чтобы не расхохотаться.

Мы прошли в ателье Венедикта, если можно таким солидным словом назвать большую светлую комнату с высокими потолками и готическими окнами.

Она тоже подверглась капитальному ремонту и перепланировке, а потому казалась современной реалистичной картиной, на которой была изображена легкими светлыми мазками классическая мастерская художника с мольбертами, неоконченными полотнами, станком, напольными вазами и двумя статуями каких-то древнегреческих богинь.

Эту идиллическую обстановку портил лишь большой круглый стол посреди комнаты, заваленный как попало разнообразной снедью и заставленный бутылками – и полными, и уже пустыми.

Вокруг стола расположилась весьма разношерстная компания – семь или восемь человек, среди которой я сразу вычислил трех иностранцев. Остальные были коллегами Венедикта.

– Кто это? – спросил я шепотом уже на ходу.

– Мои американские заказчики, – гордо ответил Веня. – Вчера прилетели.

– Даже так... – Я был заинтригован.

– Договор хотят заключить. Только я в английском ни бельмеса, знаю не больше двух десятков фраз, пришлось заказать переводчицу.

Переводчицей оказалась чопорная девушка, которая пыталась изобразить из себя английскую леди.

– Здравствуйте, – сказал я сдержанно и вежливо склонил голову.

– Хэлоу! – дружно откликнулись янки, которые были уже на хорошем подпитии.

– Это мой друг, – объявил Венедикт. – Переведи, – обратился он к «леди».

Девушка послушно исполнила его просьбу. Английский язык она знала так себе, не очень, поэтому говорила медленно, тщательно и с сильным акцентом выговаривая слова.

Я решил не мучить эту горемыку и перешел на английский сам, потому что в свое время мне пришлось выучить его в совершенстве. Нас готовили воевать на территории врага, хорошо готовили, так что даже по истечении многих лет я мог болтать по-английски как попугай.

Я сказал (брехло собачье!), что мне приятно видеть представителей такой могущественной и уважаемой в мире державы в наших краях и что готов немедленно поднять бокал за мир и

дружбу во всем мире. (Тут уж я душой не покривил).

– О, вы знаете наш язык!?! – обрадовались американцы.

– Немного, – ответил я скромно.

– У вас отличное произношение, – возразил один из янки, костистый угловатый малый с холодными настороженными глазами. – Вы, наверное, учились в Англии?

Нет, там мы проходили производственную практику, едва не брякнул я первое, что взбрело в голову. Я даже открыл рот, но тут же прикусил язык. Конечно, противостояние США и СССР осталось в прошлом, но зачем американским гостям Венедикта знать, что собой представляла эта «практика» и чем она закончилась.

– К сожалению, не довелось, – ответил я как можно искренней. – Просто я имею большую склонность к иностранным языкам.

Венедикт слушал разговор, в изумлении вытаращив глаза. Он не знал о моих талантах полиглота, поэтому был удивлен до крайности.

– Вот те раз... – сказал Веня несколько растерянно, когда я и все трое янки удовлетворили взаимное любопытство и выпили по единой – за дружбу между народами всех стран. – Ты что, от нечего делать на иностранные языки приналег?

Заметив, что к нашему диалогу внимательно прислушивается американец с отмороженными глазами (который только что в разговоре со мной посокрушался, что русским практически не владеет), я как можно непринужденней ответил:

– Ну. Хочу съездить за бугор по турпутевке. А там без английского, сам знаешь, никак.

– Завидую я тебе...

– Это почему?

– Для творческой личности иметь богатого спонсора – предел мечтаний.

– Во-первых, Веня, я не творческая личность, а во-вторых, богатая жена не спонсор, а лишняя головная (нет, скорее зубная) боль. Уж поверь мне...

В этот миг я заколебался – рассказать ему о своих злоключениях или промолчать? После недолгих размышлений я тяжело вздохнул и решил, что все равно у Венедикта на постой не останусь, а значит, нечего тут трепаться насчет личных коллизий.

И уж тем более мне не хотелось своим мрачным повествованием портить светлое настроение своего приятеля, который наконец решился связать себя семейными узами. Зачем ему знать, что после медово-карамельного года совместной жизни часто следует горькая полынная настойка, которую хошь, не хошь, а хлебай.

У Венедикта я долго не задержался. А все потому, что девушка-переводчица, наблюдая, как я совершенно свободно изъясняюсь с американцами, возненавидела меня тихой ненавистью. Я это видел по ее глазам. Оно понятно – получалось так, что я отбиваю у нее кусок хлеба.

Поэтому, чтобы не травмировать совсем погрузневшую переводчицу и дальше, я попрощался (не без сожаления, не скрою) с веселой компанией, вызвав при этом бурный протест Венедикта, и покинул уютный шалман художника налегке, безо всяких объяснений оставив на его попечение сумку со шмотками и кларнет.

Уходя, я спиной чувствовал пронизывающий взгляд янки с холодными глазами. Как мне знакомы были такие взгляды...

Похоже, это был мой коллега по прежней жизни. Только, в отличие от меня, резервиста и пенсионера, угловатый, хорошо тренированный американец, похоже, был при исполнении.

Вот и верь потом политикам-краснобаям, которые уже все уши прожужжали о стратегическом партнерстве с Америкой. Правильно говорили наши предки, сидя в окопах на передовой: дружба – дружбой, а табачок – врозь.

Интересно, где теперь наша передовая? Как на меня, то разговоры о террористах – это не более чем флер, под которым пытаются скрыть какие-то глобальные вещи, которые ничего хорошего народам Земли не принесут. В этом можно не сомневаться.

Политики еще ни разу в мировой истории не совершили доброго дела добровольно, а не под давлением обстоятельств.

Однако, что понадобилось этому янки, от которого прет запахом ЦРУ за милю, в нашей провинции? Я почему-то не думал, что его «контору» так сильно заинтересовало творчество Бьена Кириса.

Глава 3

Переночевать я решил у Дейзика Шеболдаева. Заявляться к нему с пустыми руками всегда было дурным тоном, поэтому я зашел в гастроном, где затарился напитками и продуктами как альпинист перед восхождением на Эверест.

Дейз был в какой-то мере выдающейся личностью. (Впрочем, меня всегда тянуло к людям незаурядным, благодаря которым можно было пополнить не только личный словарь ненормативной лексики, но и запасы каких-нибудь нужных познаний).

Он считался гением по части компьютеров и всего прочего, что с ними связано. У него была крохотная фирма, где директор и все работники были в одном лице – то есть, в лице самого Дейза. Это мини-предприятие приносило ему скромный доход, хотя его программы стоили бешеных денег.

Но Дейзика бизнес интересовал поскольку, постольку. Он был самым настоящим лентяем. Мне, например, в этом отношении до него далеко.

Дейз целыми днями валялся на диване в своем офисе, представляющем собой полуподвальное помещение, и проглатывал один за другим романы писателей-фантастов, как наших, так и зарубежных.

Иногда на него находил стих и он садился к компьютеру. В такие моменты Дейза лучше было не трогать – он буквально зверел, когда его отрывали от работы.

Единственным умиротворяющим средством в таких случаях было только спиртное. Поэтому я не поспешил и набрал бутылок с горячительным содержимым как на Маланьину свадьбу.

Мне не повезло – Дейз работал. Это я понял сразу. (Похоже, в моей жизни и впрямь пошла черная полоса). Электрический звонок у него был всегда испорчен, поэтому мне пришлось пинать ногами железную дверь его офиса минут пять, пока он не соизволил явить миру свой пресветлый лик.

– Ты чего долбишь в дверь, как дятел? – спросил он недовольно, глядя на меня как на попрошайку, пытающегося выклянчить у него полста рублей на опохмелку.

Дейзик был небрит, лохмат, и в робе, больше подходившей какому-нибудь слесарюге из жилищно-коммунальной конторы.

– Войти хочу, – ответил я без обиняков.

– Зачем?

Я широко ухмыльнулся и как будто невзначай тряхнул пакетом с припасами. В ответ послышался ласкающий слух настоящего мужчины стук полных бутылок.

Какое-то время Дейз смотрел на меня с тупым недоумением, но затем до него все-таки кое-что дошло. Он бросил быстрый взгляд на мой беременный пакет, кисло покривился и сказал:

– Заходи...

Вторичного приглашения мне не понадобилось. Я поторопился юркнуть мимо Дейза с таким расчетом, чтобы не коснуться его замызганной хламиды, и оказался в помещении, которое смело можно было назвать складом электронного утиля.

Чего здесь только не было! Одно перечисление всяких приборов, механизмов, каких-то генераторов и мониторов разных фирм заняло бы как минимум два машинописных листа. Что делал Дейз со всем этим оборудованием, для меня всегда являлось загадкой. Он был компьютерный Плюшкин – тащил в свою норку все подряд.

– Почему такой хмурый? – спросил я, сметая со стола прямо на пол хлебные крошки и яблочные огрызки.

– Потому что ты пришел, – вызывающе ответил Дейз.

– Вот те раз... – Признаюсь, я немного опешил. – Тогда, чтобы тебя не печалить и дальше, я пойду...

С этими словами я сделал вид, что хочу удалиться, прихватив с собой и пакет с едой.

– Постой! – Дейз схватил меня за рукав; это движение у него получилось совершенно произвольным. – Я пошутил. Работы, понимаешь ли, навалом... а деньги никто не платит. Совсем оборзели эти наши новые русские. Паразиты!

Выслушав крик его души, я снова принялся сервировать стол с неторопливостью и обстоятельностью сытого человека. Дейзик наблюдал за моими действиями с каким-то диким выражением; у него даже глаза засветились зеленым светом.

– Да перестань ты!... – наконец не выдержал он и выхватил у меня из рук большой батон, который я начал аккуратно и неторопливо резать на тоненькие ломтики собственным ножом, так как у Дейза все кухонные принадлежности такого рода были ржавыми и тупыми. – Хлеб не режут, а ломают, – объяснил он свой поступок, с невероятной скоростью распотрошив батон, как Бог черепаху.

– Это что, народная мудрость?

– Да. Наливай, потом поговорим... – Дейз от вожделения быстро-быстро тер ладонь об ладонь. – Я голоден, как волк.

Я только ухмыльнулся и благоразумно промолчал. По моим наблюдениям, Дейз готов был набивать свою бездонную утробу в любое время дня и ночи, любым количеством съестного. Ему было безразлично, что на столе. С одинаковым аппетитом он съедал и булку хлеба, посыпая его солью, и рождественскую индейку.

Меня всегда удивляло, куда девается еда, которая проходила в его горло. Дейз был тонкий, звонкий и прозрачный, но ел и пил за трех здоровых мужиков. При этом его плоский живот совершенно не увеличивался.

Создавалось впечатление, что все съеденное Дейзиком сразу же рассасывается в организме, а то, что не рассосалось, складывается в полых костях – прозапас.

Я больше пил, чем ел. И наблюдал, как Дейз уничтожает то, что я принес. В конце концов у меня вдруг мелькнула в голове мысль, что и здесь у меня дело с квартирой не выгорит.

Конечно, Дейз не потребует с меня денег за временное проживание в офисе, но я-то знал, что платить мне все равно придется. Продуктами и спиртным.

А по самым скромным подсчетам, которые я быстро произвел в уме, глядя на чудовище в человеческом обличье, которое трескало, не останавливаясь ни на минуту, в таком случае моих скромных финансов хватит не более чем на две недели.

Ой-ей...

Насытившись (вернее, сделав перерыв в еде; Дейз всегда подметал стол вчистую), он звучно рыгнул и спросил:

– Какую беду мне теперь ожидать?

– Не понял... Ты о чем?

– Всякий раз, когда ты появляешься на моем пороге, я с трепетом жду каких-нибудь катаклизмов – если не в нашем, местечковом, то в глобальном масштабе точно.

С некоторых пор Дейз начал меня опасаться – после наших совместных приключений, которые случились год назад. Тогда и впрямь нам пришлось очень туго, и в живых мы остались лишь благодаря большому везению [4].

– Как человек практичный, я требую, чтобы ты подтвердил свой вывод конкретными фактами, – отпарировал я, проявив неожиданное упрямство, так как в принципе Дейз был где-то прав.

– Чего проще... – Дейзик мрачно осклабился. – В прошлый раз, когда ты приперся ко мне после какой-то попойки, чтобы отоспаться, мотивируя свой визит тем, что не хочешь в таком непрезентабельном виде появляться перед женой, на Америку обрушился ураган «Катрина», который превратил Новый Орлеан в груды развалин среди болот. Остальные моменты, более поздние, мне не хочется даже вспоминать.

– Это обычное совпадение, – не сдавался я.

– Как бы не так! – воскликнул Дейз. – Если настаиваешь, могу привести еще несколько примеров.

– Достаточно, – бросил я угрюмо.

У меня неожиданно совсем испортилось настроение. Дейзик внимательно посмотрел на меня и спросил:

– У тебя неприятности?

– Это как посмотреть...

– И все-таки? – не отставал Дейз.

– Меня выгнали из дома. И на этот раз окончательно и бесповоротно.

– Давно пора, – подытожил Дейзик. – Я всегда ждал чего-то подобного.

– Да ну? – Я иронично ухмыльнулся. – Ты что, новый Нострадамус?

– Нет. Я всего лишь старый холостяк.

– Не такой уж ты и старый.

– Телом. Но душой я столетний дед – капризный, как последняя сволочь, ворчливый и терпеть не могу надолго отрываться от насиженного места.

– Ого, это что-то новое. С какой стати ты занялся самобичеванием? На тебя это совсем не похоже. Неужто и у тебя душевная коллизия?

– Так ведь я уже говорил, что вместе с тобой приходят неприятности. Правда, на этот раз они произошли не в мировом масштабе, а заявили лично ко мне, и на два дня раньше.

– Ты поссорился с Софьей? – Я сильно удивился.

Его подруга Софья, с которой он все собирался и никак не мог оформить официальные отношения – это чтобы с записью в паспорте – была тоже сдвинута по фазе на компьютерах. В некоторых вопросах, касающихся программирования, она рубила даже получше Дейзика.

А удивился я потому, что считал Софью легким, неконфликтным человеком. Мне казалось, что ссоры между ними просто исключены, так как она, ко всему прочему, обладала еще ангельским терпением и была, под стать Дейзу, совершенно неприхотливой – словно специалист по выживанию в любых условиях.

– Нет, не поссорился, – угрюмо ответил Дейзик.

– Тогда я не понимаю...

– Соня сказала, что я надоел ей, и она уходит к другому.

– Вот так компот... Признаюсь, не ожидал.

– А я ждал, что так будет, нутром чуял. Чуял! Зачем ей нищий? У меня ведь ни кола, ни двора... даже машину никак не соберусь купить. Все денег не хватает.

Фигура Дейзика выражала полное отчаяние. Мне показалось, что у него даже слезы на глаза навернулись. Страдает...

– Не переживай, – попытался я утешить Дейза. – Она вернется. Обязательно вернется. Иногда у женщин бывают такие бзики. Женщина как золотая рыбка, которая попалась на крючок. Перетянешь – сорвется, сильно попустишь леску – забьется под корягу, и тогда ее оттуда ничем не выковыряешь. Нужно подтягивать свою добычу к подсаку осторожно, но так, чтобы леска не давала слабинку.

– Запихни свой совет, знаешь куда?... – фыркнул Дейз. – Тоже мне, советчик нашелся... Что же ты не применил свои великие познания по части женского характера в личной жизни? А?

Тебя вон тоже турнули. – В голосе Дейзика неожиданно прорвались злорадно-торжествующие нотки.

– Турнули, – согласился я безропотно. – Увы, и на старуху бывает проруха. Но моя Каро – это исключение из общего правила. К ней сам черт на кочерге не подъедет.

– Почему это она исключение?

– А потому, что я не выбирал ее. Она сама мне на голову свалилась. Так сказать, подарок своенравной судьбы. А судьба отличается тем, что с легкостью раздает подарки и с не меньшей легкостью забирает их обратно. Поэтому мне грех на нее жаловаться. Sic fata tulere, – блеснул я своими познаниями в латыни.

– Все умничаешь... – проворчал Дейзик. – Переведи, – потребовал он больше из вредности, нежели для того, чтобы расширить свои познания в латинских афоризмах.

– Так было угодно судьбе.

– Кто сказал?

– Я.

– Врешь!

– Конечно, вру. Вергилий, если мне не изменяет память. Я не философ и не поэт, а посему не способен изрекать великие истины. Меня не на то учили.

– Знаю теперь, но кого тебя учили... – буркнул Дейз. – Костолом...

– А ты моль компьютерная, – ответил я с деланной обидой.

Мы долго с мрачным видом смотрели друг на друга, словно мерялись силой взглядов, затем Дейз расслабился и рассмеялся. Я последовал его примеру. И странное дело – у меня будто камень с души свалился. Судя по всему, и Дейзик почувствовал облегчение.

– Так все-таки, что там у тебя с Софьей?

– Я же сказал, она ушла от меня, – буркнул Дейз, снова нахмурившись. – Навсегда. К богатенькому Буратино.

– Я так думаю, что это всего лишь словеса. Которые она выдала тебе во время ссоры. Ты его видел, знаешь, кто он?

– Не видел, но знаю. Есть тут у нас один... козырь.

– Кто?

– Зачем тебе?

– Может, я хочу вам помочь. Как на меня, так вы с Соней отличная пара.

– Башку ему намереваешься открутишь? – с иронией спросил Дейз.

– Это как придется.

– У него там братва есть крутая. Так что, боюсь, ты можешь крупно залететь.

– Ну, это уже будут мои проблемы, – заявил я не без бахвальства. – Ты только скажи, как его

кличут и где он обретается.

– Иво, ты говоришь глупости, – сказал Дейзик с укоризной. – Будто не знаешь, что насильно мил не будешь.

– Конечно, знаю.

– Так чего же ты тогда воздух сотрясаешь?

– А чтобы тебя немного подбодрить. Дабы ты в очередной раз убедился, что имеешь настоящего друга, готового по первому твоему зову прийти тебе на выручку.

Это я бросил Дейзу леща. Чтобы он хоть сегодня не выпер меня на улицу. Можно, конечно, пойти ночевать в гостиницу, но там уж больно цены кусаются. А свою пенсию я просадил на том самом паршивом «мизере», получив в прикупе два туза.

Нет, пора с преферансом завязывать...

– Спасибо, Иво... – У Дейза влажно заблестели глаза. – Друг – это действительно хорошо. Что нам эти женщины? Одна маята с ними.

– Верно, так оно и есть, – поддакивал я Дейзику.

– Давай выпьем за мужскую дружбу!

– Наливай, – решительно махнул я правой рукой, в которой держал зажженную сигарету. – Тост, что называется, в яблочко.

Дейз разлил водку по рюмкам, и мы выпили с торжественным выражением на наших покрасневших лицах; потом он предложил еще один тост – за холостяков, и мы снова отдали дань Бахусу; затем Дейзик, который захмелел с потрясающей быстротой, полез ко мне целоваться, и я едва успел подставить ему макушку, чтобы он не облизывал мне щеки...

Короче говоря, к позднему вечеру я все-таки обзавелся ночлегом и пьяным в дым свинтусом, который то песни пел, то порывался мне что-то рассказать заплетающимся языком, а в конце концов закрылся в душевой (где долго опорожнял желудок), откуда мне довелось буквально выковыривать его, когда он был уже в полном отрубе.

Уснул я быстро, несмотря на храп Дейза. Все-таки, что ни говори, а годы берут свое. Когда-то я мог сутками гужеваться в компаниях и был свеж, как только что сорванный с грядки огурчик.

И вообще – до чего довела меня семейная жизнь!? Нервы стали как у той самой хрестоматийной институтки. Бред какой-то...

Это была последняя фраза, произнесенная мною мысленно, которую я запомнил, перед тем как провалиться в омут глубокого сна без сновидений и кошмаров, посещавших меня регулярно с тех пор, как я женился на Каролине.

Нет, точно, все женщины – ведьмы...

Разбудило меня бормотанье. Спросонку мне показалось, что кто-то молится. Бу-бу-бу, бу-бу-бу...

Я открыл глаза и первым делом посмотрел на окно. Там виднелись деревья, освещенные солнечным светом, безоблачное небо чертили черными молниями ласточки, звонко чирикали воробьи, доедая хлебные корки из кормушки, которую Дейз в гуманитарном порыве и явно

подшофе прибил к окну офиса, а со двора (что за углом) доносился мат дворника со странной фамилией Чижмотря.

Он был страшный сквернослов. И большой не любитель вставать с утра пораньше, как положено людям его профессии.

Судя по ярким, хорошо запоминающимся выражениям, которые могли перещеголять даже словарный запас матерной фени выдавшего виды боцмана, похмельный Чижмотря только-только взялся за метлу. А это значило, что стрелки часов приближаются к цифре «11».

Ого, подумал я. Так недолго и обед проспять...

Потом я перевел взгляд в ту сторону, откуда доносилось беспрестанное «бу-бу-бу». И увидел там Дейза. Он сидел перед работающим компьютером, обхватив голову руками, и, раскачиваясь взад-вперед, как буддийский монах, тихо причитал:

– Сволочь ты, Шеболдаев, какая сволочь... Сколько раз тебе нужно говорить, урод ты эдакий – не смешивай водку с пивом... водку с пивом не смешивай! Сколько раз ты закаивался не иметь никаких дел с Иво... с этим паразитом! По нему давно тюрьма плачет. А тебе, Шеболдаев, через два дня заказ нужно сдавать. А ты нажрался, как свинья... как свинья! Теперь голова не варит... не варит... ни хрена не соображаю!!! – Это уже был крик души.

Я ослабил, увидев до боли знакомую картину утреннего пробуждения компьютерного гения, встал, потянулся до хруста в костях, и сказал:

– Дейз, а не испить ли нам кофию?

– Пошел ты!...

– Понял. Где тут у тебя кофейник?

Услышав в ответ все то же «бу-бу-бу», я решительно направился в «кухонный» уголок офиса, где находилась газовая плита и кособокий, хлипкий шкафчик для посуды. Похоже, Дейз откопал его где-то на свалке.

Спустя десять-пятнадцать минут ароматный запах кофе наполнил помещение офиса, напрочь истребив миазмы от перегара.

Я сел за стол, налил себе полную чашку, и стал неторопливо прихлебывать горячую маслянистую жидкость, незаметно кося глазом на безутешного Дейза. По его напрягшейся спине я понял, что до носа Дейзика тоже долетели аппетитные запахи. И теперь он мужественно преодолевает желание составить мне компанию. Конечно же, из вредности.

– Дейз! Ходи сюда, орел сизокрылый. Кофе стынет. И перестань дуться. От этого похмельный синдром не исчезнет.

– Гад ты, Арсеньев! – злобно и с выражением сказал Дейз, усаживаясь напротив меня. – Опять из-за тебя, бездельника, все мои планы полетели коту под хвост.

– Почитай Экклезиаста.

– Зачем? – с подозрением спросил Дейз.

– Что мне там понравилось, так это единственное выражение «Все в мире сущем суета сует». За дословность не ручаюсь, но смысл тебе, надеюсь, понятен.

– Объясни. Я сегодня тупой.

– От того, выполнишь ты свой заказ в срок или задержишь его сдачу дня на два, на три, ничего в мире не изменится. Все что мы делаем – это написание мемуаров невидимыми чернилами на чистом листе бумаги. Изменить ничего нельзя, все заранее predetermined и взвешено. Наша жизнь – это мышьяк над коркой хлеба.

– Хорошо тебе философствовать... с полным кошельком. – Дейз глотнул кофе, обжегся и тихо выругался. – А тут в кармане вошь на поводке и та скоро ноги от голодухи протянет.

– Жена меня выгнала практически без достойного выходного пособия. Дала лишь на дорогу и на булочку с ливерной колбасой. Так что теперь мы с тобой одного поля ягоды. С единственным, но существенным, отличием: ты можешь зашибить деньгу в любой момент, благо специальность у тебя, как по нынешним временам, просто козырная; а у меня, как ты уже знаешь, руки выросли не из того места. Вот так-то, мученик. Пей кофе и радуйся, что вчера мы провели вечер несуетливо, тем самым приблизившись на шаг к источнику великой истины.

– Тебя не переговоришь, – мрачно заметил Дейзик, допивая свою чашку; по его посветлевшим глазам я понял, что кофеин сделал свое дело и теперь компьютерный гений постепенно возвращается в рабочее состояние. – В спецназе все такие болтуны?

– Смотря в каком.

– Но тебя, я вижу, учили на профессора, – с иронией сказал Дейз. – И языки знаешь, и Экклезиаста читал, и руки-ноги людям ломаешь лихо.

– Гены, Дейз, все это гены. Мне на роду написано быть воином. Правда, не простым...

– Чушь! При чем здесь гены? Где в моем организме записано, что я должен стать именно программистом? Наука до сих не разобралась во всех этих делах. Между прочим, когда был сотворен человек (это если следовать библейским легендам), о компьютерах даже сам Господь не имел никакого понятия.

– А вот тут ты неправ. Вспомни, он сказал «Да будет свет!» и на небе появились звезды, солнце, луна. Не напоминает ли тебе это нынешнее состояние электронной техники, пусть и отдаленно?

– Не говори загадками. Что ты имеешь в виду?

– А то, что уже сейчас в домах хорошо упакованных господ ставится электронная аппаратура, реагирующая на голос хозяина, которая включает по его приказу все, что угодно – от люстр до кондиционера, телевизора и кухонного комбайна. Теперь понял?

– Ну, допустим...

– Не допустим, а вполне вероятно. Просто в Библии из каких-то соображений не стали углубляться в детали подготовительной работы, которую Господь провел перед тем, как создать наш мир. Наверное, потому, что простому обывателю-потребителю (в нашем случае Адаму, Еве и их потомству) совершенно неинтересно, на каких принципах работает, например, компьютер и сколько в нем проводков, транзисторов, плат и прочей дребедени. Главное, чтобы комп не зависал и не глючил, когда на него наезжает спам.

– Ловко ты умеешь зубы заговаривать, – буркнул Дейз, очнувшись от гипноза моих бредней, и встал. – Все, мне нужно работать, – сказал он решительно и с многозначительным видом.

– Понял. Сваливаю...

Я кротко взвалил свой крест себе на загривок и потащился к выходу. А что поделаешь? Конечно, я бы мог остаться у Дейза. Но, зная его невыносимый характер, особенно ярко проявляющий себя во время творческого процесса, понимал, что мое пребывание в офисе через день-другой станет настоящей пыткой.

А мне и так хватало личных моральных терзаний.

День обещался быть просто великолепным. Но меня это не радовало. Немного поразмыслив, я направил свои стопы еще по одному адресу. Если и там у меня получится облом, тогда...

Тогда точно придется податься в бомжи и ночевать в люках теплотрассы.

Глава 4

У меня оставался последний шанс попробовать свою удачу на предмет внедрения в качестве постояльца в мастерскую Кирилла Алдошина. Это был коллега Венедикта, несомненно талантливый художник-график и просто гигант по части выпивки.

Поэтому у него была уйма прозвищ: от тривиального, как в паспорте, – по имени и по батюшке – Кир Кырыч, то есть, Кирилл Кириллович, до общеупотребительных, чисто народных – Кир Вмазыч и Кир Непросыхающий.

Кир Кырыч пил с утра до вечера и даже ночью, при этом ухитряясь быть лишь навеселе. Похоже, в его организме находился какой-то антисамогонный аппарат, моментально разлагающий спиртное на молекулы воды и сопутствующих газов.

Он был ярко-рыжий, низкорослый и любвеобильный как козлоногий сатир. Кир Кырыча всегда окружали классные девахи, и я иногда диву давался, сам себя спрашивая: чем их привлекает этот вечно пахнувший перегаром ловелас?

Жилплощади у Кир Кырыча было предостаточно, это я знал хорошо. Он выкупил весь этаж дома, где устроил свои апартаменты и мастерскую, которой завидовали многие его коллеги.

Зачем ему такое большое помещение для работы? – недоуменно спрашивали те, кому улыбнулась удача посетить Кира Вмазыча в том момент, когда он пропивал гонорар за оформление очередной книги. Ведь за мастерскую приходилось платить коммунальщикам немалые деньги.

Действительно, все его рабочее оборудование – стол с компьютером и двумя принтерами, кресло, стеллаж с инструментами (там же находились расходные материалы) и небольшой ручной пресс (дань традиции) для изготовления авторских эстампов – помещалось возле окна, в закутке, который закрывался от любопытных глаз ширмой.

Остальная площадь представляла собой пространство, заставленное диванами, пуфиками, современными креслами и столиками. Когда я был у Кир Кырыча последний раз (месяца два назад), он как раз ругался с нерадивыми грузчиками, доставившими из мебельного магазина настоящего монстра.

Это был последний писк моды – очень низкий и просто огромный диван, явно предназначенный для любовных игр целого гарема. Чтобы удобно и со вкусом разместить всю мягкую мебель, к которой Кир Вмазыч явно был неравнодушен, он произвел реконструкцию квартиры, убрав некапитальные перегородки.

Визит к Алдошину для моего кошелька оказался не очень накладным. Хвала аллаху, что водка у нас стоит гораздо дешевле продуктов. Пей, хоть залейся.

Но водки мне пришлось взять много, притом литровыми бутылками. Поллитра для Кира Непросыхающего была, что слону дробинка.

Возле его двери топталась молодая гражданка с сильно выпирающим животом. «Уж не Кир ли ее обрюхатил?», – подумал я, вежливо кивнув. И получил в ответ полный горечи и презрения взгляд мужененавистницы.

Наверное, до моего прихода дамочка отдыхала. Появление заинтересованного зрителя придало ей силы, и она закричала, стуча кулачками в фирменную дубовую дверь:

– Кирилл, открой! Я знаю, ты дома. Кирюша, ну пожалуйста. Котик, открой...Открой, кому говорю!!! Ты!...

Дальше последовало несколько слов совсем не из дамского лексикона. Самыми ласковыми и толерантными из них были «рыжее конопатое чмо, кобель вшивый и гадюка мирмидонская».

Похоже, гражданка получила филологическое образование, если в такой критический момент ей на ум пришли мирмидоняне, ахейское племя, возглавляемое Ахиллом во время похода на Трои.

Впрочем, не исключено, что это была всего лишь игра слов.

– Зачем же стучать? – вмешался я в ее несколько вульгарный монолог, когда он начал иссякать и сменился тихими и жалобными стенаниями. – Вон справа дверной звонок. Нажмите кнопку и ждите.

– Этот гад... сволочь!... отключил звонок.

Гражданка посмотрела на меня внимательней и начала суетливо вытирать носовым платком размазанную по щекам тушь, смытую слезами с ресниц. Я терпеливо ждал.

Нужно сказать, что в порядок она привела себя за считанные секунды. Безутешная пассия Кир Кирыча оказалась достаточно милостивой особой, но, увы, не первой свежести. Как она ухитрилась забеременеть от этого ловеласа, уму непостижимо.

Я хорошо знал вкусы Кира Непросыхающего. Для него двадцатипятилетние девицы уже были старухами. А эта гражданка давно разменяла третий десяток, хотя и сохранилась довольно-таки неплохо.

– Вы тоже к нему? – спросила она сурово.

Быстро спрятав за спину пакет с бутылками, я промямлил:

– В общем... м-м... да...

– Зачем?

Во, блин! Разговаривает как следователь прокуратуры. И что мне ответить, чтобы не попасть впросак?

– Мы с Кир Кирычем коллеги... – начал я почему-то с заискивающей улыбкой.

Но беременная гражданка не дала мне закончить пока еще не оформившуюся мысль.

– Коллега? Поня-ятно... – протянула она многозначительно. – Такая же пьянь, как и Кирилл.

Сразу видно. Что там у тебя в пакете? – вдруг спросила она, нацелив не меня остро прищуренный глаз.

Час от часу не легче. Она уже перешла на «ты», а еще немного, гляди, начнет вымещать на мне все свои горести и обиды в физической форме. То есть, расцарапает мою физиономию до крови.

Ответить я, естественно, не могу – все-таки, женщина, да еще в положении – но и ходить с пластырями на самом видном месте никакой охоты не было.

– Это... минералка! – выпалил я первое, что пришло на ум. – У меня гастрит. Всего вам доброго, пока, привет Кириллу... – Эти слова я говорил, сбегая по лестнице вниз. – И не волнуйтесь так сильно! Вам нельзя! – прокричал я, будучи уже на первом этаже.

Ну и баба! Хана Кир Кирычу. Эта потащит его под венец не добром, так под дулом пистолета. Как пить дать, потащит. Допрыгался, соколик.

Кир Вмазыч уже был женат – при советской власти. Притом на очень крутой мамзеле, которая была дочерью какой-то большой партийной шишки. Но идиллия длилась недолго: Кир Кирыч не смог обуздать свой темперамент по части кобеляжа и ему показали от ворот поворот.

С той поры он завязал любые официальные отношения в личной жизни и порхал в любовном эфире как эльф, беззаботно и весело, совершенно наплевательски относясь к последствиям своих походов.

Как мне рассказывали, у него уже было трое или четверо внебрачных детей, но он, как мне только что удалось убедиться, решил не останавливаться на достигнутом. Вот только очередной объект для мужской самореализации попался ему больно шумный и решительный.

Окопавшись на скамейке возле соседнего подъезда, я стал терпеливо ждать, когда дамочке надоест выстукивать на двери Кир Кирыча морзянку, и она отправится восвояси. Не будет же эта настырная гражданка торчать там до самого вечера?

Увы, я ошибался. Прошел час, другой, но из подъезда выходил кто угодно, только не беременная подруга нашего Кира Непросыхающего. Она что там, уснула на ступеньках?

Нет, нужно что-то предпринимать! Мне совсем не улыбалась перспектива изображать из себя большого любителя наслаждаться чистым воздухом. Тем более, что его чистота была весьма сомнительна – улица наполнилась рычащими бензиновыми чудовищами, замаскированными красиво окрашенной жестью и никелированными украшениями под милые, радующие глаз, игрушки для взрослых.

Думал я недолго. Мне попала на глаза машина электриков, при помощи которой они меняли лампы наружного освещения на столбах. Она была оснащена специальным подъемником с корзиной и на все сто процентов подходила для исполнения моего замысла.

– Мужик, дело есть! – сказал я, подходя к водиле, который, небрежно опершись о машину, курил и плевался почти после каждой затяжки; привычка.

– Ну, ежели так, то говори, какое, – ответил он философски, вежливо приподняв засаленную кепку, когда я с ним поздоровался.

– Здание видишь? – указал я на дом Кира.

– На зрение пока не жалуюсь.

– И во-он тот балкон?...

– Понял. Ключи от входной двери посеял?

– Как ты угадал?

– Ко мне раз по пять на дню приходят по таким вопросам, – ответил он, ухмыляясь. – А чем докажешь, что ты там живешь, что не вор? – вдруг встревожился водитель. – Пачпорт у тебя есть?

Наверное, к нему с подобными просьбами обращались не только добропорядочные граждане...

– Ты когда за водкой в магазин ходишь, документы берешь? – ответил я вопросом на вопрос и раскрыл перед ним свой пакет.

– А зачем?

– Вот и я об этом.

Заметив, как жадно блеснули его глаза, когда мне пришлось продемонстрировать ему содержимое пакета, я достал литровую бутылку «Пшеничной» и всучил ее водиле.

– Держи. Это плата за труд. Договорились?

– Заметано, – решительно ответил водитель; похоже, водка была для него самым весомым аргументом в наших переговорах. – Васька! – крикнул он электрику, который возился далеко вверх с большим плафоном. – Я спускаю тебя, перекур!

– Чего ради!? Я еще не закончил.

– Потом закончишь. Понял?

– А-а... Так бы сразу и сказал...

Да, у электрика были глаза как у сокола. Ему оказалось достаточно одного взгляда, чтобы заметить бутылку водки, которую его приятель как раз запихивал в свой необъятный карман.

Мне повезло – балконная дверь оказалась открытой. Помахав на прощанье водиле, который, весело улыбаясь, послал мне воздушный поцелуй (как мало нужно нашему человеку для полного счастья! нет, наш народ точно непобедим), я раздвинул портьеры и нагло ввалился в мастерскую Кир Кирыча.

Ввалился – и обалдел. Я думал, что Кир, напуганный домогательствами своей брюхатой пассии, забился в угол и дрожит словно заяц. Но как же я ошибался!

В мастерской шел гудеж. Компашка состояла из Кира Непросыхающего и десятка девиц; притом все они, как на подбор, были красавицы и с такими потрясающими фигурами, что я невольно зажмурился – уж не сон ли это?

Кир заметил меня только тогда, когда я встал перед ним как сказочная Сивка-бурка перед Иваном-дураком.

– О! – воскликнул он. – Иво! Привет, дорогой. Девочки, знакомьтесь, это мой друг Иво Арсеньев. Классный парень. Настоящий мачо и даже где-то ковбой.

Во, блин, дела... Похоже, Кир Вмазыча совсем не обеспокоило мое внезапное появление из ниоткуда. Наверное, он по пьяни решил, что я просочился сквозь дверную скважину; ну чисто

тебе джин из бутылки.

– Да ты садись, садись! У нас тут весело. Ты принес водку? Ай, какой молодец! Дай я тебя расцелую... Горючее уже на исходе, и ты просто камень снял моей души. Я сейчас познакомлю тебя с моими красотками.

Кордебалет из цирка! Точно. Только там может скопиться такое количество не востребуемых для семейной жизни прелестниц с фигурами античных богинь. Неужели к дорогому Кир Кирычу приехали его старые подружки?

В свое время история его беззаветной любви к цирку, а точнее, к девушками из кордебалета, наделала в городе и области немало шума. Однажды он тайно сбежал из родных пенат вместе со своими подружками и устроился в разъездной цирк униформистом. Нашли его только через месяц с помощью милиции.

Расставаясь с красавицами, Кир Вмазыч был безутешен. (Расставался с ними он не по своей воле; его выгнали из цирка с треском за беспробудное пьянство и разврат, который не могло стерпеть даже выдавшие виды цирковое начальство).

Неужели тот цирк вернулся? Ну прямо тебе кино...

Я сел и стал накачиваться спиртным. А что мне оставалось делать? Тем более, что эта развеселая компашка мне очень даже импонировала. Никто не пристает с серьезными и умными разговорами, никто не плачется в жилетку, все хохочут и творят разные веселые глупости – что может быть лучше для моей израненной души?

И я поддался общему карнавальному настроению: шутил, острил, смеялся, рассказывал анекдоты, обнимался и целовался со всеми подряд (за исключением Кир Кирыча, который, как наш бывший генсек Брежнев, царство ему небесное, просто обожал лобызаться с мужиками), беспрепятственно гладил девушек по разным недоступным местам... в общем, вел себя, как самая распоследняя сволочь.

Естественно, в глазах Каролины, которая все еще была моей законной женой.

Вечер (плавно перешедший в загульную ночь), закончился, как и должно. Кир Вмазыч свалил в свою квартиру, прихватив с собой большую часть девичьего контингента (в его жилище, так сказать, в альков, вела внутренняя дверь), а я остался в мастерской, чтобы понять, для чего Алдошину понадобился такой огромный диван...

Проснувшись на следующий день, я некоторое время с приятным удивлением смотрел на девушек, которые прикорнули под моим крылышком как цыплята возле наседки, а затем вдруг ясно осознал, что еще две-три таких вакханалии, и мне капец.

Интересно, чем этот подлый Кир Кирыч заслужил такое внимание к своей персоне со стороны этих чудных цыпочек, неистощимых на разные штучки?

Наверное, у него внутри есть моторчик, который заводится от нажатия какой-то кнопки. Как у Карлсона, что живет на крыше. Только у сказочного персонажа при нажатии кнопки включался пропеллер на спине, а у Кир Кирыча нечто другое.

Нет, надо отсюда линять! – подумал я решительно, глядя на себя в зеркало. И как можно скорее. У меня даже щеки за ночь ввалились, и нос заострился. Так недолго и коньки откинуть. Любовные игры дело, конечно, приятное, но не до такой же степени...

Из разговоров я понял, что цирк будет гастролировать в городе чуть больше месяца, а мне такой срок точно не выдержать.

Умывшись, я страдальческим взором окинул диван-сексодром, где по-прежнему дрыхли в соблазнительных позах полуобнаженные райские гурии, тяжело вздохнул – да, брат, каждому свое, – и покинул гостеприимный салон сексуального маньяка-художника по-английски, ни с кем не прощаясь.

Дамочки с большим животом на лестничной площадке не наблюдалось, хотя время уже было далеко не утреннее. Умаялась, бедняга, подумал я с сочувствием. Наверное, после вчерашних бдений она уже сюда не придет.

Знала бы эта несчастная, как обрюхативший ее негодяй проводит свой досуг... Мерзкий тип!

Весело хохотнув, я начал спускаться по лестнице к парадному.

О, как же я ошибался! Как плохо я подумал о женщинах! Брюхатая гражданка, цепляясь за поручни, упрямо тащил свой животик наверх, чтобы снова стать в почетный караул возле двери соблазнителя. Да, настойчивая дамочка...

При виде меня у нее глаза на лоб полезли.

– Вы!? Вы были у него? Как вы туда попали? Он дома? Что он делает? – Эти вопросы она выпалила на одном дыхании; ну прямо тебе скорострельная авиационная пушка.

«Вы»! Оказывается, ночь действует на людей весьма положительно. Надо же, эта грозная гражданка стала такой вежливой...

Но я был сильно удивлен и озадачен: она что, всю ночь дежурила в подъезде и выходила только по житейской надобности? Ни фиги себе...

– Кирилл нет дома, – выпалил я сердито. – Где его черти носят!?

На этот риторический вопрос дамочка ответила не нормальными, членораздельными звуками, а злобным шипением – словно уж, которому наступили на хвост.

Больше не говоря ни слова и не обращая на меня никакого внимания, будто я был пустым местом, она продефилировала мимо с видом наказанного древнегреческими богами Сизифа, который никак не мог вкатить на гору тяжелый камень-валун.

Да-а, Киру Непросыхающему не позавидуешь... Интересно бы посмотреть, чем закончится этот спектакль.

Оказавшись на улице, я вдруг облегченно вздохнул – наконец-то в моей башке наступило долгожданное просветление. Как не крути, а дорога тебе, мил дружок, одна – на волю, в пампасы. Ты давно это понимал, лишь притворялся, что забыл, где находится загубленная тобой по недоразумению холостяцкая свобода.

Все, жребий брошен! In solis sis tibi turba lokis [5], как говаривали древние. Снова запишусь в отшельники. Нужно побыть наедине с самим собой, чтобы разобраться в своих душевных коллизиях и принять единственно правильное решение.

Глава 5

Верно говорится, что ничего случайного в жизни нет. Все в этом мире взаимосвязно, хотя на первый взгляд жизнь хаотична и неупорядочена.

Когда по пути случается что-то нехорошее, человек думает «Какого лешего я поперся именно этой дорогой!? Поверни я в другую сторону, и беда обошла бы меня стороной».

Ах, до чего же мы заблуждаемся на сей счет! Как писал великий Булгаков в одном из своих романов, «Аннушка уже разлила подсолнечное масло...» И кто-то обязательно поскользнется в масляной луже и упадет на рельсы, которые находятся рядом, и ГДЕ-ТО уже известно КТО ИМЕННО, и что в этот самый момент там будет проходить трамвай, и вагоновожатая не сможет его остановить...

А дальше... Дальше все и так понятно. Дальнейшие события малоинтересны. Они не ЗНАКОВЫЕ.

Вся наша жизнь состоит из ключевых точек – точек невозврата. А судьба напоминает большой рыбацкий невод с двумя тросами-концами – вход и выход.

Каждая ячейка сети связана узелками с несколькими другими, и в своем движении к выходу по дорожкам-нитям ты можешь многократно менять направление. Поэтому путь к концу может быть и короче (если идти прямо) и несколько длиннее (если рыскать со стороны в сторону).

Но в итоге ты все равно придешь в тот пункт, который для всех живых существ запрограммирован точно и однозначно. И уж этот момент изменить никак нельзя. Какое горе для богатых и сильных мира сего...

Электричка от пассажиров постепенно освобождалась. Я держал путь почти до конечной станции, а люди, путешествующие по этому маршруту, большей частью жители пригорода и деревенские, так далеко не забирались.

В конечном итоге вагон почти опустел, когда мне приспичило выйти в тамбур, чтобы покурить. Еще немного, думал я мечтательно, доставая из кармана сигареты, и мне предстоит встреча с моим недавним прошлым, когда я наслаждался простой деревенской жизнью и свободой от обязательств перед кем бы то ни было.

Можно ли вступить в одну и ту же реку дважды? На этот вопрос мне и предстояло ответить в скором будущем.

В том месте, куда я ехал, находилась маленькая выморочная деревенька, где я, уйдя на пенсию, прикупил себе домишко на берегу озера, и оборудовал его в соответствии со своими понятиями целесообразности и комфорта.

Там я жил как у Бога за пазухой. Тишина, спокойствие, охота, рыбалка, неспешные беседы по вечерам с моим другом, дедом Зосимой, свежий утренний воздух, как живительный бальзам на мою израненную разными приключениями душу...

В общем, это был настоящий праздник, пир для моих нервов, которые за год окрепли, очистились от разных наслоений и запели, словно струны божественной арфы.

Увы, все хорошее в жизни быстро заканчивается. Почему это так, сам не знаю. В мою судьбу ворвался тайфун по имени Каролина и разрушил на хрен все воздушные замки, которые я успел соорудить, будучи отшельником...

Докуривая сигарету, я бросил нечаянный взгляд через стекло двери в следующий вагон электрички. И едва не поперхнулся дымом.

Вот те раз... Там сидел, одетый в неприметную робу, мой шапочный знакомый-американец, которого я встретил у Венедикта! По всему было видно, что этот путь ему незнаком, потому что янки не отрывал взгляд от окна, жадно впитывая пробегающие мимо пейзажи.

Ну и ну... Любитель и большой энтузиаст российского искусства на прогулке... А где же его спутники? Что-то не видать.

Похоже, этот закордонный гусь решил самостоятельно, без разрешения властей, прошвырнуться в глубинку, чтобы втихаря прикупить какой-нибудь раритет, например, старинную икону или донце от прялки, расписанное дореволюционным мастером.

Ха-ха-ха! И еще раз трижды ха-ха. Иво, разуй глаза.

Растолкуй сам себе, с какой стати приличному цивилизованному человеку, родом из пупа земли (почти все янки считают, что Ной во время всемирного потопа приплыл не к горе Арарат, а в Америку, откуда и произошла жизнь), изображать «рашен замухрышка» в поношенной одежонке и кепке (которую носит лишь знаменитый на всю страну московский мэр и деревенские деды), венчающей небритую как минимум три дня физиономию?

Что там толковать. Тут и ежу понятно. Фраер на задании. В чем оно заключается, это, конечно, вопрос. Но то, что этот сукин сын едет в глубинку отнюдь не для того, чтобы сеять доброе и вечное, я мог бы побиться об заклад с кем угодно и на любую сумму.

И что мне теперь делать? Я чувствовал, как во мне разыграло ретивое. Так случается со старым охотничьим псом, которого хозяин вывез к реке на прогулку.

Уже немощная псина, потерявшая былую силу и прыть, вдруг учуяла в камышах жирного селезня и невольно, по привычке, сделала стойку. А хозяин-то без ружьишка, да и стрелять почти разучился; мало того – стал непротивленцем, превратившись в простого обывателя с нарушенной психикой и отвратительными вазомоторными реакциями.

М-да... Видит око... Близок локоть, да не укусишь.

Может, проследить, куда он направит свои стопы? А если у него есть прикрытие? Не исключено. И тогда, друг мой ситцевый, твоя жена останется вдовой раньше, чем сбегает в ЗАГС за документами о разводе.

Впрочем, возможно это и к лучшему. Для нее, по крайней мере.

Положит Каро на могилку букетик цветов, горестно всхлипнет под черной вуалью – для прессы, и пометется дальше копытить денежки. Для чего и для кого? А фиг его знает. Спросите у маньяка, зачем он каждый день покупает новую веревку для удавки.

Стоп! Что-то меня повело в другую сторону. Вернемся к нашим баранам.

Допустим этот американец и впрямь шпион. Ну и что? Да сейчас, во времена развитой демократии, столько «рыцарей плаща и кинжала» шастает по всей России, что «контора», которая в Москве, на Лубянке, давно махнула на них рукой.

А пусть себе бегают. Какие тайны еще могут узнать и высмотреть многочисленные американские и натовские шныри (что в принципе одно и то же)? По-моему, все уже давно продано им по сходной цене нашими главными боссами во времена перестройки и последовавшей за ней перестрелки.

Большие были «патриоты»... И все с партбилетом в кармане. Как там они себя называли – «ум, честь и совесть эпохи»? И это я за таких ублюдков сражался на невидимом фронте... Идиот!

Нет, с меня хватит! Достаточно. Пусть с этим «туристом» разбираются те, кому положено по долгу службы. Я всего лишь пенсионер, которого выперли из армейских рядов за то, что не потрафил начальству.

Выперли в свет, что называется, во чисто поле, где у меня не было ни квартиры, ни постоянной работы, ни надежд на будущее. Выживайте, Арсеньев, номер в штатном расписании такой-то, псевдоним Ястреб, как можете.

И не окажись я очень предусмотрительным человеком, который сначала не погнушался дернуть у вражеских шпионов чемоданчик с долларами, а затем утаил этот уголовно наказуемый факт от начальства, гнить бы мне сейчас на какой-нибудь мусорной свалке, ковыряясь в отходах жизнедеятельности нормальных людей.

Что поделаешь, юные годы, проведенные в детдоме, без отца-матери, научили меня полагаться лишь на самого себя, на свой здравый смысл и собственные силы. Я был подкидышем, а значит, тот факт, что мне не судилось умереть сразу, еще в колыбели, предполагал длинную жизнь, за которую я всегда цеплялся как рыба-прилипала за кровожадную акулу...

Электричка остановилась на нужном мне разъезде. Больше не думая о «почитателе русской культуры» в соседнем вагоне, я с трудом бросил себе на горб здоровенный рюкзак с продуктами, на которые ушли почти все деньги, полученные в качестве выходного пособия от Каролины, и вышел на перрон.

Сумку со шмотками и кларнет я оставил у Венедикта. Зачем мне в глуши фрак и лакированные штиблеты? Все свои носильные вещи, простые и удобные в отшельнической жизни, я оставил под присмотром Зосимы, так же, как и ключ от избы-бунгало над озером. Надо же кому-то присмотреть за моим хозяйством.

Что касается кларнета, то лучшей музыки, нежели та, которую выдают весенней порой различные птички в лесу, я еще не слышал. Так нужно ли портить самому себе и деревенским аборигенам вечный кайф?

Электричка тронулась, увозя мои сомнения и колебания дальше, а я сошел с насыпи и углубился в лес.

Должен сказать, что до моей (да, теперь моей) деревушки нужно было чесать по бездорожью и болотцам километров пять и часов... а это, как придется. В зависимости от времени года и прогнозов погоды.

Но в данный момент было сухо, дожди не поливали здешние леса как минимум месяц (это я определил по состоянию тропы), а значит, путь мой не будет чересчур тяжелым и длинным, несмотря на рюкзак, под тяжестью которого рухнула бы даже лошадь Пржевальского.

Я шел короткими переходами с привалами по пять-семь минут. Можно, конечно было и подольше наслаждаться лесной тишиной и ароматом разогретой на солнце живицы, но солнце уже клонилось к горизонту, чтобы уйти на отдых, а топтать ночью даже по знакомым лесным тропам – хорошего мало.

В один из таких привалов я вдруг ощутил непонятный дискомфорт. Что-то как бы кольнуло меня в обнаженную шею, словно некие невидимые лесные божества разом выпустили в мою спину мириады крохотных стрел.

Я не стал резко оборачиваться, но мои уши вдруг превратились в чуткие локаторы. И я услышал чье-то дыхание. Кто-то стоял за деревьями и вел за мной наблюдение.

Нет, я не испугался. Чай, не на задании во вражеском тылу, где меня мог подстергать, например, снайпер с хорошей оптикой.

Но все равно ощущение незащищенности было малоприятным. В этом лесу (я это знал

точно) иногда бегают дурики со стволами. Вдруг такому хмырю захочется использовать меня вместо мишени? Интересно ведь...

Из оружия я имел только нож с выкидывающимся лезвием. Конечно, ножик был классный. И управлялся я с ним вполне сносно. Однако, это в ближнем бою.

А если сейчас по мне пальнут, то нож вместе с моей шкурой пойдет кому-то как охотничий трофей.

Неторопливо – буквально по миллиметру – я сменил позу и быстро встал на ровные ноги, мгновенно забросив рюкзак за плечи. Теперь я мог не бояться выстрела в спину. Пробить такую массу всякой всячины, спрессованную в одну большую галету, можно разве что с помощью гранатомета.

Я шел как по канату над пропастью. Чужой взгляд не отставал, он преследовал меня с назойливостью мошкары. Нет, с этим делом нужно кончать! Иначе у меня может родимчик приключиться.

Место для засады я выбрал самое, что ни есть, подходящее. Впереди по пути следования протекал неширокий топкий ручей, но он журчал, как маленькая речка, заглушая все звуки. Что и следовало доказать – если мой преследователь и имеет изощренный слух, все равно ему не разобрать, продолжаю я идти прямо, или свернул в сторону.

Спрятавшись за поваленным бурей деревом, я снял рюкзак и проворно нырнул в чашу. Теперь я не шел, а скользил между деревьев как бесплотный дух. Этому меня научили в спецшколе, а дошлифовал мое мастерство в скрадывании дичи дед Зосима, старый опытный охотник, дока в этом деле, каких мало.

И дичь появилась! Она попалась на удочку, как глупый карась. Хотя, наблюдая за своим преследователем со стороны, я невольно отдал должное его умению ходить по лесным тропам – он передвигался практически бесшумно.

Интересно, где это сукин сын прошел такую школу? Явно не на городских мостовых, сразу видно.

Человек был высок, худ и облачен в просторную черную хламиду с капюшоном, скрывающую очертания его фигуры. Если бы не цвет, можно было принять его верхнюю одежду за армейскую плащ-палатку.

Одно меня немного успокоило – в руках он держал лишь длинный посох с резным навершием. И никакого оружия. Ну разве что под плащом-хламидой у него был спрятан пистолет. Но его еще нужно достать...

Я появился перед ним как черт из табакерки. Это я умел. В этом заключался особый шик моей военной профессии, в частности, когда мы, еще совсем юные спецы, демонстрировали свое умение проникать через все препоны во вражеский лагерь зубрам внешней разведки.

– Здравствуйте, дяденька! – сказал я с беззаботным видом, быстро, на глаз, определив, что мужику стукнуло никак не меньше пятидесяти. – И что это вы тут делаете?

Нужно сказать, что он оправился от испуга очень быстро. Его замешательство длилось считанные секунды. А затем аскетическое лицо черноризца стало невозмутимым и очень серьезным, а черные, глубоко посаженные глаза полыхнули недобрым огнем, от чего у меня по спине побежали мурашки.

Ну, блин, и глазищи...

– Иду по лесу, – ответил он низким, но звучным голосом.

– Это и ежу понятно... вон тому, – показал я на маленького зверька, который тащил на своем колючем горбу белый гриб; надо же, подлатался, работяга, несет себе запас на зиму. – Но мне очень не нравится, когда идут по МОИМ следам, притом тайно, скрадком, – сказал я с нажимом. – Или вы тут работаете в качестве лесного сторожа?

– Возможно, – коротко ответил мой собеседник.

– Тогда я Робин Гуд. И прошу больше со мной такие фортели не выкидывать. Я, знаете ли, человек нервный...

– Зарежете меня? – Что-то дрогнуло на его лице-маске, а в глазах появилось какое-то новое выражение – будто в глубине зрачков нарисовался злобный шут, который начал кривляться и корчить смешные рожи. – Не упустите на землю ножик, который вы прячете в рукаве.

Ух ты! Надо же, Зоркий Сокол в наших краях появился. Может, сразу снять с него скальп, чтобы потом не мучиться, гоняясь за ним по лесам?

Эта дикая мысль пришла мне в голову совершенно спонтанно, словно кто-то подсказал. Я даже вздрогнул, представив себя на месте злобного индейца-сиу, охотника за скальпами.

– А это как придется, – ответил я жестко; мне уже надоело с ним церемониться. – Надеюсь, мы с вами договорились. Прошу, – указал я на тропу, которая вела к деревушке. – Я так понял, вам туда.

– Да, туда, спасибо, – ответил он вежливо, и широким размашистым шагом направился в ту сторону, где были остатки мостков, по которым можно было перебраться на другой берег ручья.

Я облегченно вздохнул – теперь этот странный (чтобы не сказать больше) черноризец не будет сверлить взглядом мой затылок. А уж про то, чтобы он не сделал крюк и снова не зашел мне в тыл, я позабочусь – следы в лесу я научился читать не хуже Зосимы, моего наставника и учителя в охотничьих премудростях.

Но он так и не свернул с тропы, шел прямо, как по маршрутной карте. Значит, я не ошибся – этот черный братэла топает в гости к кому-то из деревенских. Уж не к Зосиме ли?

Нет-нет, это невозможно! Зосима здорово разбирался в людях. А этот угрюмый тип и вовсе не мог вызвать доверия у старого хитреца. Не тот склад характера, не те повадки. Уж я-то хорошо знаю Зосиму.

Я шел, по ходу пьесы читая следы черноризца, тащил свою неподъемную поклажу, мысленно проклиная собственную жадность, – на кой ляд было скупать полмагазина!? – а перед глазами стоял посох этого странного типа, вернее, его наверхшие.

Оно было очень мастерски вырезано в виде головы какого-то демона, оскалившего клыки. Они оказались настоящими, кажется, волчьими; с близкого расстояния это определить несложно. А вместо глаз неведомой твари были вставлены небольшие бриллианты.

На почти черном фоне обожженного на костре посоха глаза демона сверкали как живые. Бр-р!...

Все-таки нервы лечить надо! С этим твердым убеждением я и вступил на старую, но вполне приятную для передвижения дорогу, которая вела напрямиком к деревне.

Теперь я понимаю, что ощутил бедный Робинзон Крузо, возвратившийся домой после семнадцати (кажется, так) лет пребывания на необитаемом острове. При виде своей избы, которую я не посещал более двух лет, у меня неожиданно подкосились ноги, и мне захотелось немедленно упасть и поцеловать землю у порога.

Я вернулся! Наконец-то! Дошел...

Но я не стал лобызать нашу кормилицу, она и так всех нас беззаветно любит и готова приютить в любое время любого негодяя, как бы ни были страшны его преступления перед человечеством и перед ней самой.

Я лишь сел на верхнюю ступеньку веранды и закурил. Это был благословенный момент. Солнце уже опустилось к верхушкам деревьев и налилось приятным розовым цветом, ветер утих, а утиный выводок посреди озера казался вышитым живыми нитками на удивительно гладком серебряном холсте.

Красота...

Покой...

Мечта, кто понимает.

До чего же хорошо! Из души куда-то улетучилась городская муть, легкие очистились и стали как новые меха, а предстоящий развод с Каролиной уже казался всего лишь мелким недоразумением, следом дождинки на стекле, который можно запросто стереть чистой фланелькой.

Я просидел так битый час; а может, и дольше. Это уже было не суть важно. Теперь время для меня просто не существовало.

Деревенские на часы редко смотрят. Ну разве что те, у кого есть какое-нибудь хозяйство или телевизор – чтобы не пропустить очередной сеанс брехни и бредней из столицы-матушки.

А у меня, слава Богу, ни кола, ни двора. Только крыша над головой, да воробьи свили гнезда на чердаке. Но за ними уход не нужен. Так же, как и за рыбой в озере. МОЕМ озере.

(С некоторых пор я начал считать его своей собственностью; ну должно же быть у русского человека хоть что-то личное, а не просто приватизационный чек, клочок бумажки, которая годится разве что для сортира!?)

Свечерело. Солнце уже спряталось за дальние леса, разогнав по небу позолоченные тучки, подул легкий ветерок, где-то недалеко ухнул филин...

Что-то рановато он сегодня вылетел на ночную охоту, подумал я, прислушиваясь. Рановато. Наверное, сильно проголодался и, скорее всего, это представитель молодого поколения, из нового выводка.

Молодежь всегда старается урвать себе кусочек побыстрее да пожирнее, а при удачном раскладе – что называется, в кайф – утащить его из-под носа убеленного сединами патриарха. Мол, учись, дед, пока ты еще живой.

Все верно, на то и молодость дана, чтобы козырять своей не мерянной силой и энергией...

Я невольно вздохнул. Ходьба по лесному бездорожью с грузом на плечах измотала меня сильнее, чем я ожидал. Что поделаешь, сказывалось городское безделье и мой, скажем так, не вполне здоровый образ жизни.

Раньше с таким рюкзаком я мог пробежать без особого напряжения двадцать километров, преодолевая водные преграды и на ходу бесшумно снимая посты и секреты противника.

То было раньше... Где мои?...

Стоп! Арсеньев, осадил назад. Хватит ныть и причитать. Каждый возраст по-своему хорош. До тебя вот, дурака, наконец дошло, что женитьба не такое уж и благо в жизни мужчины, чтобы там ни говорили всякие ученые умники...

Додумать свою, на данный момент самую животрепещущую, тему я не успел. Совсем рядом раздалось до боли знакомое и где-то даже родное покашливание, и передо мной нарисовался Зосима.

– Дык, это, с прибытием, значит...

– Зосима...

Я мигом подхватился на ноги, и мы крепко обнялись. Это вышло совершенно спонтанно; раньше между нами таких телячьих нежностей не наблюдалось.

– Не задави... медведь... – закричал Зосима и я наконец выпустил его из своих объятий.

В этот момент я почувствовал, что мне на глаза наворачиваются слезы. Вот те раз! Арсеньев, ты оказывается не просто сукин сын (по терминологии Каролины), а еще и сентиментальный сукин сын.

До чего довела меня семейная жизнь... Ужас!

– Ты, это, помоги, – сказал Зосима, передавая мне из рук в руки объемистую клеенчатую сумку, изготовленную еще в советские времена местной промышленностью (наверное, специально для деревенских жителей, которые раз в неделю ездили в город отовариваться продуктами). – Чижепо... Тока осторожно! Не переверни. Тама кастрюля.

– Никак ужин мне принес? – догадался я сразу. – Спасибо. Когда же ты успел?

– Кхе, кхе... – рассмеялся Зосима. – А чего там успевать? Мотрю, ты мимо окон топашь, а глухарь, которого я намеренно уполоввал, уже поперчен, посолен, осталось в печь засунуть. А печь у меня завсегда живая, дышит. Ну, ты знаешь...

– Знаю, знаю... Что ж, тогда пойдём в мои апартаменты. Устроим вечер воспоминаний. Честно говоря, я здорово соскучился... за этим всем... – Я широким жестом обвел озеро и леса, прихватив и добрый кусок закатного неба. – Как тут?

– Все в полном ажуре, – понял мой вопрос по-своему Зосима. – Не сумлевайся. Хоромы твои как новенькие. Забор я починил, калитку навесил, стены укрепил, а Дарья полы подметала и мыла.

– Спасибо, дорогие мои. За мной не заржавеет.

– Дык, это, перестань! – замахал руками Зосима. – Мы же свои.

Я промолчал. Но как же на душе стало хорошо! СВОИ... У меня, круглой сироты, своей была только воспитательница детдома, мама Ильза, которая почему-то любила меня беззаветно и

преданно, словно настоящая мать.

Она никогда не была замужем, не имела семьи, и наверное, по этой причине всю свою нерастраченную любовь отдала мне. Почему ее выбор пал именно на меня? Не знаю. Трудно сказать. На эту тему мы с ней не говорили никогда. Это было как бы неприлично.

Мама Ильза получила в свое время великолепное европейское воспитание. Она знала несколько языков, и в конце концов до такой степени достала меня своей педантичной настойчивостью, что я, стиснув зубы и зажав свое эго в кулак, поневоле выучил латышский (понятное дело), немецкий и английский.

В общем, когда я попал в суворовское училище, а потом и в разведку, с языками у меня проблем не было. Возможно, мама Ильза готовила меня к другой карьере и другой жизни, но так уж получилось, что судьба привела меня на военную стезю.

За рубеж я ездил спустя годы много раз, только под чужими фамилиями, а нередко совершал такие вояжи и тайком, чтобы проверить хваленые своей неприступностью натовские кордоны.

Снаружи мой дом неказист и смотрится как дряхлый дед, которому неудачно сделали пластическую операцию, именуемую по науке косметическим ремонтом. Понятное дело, наружный ремонт – это дело рук Зосимы.

А они у него весьма шаловливы. То есть, Зосима всю свою сознательную жизнь был таким же бездельником, как и я на пенсии. Он даже сумел обмануть бдительную советскую власть, прикидываясь то больным, то слегка не в себе.

В конце концов на него махнули рукой, и до самой перестройки Зосима только тем и занимался, что браконьерствовал в окрестных лесах и гнал самогон на продажу. А когда сменилась власть, то он вообще забил на всех болт и стал жить так, как подсказывала ему его вольная душа, и позволяли возможности.

И такой вот человек подрядился в мое отсутствие отремонтировать фасад моей «загородной виллы». Нет-нет, не за деньги, а чисто из добрых побуждений.

Короче говоря, теперь на мою хату, я думаю, даже ворона не сядет. Испугается. Подумает, что это или огородное пугало больших размеров, или ловушка.

Зосима понабивал на все сомнительные места бревенчатого фасада старую фанеру от посылочных ящиков, а чтобы было еще разнообразней и краше, добавил куски рубероида и даже жести.

В общем, снаружи моя недвижимость смотрелась как рубище пьяного бомжа и забулдыги. Сплошной поп-арт, мозаика сдвинутого по фазе художника. Ремонт казался последствием неудачной пластической операции, когда куски кожи никак не приживаются на покарябанном прожитыми годами лице.

Что касается забора и калитки, которых тоже коснулись «заботливые» руки Зосимы, то здесь наблюдался явный прогресс.

Забор стоял почти ровно, несмотря на изрядно подгнившие столбы, так как его подпирали две неокоренные жерди, а калитка, прежде висевшая всего лишь на одной полоске, вырезанной из куска прорезиненной транспортерной ленты, теперь была присобачена к стойке двумя большими навесами явно кустарного производства.

Наверное, Зосима оторвал их от заброшенного коровника, построенного, наверное, первыми коммунарами, – эдакого памятника колхозному строю, благополучно канувшему в историю.

Что ж, в этом случае он действительно здорово потрудился. Ведь от дома Зосимы до коровника, который грустно торчал на отшибе, как гнилой зуб, почерневший и полуразрушенный от времени, если даже топать напрямую, километра два.

Мы зашли внутрь – и я облегченно вздохнул. Похоже, бабка Дарья не разрешила Зосима хозяйничать на ее территории.

Все было чисто, чинно и благородно. Должен доложить, что внутри мое неказистое «бунгало» имеет вполне цивилизованный и даже современный вид.

Полы деревянные, шлифованные и лакированные, коврики небольшие, но натуральные, очень даже симпатичной расцветки, русская печь вся в изразцах «под старину», камин, туалет, ванная, отличная кухня с разнообразными кухонными принадлежностями, газовая плита с баллонами, отопление с помощью электрического котла, хорошая мягкая мебель, несколько недорогих картин на бревенчатых стенах, которые золотились, натертые какой-то мудреной смесью с приятным запахом воска и меда...

В общем, шик. Для такой глуши просто райское наслаждение. Нет только телефона (который, кстати, находится у Зосимы) и телевизора; но этот гнусный ящик, изливающий на своих почитателей тонны миазмов и эфирной грязи, мне и на хрен не нужен.

– Ну, чего молчишь? – поинтересовался Зосима.

– Наслаждаюсь.

– Дык, это, конечно. Мы тут с Дарьей старались...

– Намекаешь, что неплохо бы по случаю приезда?... – Я с многозначительным видом потер руки.

– Так ведь глухарь насуху не пойдет, – ухмыльнулся Зосима. – Застрянет в горле.

– И я такого же мнения. Помоги...

Мы быстро распаковали мой богатырский сидор, и я достал оттуда городскую закуску и целую батарею бутылок со спиртным. Надо же быть таким идиотом, чтобы тащить, изнемогая и едва не падая на четыре кости, всю эту отраву к черту на кулички...

«Отрава» оказалась очень даже ничего и в самый раз. Я знал, что у Зосимы полно самогона, притом отменного качества, настоящего на разных травках и кореньях, но по традиции, которую мы сами и разработали, первым угощение выставляю я, а затем уж и мой добрый друг.

Так что я точно знал, что мои труды были не напрасными.

Зосима, кроме глухаря, притащил соленых груздей, квашеной капусты и свежее испеченный хлеб.

– Дарья как чувствовала, – сказал он, ломая хлеб на большие ломти (тут я неожиданно вспомнил Дейзика). – Испекла, в аккурат, к вечеру. Привет тебе передавала и низкий поклон.

– Спасибо. Ты, наверное, уже всем рассказал о моем приезде?

– Дык, разве шило в мешке утаишь? Ты тут у нас герой. Все тебя почитают, как Георгия Победоносца. Скажу по секрету – тока не выдай меня, ладно? – Дарья дернула у тебя твою фотокарточку (ты уж прости ее, старую дуру), поставила на иконостас и теперича молится на иконы, а заодно и на твое изображение. Совсем с ума съехала на старости лет.

– Не суди ее строго, – ответил я, весьма польщенный таким сравнением.

Георгий Победоносец! Это круто. Конечно, два года назад в окрестностях деревеньки шороху я наделал и впрямь многовато, но не до такой же степени, чтобы из меня сделали былинного богатыря и героя.

– Я что, я ничего... – Зосима степенно взял рюмку двумя пальцами. – Ну, значит, с приездом... хух!...

Рюмка размером с небольшой стакан показала дно с поразительной быстротой. Что значит большая практика...

Я постарался сильно от Зосимы не отстать, и спустя минуту мы уже налегали на запеченного в собственном соку глухаря, который с голодухи показался мне верхом кулинарного искусства.

Впрочем, я был недалеко от истины. Когда на него находил стих, Зосима готовил дичь как первоклассный шеф-повар. У него был целый мешок разных приправ и кореньев, и конечный продукт выходил такой вкусности, что просто пальчики оближешь.

Но это случалось редко. Зосима в обычной жизни был непривередлив, обходился малым и мог месяцами кормиться, как попало и чем придется.

И тем не менее такой режим питания и многочисленные невзгоды, выпавшие на его долю, на внешнем облике Зосимы отразились мало. В свои восемьдесят (кажется, восемьдесят; сколько ему точно стукнуло, я точно не знал, а сам Зосима на эту тему откровенничать не любил) он выглядел максимум на шестьдесят.

Сухощавый, голубоглазый, подтянутый, он казался скорее отставным полковником царской армии, записным интеллигентом, нежели сельским пастухом и раздолбаем. Дело в том, что, вдобавок ко всем своим недостаткам, Зосима еще был и доморощенным философом.

И надо признаться, иногда размышлял очень даже грамотно и здраво. Мы с ним немало поломали копий в дискуссиях на самые разные темы. И не всегда я выходил из этих турнирных схваток столь разноплановых интеллектов победителем.

У Зосимы, несмотря на недостаток образования и малую информированность, был острый ум, который, к сожалению, в основном дремал. Но когда он просыпался, с ним сладить было трудно.

Аргументы Зосимы всегда были неотразимы, а простонародный язык, которым он обычно щеголял, вдруг становился очень даже литературным, и тек плавно, как полноводная река.

В общем, Зосима был еще тем кадром. Загадка века.

– Слушай, а что у нас тут за чмо в черной рясе обретается? – вдруг вспомнил я встречу с черноризцем.

Зосиму будто переключило. Он вдруг закрыл рот так поспешно, что даже зубы лязгнули, вытаращил глаза, и замахал на меня руками с такой страстью, словно хотел предостеречь от чего-то непоправимого, смертельно опасного.

– Что с тобой, Зосима!? – Я быстро налил рюмку водки и предупредительно пододвинул ее к своему собеседнику. – Выпей, может, полегчает... и речь вернется.

Зосима не отказался. Он снова махнул рюмку, как за себя кинул. Занюхав коркой хлеба, Зосима коротко выдохнул и тихо сказал; вернее, прошептал:

– Не надо... О нем не надо...

И неожиданно перекрестился, обернувшись в угол, где должен был находиться иконостас.

– Та-ак... – Я неожиданно почувствовал легкий озноб. – Опять тут у нас тайны мадридского двора. Нутром чую. И угораздило же меня прикупить себе хижину именно здесь! Все, все, хватит тебе ушами двигать и глаза таращить. Выкладывай. Я не шибко чувствительный человек, поэтому меня не испугаешь разными сказочками про нечистую силу. А судя по выражению твоего лица, ты как раз это и имеешь ввиду. Колись, старый греховодник.

– Нет, не могу... – Теперь лицо Зосимы совсем одеревенело, и он едва ворочал языком.

– Он что, поселился в деревне?

– Ну...

– Где?

– В хате Киндея.

– Ух ты!

Изба Киндея (это имя; его фамилию деревенские аборигены уже давно забыли; а может, и не знали), который жил здесь ближе к середине девятнадцатого века, стояла на краю деревни.

Нет, даже не на краю, а еще дальше, практически в самом лесу, возле обложенного камнем бездонного колодца (нынче заброшенного), вырытого на глинистом пригорке в незапамятные времена, в котором, по поверьям, водилась всякая богомерзкая нечисть.

Вода в колодце была удивительно вкусная, но пить ее могли не все. Некоторым от нее по истечении времени становилось плохо. Но большинству вода помогала от разных желудочных хворей.

Свою огромную – по местным меркам – известность Киндей, проживающий бобылем, приобрел, пустив к себе на постой какого-то монаха. Тот или скрывался от своего начальства, или просто хотел побыть некоторое время вдали от мирской суеты, почти отшельником, но на полном пансионе.

Сколько прожил тут монах, про то история умалчивает, но когда отбыл в столицу (так сказывали; притом по запросу самого государя императора, который прислал личный конвой; крутой, наверное, был монашек), у Киндея вдруг поехала крыша.

Он и до этого днями бродил по лесу, как неприкаянный, с лопатой в руках. А после отъезда таинственного монаха и вовсе стал неделями пропадать невесть где, полностью запустив хозяйство; у него даже запертые в хлеву козы издохли, обглодав все, что только можно было.

Эта трагедия с бедными животными случилась в тот момент, когда наконец Киндей добился желаемого, проторчав в лесу почти месяц.

Оказалось, что он заделался кладоискателем. А место, где было зарыто сокровище, ему как раз и указал таинственный монах (сказывали, что Киндей сам об этом говорил; правда, не добровольно, а когда сильно заболел и бредил с высокой температурой). Наверное, монах это сделал в качестве оплаты за стол, кров и заботу.

Видимо, сам монах был или полным бессребреником (что ж, и такие исключения случались среди монашеской братии, особенно в старину), или не очень верил, что в том месте, на которое он указал, и впрямь находится клад. Скорее всего, монах своими байками о кладе

(которые на поверку все же оказались правдой) постарался избавиться от назойливого внимания гостеприимного крестьянина.

Как бы там ни было, а Киндей в одночасье разбогател. Но он не стал перебираться в большой город и сорить деньгами. Тем более, что в те времена деревня была большой и вполне зажиточной.

Киндей всего лишь толкнул какую-то золотую вещицу ювелиру-еврею, а на полученные деньги купил хорошую лошадь, добротную двуколку и новый шанцевый инструмент.

Похоже, его кладоискательская эпопея только набирала обороты, и нашел он совсем немного – снял всего лишь вершки. Но развернуться во всю ивановскую Киндею не дали.

Во-первых, свои начали мешать, путаться под ногами. А в те времена в деревне насчитывалось не менее тысячи душ. И почти каждый лапотник мечтал стать богатеем (за исключением очень ленивых; увы, и тогда такие были; потом они в семнадцатом году прошлого столетия почти все нацепили красные банты и начали раскулачивать своих работающих соседей).

Поэтому, как Киндей не скрытничал, а шило в мешке утаить трудно. С какого-то времени, едва он скрывался в лесу, как тут же за ним тайно устремлялась целая орава односельчан с лопатами и ломami; местный народ был весьма предусмотрителен.

И выходили у Киндея не раскопки уже практически найденного клада, а сплошная маета. Его, настоящего лесного бирюка, тоже ведь трудно было обмануть, провести на мякине. Он точно знал, что за ним идут.

Поэтому Киндей сутками водил односельчан по окрестным лесам и болотам, делая вид, что охотится или собирает грибы.

Но бессемейный бобыль, у которого не было даже лошади, мог себе позволить такое празднество. А вот его земляки, обремененные семьями и хозяйскими заботами, совершили большую ошибку – и сокровище не отыскали, и хозяйства свои порушили.

Деревенька враз обеднела, и, как следствие этого, почти все ее жители заимели на Киндея большой зуб, считая его главным виновником всех своих бед. (Это у нас в крови – искать супостата, мешающего нормально жить и процветать, не у себя, в своем характере, а где-то на стороне).

Неизвестно, чем закончилось бы глухое недовольство сельчан на Киндея (который – эдакий негодяй! – не захотел по-братски поделиться найденным золотишком; скорее всего, «счастливчика» просто пришили вилами к земле), да тут неожиданно случилась большая неприятность.

Ушлый ювелир-еврей, который купил у Киндея раритет (как потом оказалось), естественно, решил толкнуть его налево и с большой выгодой для себя. К сожалению, он нашел не того клиента, что нужно.

Господин, приобретший вещицу, найденную Киндеем, был очень даже неплохо подкован в истории и археологии, а потому сразу понял, что в руки ему попало нечто совсем уж уникальное.

А поскольку он был патриотом, то естественно сразу же сообщил о своем приобретении, куда нужно. И вскоре несчастного еврея потащили в жандармерию, где поставили перед выбором – или ты колешься и выдаешь имя того, кто продал тебе ценнейшую археологическую находку, или пусть твоя Сара сушит сухари для дальней дороги в Сибирь.

Безутешный еврей, который только на допросе узнал, СКОЛЬКО могла стоить эта вещица, продай он ее с аукциона где-нибудь в Париже или Вене, готов был добровольно пойти в кандалники. Но только не из-за Киндея, а потому, что так сильно обмишулился. Он был просто не в себе.

Однако, Киндея в конце концов сдал. Наверное, прижали его совершенно конкретно. Тогда в органах дознания работали шибко грамотные и очень опытные мастера заплочных дел. (Вот только мне до сих пор непонятно: как же они проморгали революцию?)

Короче говоря, приехали жандармы (а может, полицейские или стражники, неизвестно; Зосима, когда-то поведавший мне столь занимательную историю, этого точно не знал) и забрали Киндея с собой.

С той поры его никто не видел. Говорили, что он сбежал от стражников по пути в город, но домой не вернулся, а сгинул где-то в лесах и болотах.

Правда, спустя пять или десять лет после его исчезновения начало бытовать мнение, что Киндей все-таки благополучно откопал клад и слинял с ним за бугор.

Будто лицезрел его, разодетого в пух и прах, на водах в Монте-Карло местный предводитель дворянства. Но этот недалекий умом господин был таким большим брехуном, что ему мало кто верил.

А брошенную избу Киндея, у которого не было ни родных, ни близких, вскоре заняла семья переселенца... уж неизвестно откуда. Пожили эти люди там недолго, года три или четыре. Потом на них напала какая-то неведомая, не поддающаяся излечению, болезнь, и все они умерли.

После переселенцев избу занял какой-то местный погорелец, еще та пьянь. Все думали, что он и свое новое жилище в конце концов сожжет по пьяной лавочке.

Но изба устояла, а вот очень общительный и развеселый погорелец вдруг бросил пить и стал чураться людей. В конечном итоге у него совсем поехала крыша и он ушел в скит, грехи замаливать. А его семья как-то уж больно тихо слиняла из деревни в неизвестном направлении.

Когда и новый хозяин Киндеева подворья кончил плохо, многие в деревенской общине призадумались. Но не помешали занять бесхозное подворье одному местному богатею, который присоединил нехорошую избу (а также земельный надел) к своему хозяйству только из жадности и корыстного расчета, а не по здравому размышлению.

Конец этой истории вышел совершенно ужасным. Новый хозяин использовал избу как сарай для скота и держал там племенного быка. Что там и как там все получилось, никто не видел и не знал, но когда на «ферму» случайно зашел местный староста, то увидел даже не человека, а мешок с костями.

Бык так «потрудились» рогами и копытами над своим хозяином, что его трудно было узнать...

С той поры в жилище Киндея селиться боялись. До самой революции. А когда пошли в стране большие перемены, избу заняли большевики, местная власть. Вот их, супостатов, не брала никакая зараза.

Так они в избе Киндея и обретались под разными вывесками – от первых коммунаров до колхозного сельсовета – пока не пришла вторая война, самая страшная. После нее в деревне не осталось почти никого; даже молодые бабы, потерявшие на фронте мужиков, в конце концов удрали в город, на заводы и фабрики.

Колхоз, понятное дело, развалился (работать было некому), сельсовет упразднили за ненадобностью, и злосчастная изба Киндея снова опустела.

Нужно сказать, что она была сложена не из сосновых бревен, а из дубовых плах. Поэтому годы над ней были просто не властны. Казалось, что ее охраняет сама нечистая сила. Наверное, по этой же причине и старинный колодец возле избы стоял, как новенький, но почему-то был заколочен почерневшими от времени досками.

И вот на тебе, у нехорошей избы появился хозяин. Весьма неприятная и странная личность, это я определил с первого взгляда. Что он здесь делает, в такой глуши?

Этот вопрос я задал и Зосиме, когда тот выпил еще одну рюмаху и немного пришел в себя.

– Баптист он, – коротко ответил Зосима, пряча глаза.

Врет, старый хитрец, подумал я с осуждением. Странно... Раньше мы были друг с другом предельно откровенны.

– Не похоже, – ответил я с деланной задумчивостью.

Я понял, что сегодня вряд ли смогу добиться от Зосимы толковых ответов. Почему он темнит? Чего боится? А боится точно. Надо же – Зосима трус! Это что-то совсем новое.

Насколько я знал, Зосима был эдаким христианским язычником. Он молился и боженьке, что фигурировал на иконостасе, и богам из другой эпохи – тем, что давно забыты людьми, изгнаны в чащи и болота, и представляют лишь узкоспециальный интерес для немногих ученых и исследователей.

И надо сказать, эти странные и непонятные для цивилизованного человека боги ему помогали, как это ни странно. Я имел возможность в этом убедиться – это я-то, прагматик до мозга костей.

А может, это Зосима так мне мозги закомпостировал, что я и впрямь начал верить в леших, домовых, водяных и прочих персонажей славянской мифологии.

Наверное, чтобы дойти до такого состояния, нужно пожить хотя бы год среди дикой (ладно, почти дикой) природы. В конце концов, человеку очень впечатлительному и не такое может привидеться.

Например, летающие тарелки и инопланетные головастики с выпученными глазами, зеленые, как те самые черти, что отплясывают на столе, когда примешь внутрь литра два самогона...

Додумать столь занимательную мысль я не успел. В дверь сильно и требовательно постучали.

Глава 7

«А что вы тут делаете, люди добрые?» Так без слов вопрошала своими маленькими глазками свиная голова, которая нагло влезла в окно, когда простой украинский народ, пустив по кругу баклажку с горилкой, как раз завел разговор о происках нечистой силы, объявившейся на Сорочинской ярмарке.

И как пишет далее гениальный Гоголь «Ужас оковал всех находившихся в хате...» Примерно

такое же состояние было и с нами.

У меня в голове как раз вертелись разные истории, почерпнутые из средств массовой информации и сериала «Секретные материалы», что лишь способствовало еще большей возбудимости нервной системы.

Что касается Зосимы, так он вообще сидел, словно на иголках, потому что тема нашей беседы почему-то была ему очень неприятна, и мой добрый друг не знал, как уклониться от моих расспросов, и какими словами позволительно обрисовать создавшуюся в деревеньке ситуацию, чтобы ненароком не разворошить лихо.

Так обычно поступали люди из примитивных племен, не имевших никакого понятия о цивилизации, «правильных» религиозных воззрениях и «добрых» царях и президентах, несущих на своих плечах титанический груз забот о своих подданных. Они никогда не называли главную страшилку племени по имени (а оно имелось); они говорили «Тот, кто живет там-то» или просто «Тот».

И, как теперь доказывает наука, наши древние (или первобытные) пращуры были правы. Всяких там монстров, духов и призраков мы в основном создаем сами, силой своего воображения.

Это так называемые «мыслеформы», которые вполне могут превращаться в нематериальную субстанцию, питающуюся нашими жизненными силами, нашей энергией, – если, конечно, часто о них думать.

То есть, мы сами себя делаем шизофрениками.

Короче говоря, на какое-то время мы оцепенели. Я, например, уже мысленным взором соорудил черноризца, стоящего на пороге с фанатичным огнем в глазах и держащего в руках топор. Привидится же такое!

Ну, а Зосима, чем-то и так здорово напуганный, и вовсе помертвел. Не приключись с ним временного ступора, у меня совсем не было сомнений в том, что он готов был немедля нырнуть под стол.

Первым опомнился, конечно же, я. Мне ли, герою местного эпоса, бояться каких-то барабашек!?

– Кто там? – каркнул я хриплым голосом.

– Мы это, мы! – раздался за дверью дружный возглас.

Фу! Мать твою... Это же надо было поймать такой мандраж... Я смахнул рукой со лба неожиданно выступившую испарину и сказал уже совсем спокойно:

– Заходите. Что вы там топчетесь?

Казалось, что в мое «бунгало» вошли не два человека, а ввалилась целая толпа базарных торговков. Это были супруги Коськины, дед Никифор и бабка Федора, болтуны, каких свет не видывал.

Они были своеобразным информационным центром деревеньки и всегда знали не только местные, но и вселенские новости, так как имели мощный радиоприемник, который подарил им сын-горожанин.

Особенно отличалась баба Федора. Она могла трещать без умолку минимум пять часов подряд; точно знаю, однажды ради интереса засекал время. Ну просто тебе хрестоматийная

Трындычиха.

– Бат-тюшки-и-и!... – запела, всплеснув руками, бабка Федора. – Это же скоки зим, скоки ле-ет... А мы думали, что ты, соколик, навсегда отсель уехал. Я говорю Дарье, брось, не старайся шибко, все равно скоро он здеси не появится, ему не до нас. С молодой-то женой... хи-хи-хи... А она бает, нет, уж если дала слово, то надо держать. И все чистит-блистит, стекла трет, полы моет...

– Да-да-да, – поддакивал дед Никифор, который в этот момент был очень похож на кота, завидевшего крынку со сметаной.

Его взгляд был неотрывно прикован к бутылке с водкой и к закуске, жидкие усы топорщились, а в глазах бегали крохотные жадные зверьки, готовые в один момент сожрать не только то, что на столе, но и весь мой тугой сидор.

Старики Коськины жили скудно (а кто из наших пенсионеров живет кучеряво? ну разве что какая-нибудь «особа, приближенная к императору», большой чиновник на покое, успевший наворовать на две жизни). Из хозяйства у них были лишь куры-полудикари какой-то странной длиннохвостой породы.

Они большей частью паслись где-то в лесу, там же выводили цыплят, а иногда и ночевали на естественных насестах, но дань старикам Коськиным в виде собственных голов приносили безропотно; наверное, считали их родоначальниками куриного племени, почти божествами.

Иногда деду Никифору и бабе Федоре перепало от сынових щедрот. Он присылал им продовольственные посылки через железнодорожных проводников, а Зосима забирал передачи со станции и привозил в деревню.

Но такая лафа случалась редко, поэтому дед и бабка питались, чем придется и когда придется по принципу «Бог даст день, Бог даст пищу».

– Что ж вы стоите, как засватанные? – бесцеремонно прервал я словесный понос бабки Федоры. – Садитесь за стол. Отметим мой приезд.

Второй раз повторять приглашение не пришлось. Коськины мигом разобрали стулья, и уже через минуту наворачивали так, что за ушами трещало.

Зосима, глядя на них, лишь посмеивался и курил мои «городские». Отменный охотник, он всегда был сыт, даже в самые голодные годы. Его кормили лес и озера, а также неутомимые ноги.

Баба Федора, как и следовало ожидать, насытилась первой. Признаюсь, этого момента я ждал с нетерпением.

В отличие от Зосимы, бабку не могли остановить никакие соображения – ни морального, ни иного, даже мистического плана, папахивающие чертовщиной, – если ей попадалась на зубок какая-нибудь сногшибательная новость.

В этом случае она действовала как некоторые наши беспринципные журналюги – сначала «жаренная» новость, которая принесет им славу и бабки, а там хоть потоп. Но их долгие годы учили, как стать полной сволочью, а баба Федора дошла до такой жизни самостоятельно.

Доверить ей секрет, даже если он может стоить кому-нибудь жизни, это все равно, что выйти на городской рынок и объявить его во всеуслышание. Бабка Федора (да и дед Никифор тоже) была как дуршлаг – сколько в него нальешь, столько и выльется.

И тем не менее, при всем том, костерить стариков нехорошими словами я просто не имею

права. Доброта и отзывчивость деда Никифора и бабки Федоры намного превосходят их главный недостаток – чрезмерную болтливость.

– У нас тут новые люди появились... – забросил я крючок с наживкой, когда бабка Федора вытерла губы концом косынки, которой она прикрывала жидкие седые волосы.

Зосима посмотрел на меня с осуждением, вынул из пачки еще одну сигарету, встал и вышел на улицу – якобы покурить на свежем воздухе. Но я-то знал, по какой причине ему приспичило оставить нашу интересную компанию.

Не буди лихо...

Но меня будто тащили на невидимом аркане все дальше и дальше от тропы благоразумия, чтобы оставить на юру в самый неподходящий момент. Так уж устроен человек. Он просто не может не искать приключений на свое заднее место. Это у него в крови.

Одни бегом несут свои кровные (нередко последние) в разные мошеннические финансовые структуры типа приснопамятной «пирамиды» МММ, другие играют в казино по-крупному (и естественно проигрывают все до копейки), третьи, не имея на это никаких способностей, открывают бизнес, заложив все свое имущество, четвертые едут за рубеж по поддельным визам, где их якобы ждет манна небесная и дармовые деньги на тарелочке с голубой каемкой...

В общем, полный бред. Патология. И самое главное – никто ничему не учится. Даже собственный опыт, чаще всего отрицательный, в таких делах не указка. Не говоря уже о статьях в газетах и телевизионных шоу с разоблачением разных проходимцев и мошенников.

Так и я, битый, перебитый, ученый, переученный поддался голосу придурка, который, когда нужно его присутствие, спит, и хрен его вытащишь наружу, а когда не нужно – вот он уже здесь, нарисовался в полной красе, выкидывает коленца.

Ну почему, почему я не последовал примеру Зосимы и не вышел вместе с ним покурить!?

Мы бы с ним неспешно поговорили о погоде, о видах на урожай грибов и ягод, о том, как много в этом году было или будет перелетной птицы, как обстоят дела с поголовьем сохатых и в каких местах у них теперь лежки, на что в данный момент хорошо клюет карась в озере и где нынче токуют глухари...

Нет, я не вышел вместе с Зосимой. Меня сожрал с потрохами бес нездорового любопытства.

– Появились, появились! – заспешила бабка Федора, словно боялась, что ее кто-нибудь остановит. – Знамо, так.

– М-м...Му-гу... – подтверждающее закивал головой и дед Никифор, который никак не мог прожевать беззубым ртом большой кусок глухаря.

– Ходют, ходют кругами, и все черные, мрачные... жуть! – между тем продолжала бабка Федора. – Молчаливые. А по вечерам костры жгут... и что они там делают, одному Богу известно...

При этих словах бабка Федора быстро перекрестила живот и пугливо оглянулась, словно у нее за плечами бесшумно появился один из «черных».

А ведь она была там, и именно вечером, догадался я; И конечно же, подсматривала. Возможно, вместе с дедом. (Чтобы Коськины пропустили такое зрелище – ни в жисть не поверю). И ей уже кое-что известно о черных «пионерах-ленинцах», любителях проводить собрания своей таинственной «дружины» возле костра.

И еще я понял, что черноризец поселился в избе Киндея не один, а с целым выводком подручных. Почему я сразу принял его за главного?

Посох. Все дело в нем. Простой послушник (если новые деревенские жильцы – это монашествующие какой-нибудь секты) не станет таскать с собой, притом на виду у всех, бриллианты немалой цены, вмонтированные в кусок дерева.

Посох – признак большой власти, жезл силы и влияния.

– А еще у нас из новых живет Кондратка. Такой себе тихий, безобидный... грит, ученый. Книжки пишет. Могеть, и так. Очки носит... Избу он не купил, а снял на лето. Ну, в этих... как их?... Никифор! Оторвись на минуту! Хватит жевать. Кондратка у кого квартирует? А, ну да, ну да, теперь вспомнила. У Фалалеевых. Зинка ихняя уже лет двадцать как в город перебралась, а все никак избу не продаст. Как заколдованная стоит. Теперь хоть какая-то денюга ей идет. А то все там скоро завалится. Кондратка-то мужиком мастеровитым оказался, несмотря на то, что городской да еще и ученый: крышу подлатал, чтобы не текло, порог починил, печь не дымит... Тоже ходит туда-сюда, высматривает, а что тут у нас смотреть?

Что-то быстро бабка перевела разговор с людей в черном на какого-то безобидного Кондратку... С чего бы?

– Кто такие, эти черные? – задал я вопрос прямо, без обиняков. – Какая-то секта?

– Ну... не знаю, – ответила бабка уклончиво. – Познакомишься с Кондраткой, спроси у него. Он с ними общался. А мы люди темные, в чужие дела не лезем.

Ага, как бы не так! В чужие дела, видите ли, Коськины перестали лезть. Перековались. Уж не черноризец ли «пошептал» их, а может, и «причастил»? Мужик он, судя по всему, сурьезный. И совсем еще не старый, хотя прикидывается патриархом.

Что ему не больше пятидесяти, я понял по его легкой, размашистой походке. Мало того, он еще и хорошо тренирован. Его выдали руки, в которых черноризец – так сказать, старшой – держал посох.

Они были основательно «набиты», потому что мозоли на костяшках казались роговыми наростами.

Интересно, каким видом боевых единоборств занимается этот монашек? И почему он вообще занимается таким делом, совершенно несвойственным верующим нашей страны? Чай, не в Китае живем.

Хотя... В принципе, можно все объяснить.

Ну, например, его секта пока небольшая, а конкурентов на истину в последней инстанции много, поэтому иногда приходится отстаивать и защищать свои идеалы и убеждения не словом, как должно, а чем-то более веским и существенным.

Тем более, что сейчас разные религии и ответвления от религий создают все, кому не лень. В том числе и бывшие спецы определенного профиля, оставшиеся не у дел, а также бандиты и мошенники.

Неофитов для вербовки в ряды сектантов хватает: у нас что не Иван, то дурак, а если Машка, то... в общем понятно – блудная женщина; которая просто мечтает принять новую веру и раскаяться в грехах.

(Это такая поговорка; пусть простят меня многочисленные Иваны и Марьи; среди них много достойных, порядочных людей; однако же, в семье не без урода).

– А этих черных много? – Я не отставал.

Мне нужна была информация. Зачем? А фиг его знает.

– Не считала, – сухо ответила бабка Федора и быстро заткнула себе рот куском сыра, который я нарезал лишь для того, чтобы украсить стол.

– Ента, человек семь, – неожиданно подал голос дед Никифор.

Сытно рыгнув, он блаженно сощурился и посмотрел на меня с умильным слащавым выражением – как дальний родственник, получивший нежданный подарок большой ценности.

– Семь человек! – взвилась бабка Федора. – Ты их считал!?

– Нет. Ты считала.

– Я!? Это когда же такое было? – воинственно спросила бабка, уперев руки в бока.

– В аккурат, на Ивана Купала, – не сдавался дед. – Они тадысь по деревне ходили, продукты раздавали. Эта... благая помощь. По два кэгэ муки и сахар. А мужикам по бутылке водки дали. Правда, мужиков-то у нас раз, два – и обчелся...

Та-ак... Значит черноризец еще и меценатом выставляется, благотворительную помощь оказывает. Наверное, чтобы привязать языки аборигенов. Ишь как «деревенское информбюро» в лице бабки Федоры, которой не могло заткнуть рот даже всемогущее МГБ-КГБ, поменяло программу.

Похоже, она сейчас начнет рассказывать про своих кур, да про невестку, которая мешает сыну проявлять сыновнюю заботу в полной мере, затем перемывает косточки соседям...

Мама моя родная! Тогда бабку Федору не переслушаешь.

Помощь... А я-то голову ломал, откуда столько разных этикеток явно импортного происхождения по деревне валяется. Думал, что дачников много понаехало. Оказывается вон оно что.

Но бабка, на удивление, отключила звук. Она лишь очень нехорошо смотрела на деда и продолжала жевать сыр с таким видом, словно перемалывала во рту мелкие косточки личного врага.

А дед Никифор тем временем продолжал:

– Они чтой-то копают. Этим... вахтовым методом. Кирки привезли, лопаты, ломы... Три человека приходят из лесу, три, значит, уходят. Раз в неделю. Сам видел. Смена у них... хе-хе... караула. А где копают, что ищут – непонятно. За ними сильно не побегаешь. Молодые, здоровые бугаи.

– Дурень старый... – буркнула бабка. – Болтает своим глупым языком почем зря.

Но дед будто и не слышал ее слов. Он хорошо выпил, вдохновился, и теперь его несло:

– И главное, что меня удивляет, протропили стежку на Пимкино болото. А там ой-ей. Сурьезные места. У нас корова тама утонула... когда это было?... точно, в году сорок девятом. А еще лесничий в Пимкином болоте сгинул. Пошел неизвестно зачем – и пропал. Неделю искали. Нашли тока картуз...

Пимкино болото! Это было, пожалуй, единственное место в этой глухомани, куда Зосима не водил меня на охоту. Мы с ним обрыскали почти всю округу, а вот западная часть лесных

угодий, где и находилось это самое болото, оставалась для нас землей непознанной.

В свое время мне казалось, что Зосима просто боится туда идти, что было весьма необычно. Потом я узнал старую легенду, и понял, что в какой-то мере так оно и есть.

Когда-то, в очень давние времена, здесь жил какой-то князь. Какая нечистая сила принесла его в такую глушь, можно было только гадать.

Он построил себе замок над глубоким озером, окружил его рвом с водой, поставил на стены пушки (интересно, от кого ему тут было защищаться?) и привез с собой множество холопов, которые и поселились неподалеку от замка, выстроив и нашу деревеньку.

К замку через топи вела лишь одна дорога, да и та худая. Что совсем неудивительно – и в глубокую старину начальников-дураков и паршивых дорог у нас хватало. Это как наследственное родимое пятно, не отмоешь.

Как я понимаю, князю в такой глухомани было скучно. Нет, он не пил кровь своих подданных, как князь Дракула и не порол крепостных до смерти батогами, как помещица Салтычиха.

Князюшка был очень ученым человеком. И похоже, проводил в замке разные химические и еще какие-то опыты. А в ближайших его помощниках ходил некий Пимка, который грыз гранит науки где-то за границей – то ли в Сорбонне, то ли в Праге.

В общем, этот самый Пимка был шибко ученым человеком, но, ко всему прочему, еще и слыл большим ловеласом. Он повадился шастать в окрестные деревеньки, где без разбору портил девок и даже (экий негодяй!) ублажал мужних женщин, что совсем уж нарушало патриархальный уклад местной жизни.

Вот такой был кобель. Нахватался за границей всяких пакостей...

Мужики пытались Пимку ловить, чтобы намять бока. Но он настолько хорошо знал потайные тропки через болото, что даже самые лучшие деревенские следопыты становились в тупик. В общем, Пимка был сущим наказанием Господним. Для мужиков.

Что касается женской части населения окрестных деревень, то здесь все обстояло с точностью до наоборот. Судя по всему, Пимка для женщин был и Казановой, и графом Калиостро в одном лице.

И вот однажды случилась беда. Как-то ночью раздался страшный грохот, земля содрогнулась, и перепуганные крестьяне, выбежав в одном исподнем на улицу, увидели в той стороне леса, где находился замок, зарево.

Тогда не стоял вопрос – бежать или не бежать на подмогу господину. И не только господину – любому человеку, даже если ты относишься к нему, мягко говоря, не очень хорошо. Взаимовыручка и взаимопомощь в такой глухомани – дело само собой разумеющееся.

Народ, похватав средства пожаротушения (кадки, багры, топоры и прочее) рванул к замку. Но люди не пробежали и полпути, как вдруг начала резко прибывать вода и все оказались по колени в грязной жиже.

С тем крестьяне и вернулись. Вода все прибывала и прибывала, и не было никакой возможности осилить этот странный потоп. А странный потому, что в то лето стояла великая сушь и болота изрядно подсохли, что плохо сказалось на урожае лесных ягод.

На утро вся местность вокруг деревеньки, которая стояла на небольшой возвышенности, была подтоплена. Народ был в трансе, чтобы не сказать больше. Многие уже начали считать, что наступил конец света, так как сверху неожиданно полетели крупные хлопья сажи.

И тут все увидели, как между деревьев появился человек. Он брел по пояс в воде, каким-то чудом угадывая исчезнувшие под водой тропинки. Когда он подошел ближе, крестьяне узнали в нем Пимку. Он был сильно обожжен и совершенно безумен.

Прошло несколько лет. Пимка остался в деревне на должности деревенского дурачка. Он ничего не соображал, ничего не помнил и не знал, лишь глупо смеялся да пас вместе с дедами коз.

Мужики его жалели, – у нас народ добрый, отходчивый, долго зла не помнит – а бабы втихомолку, иногда горестно, а иногда и мечтательно, вздыхали, вспоминая былое.

К замку отважились пойти лишь зимой, когда замерзли болота. На его месте увидели груды камней, а там, где еще совсем недавно плескалось озеро, белел под снегом глубокий котлован с небольшими холмиками.

Испуганный народ быстро повернул оглобли обратно, и с той поры к развалинам замка больше никто не ходил. Старая дорога по истечению времени заросла лесом и кустарниками, а болота, окружавшие замок, стали еще больше топкими и коварными.

С той поры западная сторона стала для крестьян табу. Правило, что туда нельзя ходить ни под каким видом, они вколачивали свои детям розгами сызмала.

Наверное, били крепко, от души, если Зосима это до сих пор помнит. Зосима мне и рассказал на одном из охотничьих привалов байку про князя-чернокнижника, как он выразился.

Болото называли Пимкиным после смерти деревенского дурачка. Наверное, сию идейку подкинула общине одна из его бывших подружек. Чтобы, так сказать, увековечить память настоящего мужчины, пусть и тронутого впоследствии судьбой.

Как поведал Зосима, эту легенду передавали из уст в уста, причем начиная с раннего детского возраста. И заставляли малышей выучить ее практически наизусть. Главным выводом столь серьезного обучения был следующий постулат: хочешь быть живым, здоровым – никогда (никогда, никогда!) не ходи на Пимкино болото, к развалинам княжеского замка.

А эти... черные ходят. Им хорошо, они не местные, наверное, им можно. Но вот что они там делают, это вопрос. Неужели Киндей именно там нашел свое золото, и теперь черноризец со своей братвой решил подлататься на халяву?

Вполне возможно. Тогда этот факт многое объясняет. Сейчас немало объявилось охотников на дармовщину.

Одни игральные автоматы за ручку дергают, другие крышечки от пивных бутылок собирают, чтобы получить приз, третьи солдатские захоронения второй мировой вскрывают, а четвертые, – Иваны, не помнящие родства, – самые ушлые и наглые, курганы древние раскапывают, чтобы собственную историю заморскому дяде за копейки сбegrить.

Впрочем, если честно, я и сам не прочь поправить свое материальное положение какой-нибудь ценной находкой, каким-нибудь историческим артефактом. Но за бугор его точно не повез бы, а сдал государству.

Жадность и корыстолюбие ведь тоже должны иметь какие-то пределы...

Мысль о кладе вдруг так захватила меня, что я перестал вслушиваться в речь деда Никифора, который бубнил, как заведенный. А что если и впрямь?...

Стоп! Арсеньев, побойся Бога. Ты что, совсем идиот? Была бы охота рыть котлованы по

лесу... или на развалинах замка без особой надежды на конечный успех.

Я и так поработал саперной лопаткой, будь здоров, пока меня, щенка, натаскивали на волкодава. С той поры к шанцевому инструменту я испытываю дикую неприязнь.

Возвратился Зосима. Он довольно бесцеремонно сказал, обращаясь к старикам Коськиным:

– Все, суседушки, пора и честь знать. Человек с дороги, желает отдохнуть. А вы тут свои трали-вали...

Надо отдать моим дорогим (хоть и не званым) гостям должное – они среагировали на слова Зосимы весьма оперативно. И уже через пять-семь минут, когда была выпита последняя чарка – «на посошок», дед Никифор и бабка Федора, поддерживая друг друга, отбыли восвояси на не очень твердых ногах. Сколько старикам нужно?

Зосима сел напротив меня и насупился как сыч.

– Ну, что, старый темнила, – сказал я, – накурился? Что ж ты все вокруг да около ходил, такие новости пытался утаить?

– Дык, это... – Зосима не нашел нужных слов и беспомощно развел руками.

– Ладно, не переживай. Мне уже все понятно и без твоих объяснений. Или почти понятно. Будем смотреть.

– Зачем тебе что-то там смотреть? – робко спросил Зосима. – Ты, это, отдыхай, загорай, набирайся сил. На охоту пойдем... хочешь, прямо завтра? Тебе ж мясца надо, чтобы свежее, с травками... пользительно. И воздухом подышать... А у меня есть на примете молодой лось. Хорош, стервец. Да больно бодлив и нахален. На место жожака метит. Но старшой все равно выгонит его со стада, а там, гляди, волки задерут. Один, он и есть один. Совсем еще глупый, хоть и сильный, не сумеет оборониться. И глухарей в этом году расплодилось... ого, сколько.

– Зубы мне не заговаривай, хорошо? Я ведь не мальчик. И прекрасно отдаю себе отчет в своих поступках. – Ах, как красиво я говорю! И главное, правильно; болтун хренов. – Мне не нравится эта черная сотня и ее предводитель. Я уже имел честь с ним повстречаться.

– Не может быть! – испуганно вскинулся Зосима.

– Еще как может. Следил за мной, хмырь ушастый. Шел про пятам, как привязанный, километра полтора. Нашел за кем наблюдать... И с какой стати?

– Вы хоть мирно разошлись-то?

– Ага. По мусалам елозить его я не стал. Но отбрил, как следует.

– Эх, не надо было тебе... – почти простонал Зосима.

– Да что с тобой, в конце концов!? – воскликнул я раздраженно. – Нам ли, когда мы вместе, бояться какого-то сектанта, пусть и с большой командой? Для нас это семечки. – Я сказал так, чтобы подбодрить совсем упавшего духом Зосиму. – Кроме того, у них своя свадьба, у нас своя. Ищут они клад – ну и пусть их. Нам-то что? Сколько тут перебивало разных гробокопателей после смерти Киндея – не счесть. Помнишь, ты рассказывал?

– Помню...

– Искали, копали, и хрен что нашли. Верно?

– Верно.

– Ну вот. Наше дело – сторона. Главное, чтобы нам не мешали. И не путались под ногами. А вообще-то, я вижу, ты многое не договариваешь. Может, все-таки, выложишь свои карты на стол?

– Дык, что говорить-то? – смущенно пролепетал Зосима, пряча от меня глаза. – О чем?

И тогда я спросил прямо:

– Чем вас всех так запугал этот черный ворон? Только давай правду! Потому что я все равно начну в этом деле разбираться. Мне не нравится, когда над добрыми слабыми людьми начинают изгаляться всякие твари, пользуясь своей дурной силой и полной безнаказанностью.

«К тому же, в моей вотчине...», – добавил я мысленно и не без фанаберии.

– Иво, он ведьмак, – шепотом, дрожащим голосом ответил Зосима. – С места мне не сойти!

– Это что-то новое... – Я откровенно рассмеялся. – Зосима, ты же сын природы, друг лесных духов. Уж кто-кто, а они не дадут тебя в обиду.

– Мое дерево стало усыхать, – грустно сказал Зосима.

– Да? Это серьезно...

Это и впрямь было серьезно. По натуре я умеренный атеист, но немного все-таки склонный верить в какие-то высшие силы, в основном связанные с православием.

Что касается языческих богов и древних обрядов, к которым начала приобщаться наша современная молодежь (как же, национальная идея...), то до встречи с Зосимой я лишь ржал над этим балаганом.

Пока не столкнулся с ним вплотную.

Мое отношение к диким силам природы и к тем, кто якобы ими управляет, изменилось под влиянием Зосимы до такой степени, что я даже начал оставлять своему домовому (!) молоко в тарелочке и кусочки хлеба. Бред, конечно... Это если рассудить здраво, цивилизованно.

Но когда сутками пропадаешь в лесу, когда каждый твой неосторожный шаг может обернуться большой бедой, а помощь ждать неоткуда – далеко, не докличешься, вот тогда и приходит на ум, что нельзя обижать невидимые природные силы (как уж они там называются, фиг его знает), что нужно жить с ними в мире и согласии; гляди, и помогут в тяжелый момент.

Шизофрения? Да. В чистом виде? Конечно. Ну и что? Дикий лес – это не проспект Коммунаров в каком-нибудь городишке с бутиками и толпой, в которой растворяются все твои первобытные страхи. Он совсем ДРУГОЙ.

Это другая планета со своими законами и правилами, своими кумирами и отверженными. Здесь действуют иные законы, которые трудно подметить городскому жителю, вырвавшемуся в лес на день-другой – поджарить барбекю или шашлык.

В лесу у Зосимы было много мелких алтарей (кусочек скалы, старый пенек или бездонный бочажок), где он совершал жертвоприношения – оставлял возле них сахар, соль, хлеб, кропил водкой...

Но главным его идолом было ДЕРЕВО – в три обхвата, с могучей кроной, настоящий лесной патриарх.

Возраст ДЕРЕВА я лично определить не мог. Не знал этого и Зосима. Он лишь сказал, что ДЕРЕВО это навещали еще его прадеды. Поэтому не исключено, что живому алтарю никак не меньше двух сотен лет.

Когда Зосима свершал свои таинства возле ДЕРЕВА, нам везло в охоте просто баснословно. В этом я убедился много раз. Так что разговор насчет лесных духов не всегда может быть совершенно беспредметным.

Но это духи. А тут – ведьмак. Это уже совсем из другой парафии. Тут ни за что ручаться нельзя. Сейчас столько написано умных статей на эту тему, что иногда просто жуть берет. А что если хотя бы половина сказанного там – правда?

Едва я это подумал, как раздался грохот неимоверной силы. Мы с Зосимой так и подскочили. А затем, не сговариваясь, выбежали на улицу.

Над Пимкиным болотом стояла черная дождевая туча. (Когда она успела там появиться!?) Из ее пузатого чрева вырывались толстые пучки молний и били точно в то место, где когда-то стоял княжеский замок.

По крайней мере, мне так показалось.

Глава 8

Как хорошо балдеть в постели, когда ты свободен, словно ветер!

Никто не начнет тебя пинать и орать над ухом, что на кухне уже стынет завтрак, а рабочий день почему-то начинается не в десять, а в восемь часов утра; никому нет дела до того, что твоя одежда разбросана по всей комнате, а домашние тапочки почему-то вообще лежат на диване, на самом видном месте; и самое главное – везде царит просто удивительный покой, которому даже муха на оконном стекле не помеха.

«А вставать все-таки надо, уже рассвело...» – подумал я лениво, посмотрел на стол, полный объедков и огрызков, и поморщился.

За разговорами о том, о сем мы с Зосимой досиделись до темноты, потом пережидали дождь, успешно коротая время с помощью привезенной мною из города водки, а когда наконец у нас в головах зазвучал сигнал отбоя, то у меня хватило сил лишь дотащиться до постели и рухнуть на нее снопом.

По-моему, я даже дверь не закрыл на ключ. Впрочем, столь вызывающее раздолбайство вошло у меня в привычку. Кто будет лазить – и зачем – по домам среди ночи (да и днем тоже) в нашей глухомани?

Местные аборигены вообще понятия не имели, что такое хотя бы обычный амбарный замок, навешенный на дверь избы.

Чаще всего вместо замка они использовали прислоненный к двери ореховый прутик, который служил предупреждением, что хозяева отсутствуют. А у некоторых был внутренний деревянный засов с зубчиками, который открывался железным шкворнем со свободно болтающимся язычком.

Всунешь шкворень в дырочку, нащупаешь язычком засов-рейку, и поворачивай. Всего-то делов. Отмычку для такого, с позволения сказать, «замка» может смастырить даже младенец,

орудуя одним перочинным ножом.

Только я, приехав сюда на поселение, завел моду все запирать на ключ. Причем замки достал по оказии очень даже мудреные, со всякими наворотами. Не наши замки. Капиталистические. Такими сложными запирающими устройствами сытые буржуи насобачились отгораживаться от вечно недовольного пролетариата.

Но на то были свои причины. Главным моим достоянием была даже не изба-бунгало, обставленная по первому классу, а капитальный сводчатый погреб с тайной кельей внутри, в самом его конце. Тайник я оборудовал вторым, запасным, выходом и всем, что необходимо для жизни подпольщика.

Поднявшись, я быстро убрал со стола, попил чаю – ничто другое, посущественней, не лезло в горло – и первым делом решил проверить, как там у меня обстоят дела в погребе.

В первом отделении моих подземных владений, как и ожидалось, царило запустение – несколько деревянных ящиков, две рассохшиеся бочки (прежние хозяева когда-то солили в них огурцы и капусту), гнет – два гранитных булыжника, и стеллаж с пустыми банками и бутылками.

В тайнике дело обстояло гораздо солидней. Я нажал на скрытый фиксатор, и фальшивая кирпичная стенка повернулась вокруг оси, открыв моему взору мечту моего детства.

Да, именно мечту. Еще в свою бытность детдомовским пацаном мне очень хотелось иметь такое тайное убежище, где я бы мог укрыться от невзгод и жестокостей взрослого мира. Особенно остро это желание проявлялось, когда мы играли в «наших» и «фрицев», в подпольщиков и гестаповцев.

Я включил свет. Все было на месте (вернее, почти все): медицинская кушетка с двумя грубошерстными солдатскими одеялами, тумбочка с посудой, ящики с консервами и бутылками минеральной воды, электрический обогреватель и наконец сейф, где я хранил некоторые документы, а также оружие и боеприпасы.

К сожалению, около десятка литровых бутылок со спиртным, которые я здесь оставил, приказали о себе долго помнить. Похоже, Зосима выплатил себе зарплату за обязанности сторожа моего бунгало натурой...

Открыв сейф, я достал оттуда свою двустволку и одобрительно причмокнул – хорошо, что перед отъездом, так сказать, на «большую землю», я смазал ее солидолом и завернул в пергаментную бумагу.

Несмотря на то, что погреб был вырыт в спрессованной миллионами лет сухой до каменной твердости глине, сырость все равно ощущалась. Даже никелированные детали обогревателя начали темнеть и покрываться ржавчиной.

Зосима пришел на удивление рано и застал меня за чисткой оружия.

– Патроны как, в норме? – спросил он заботливо, с вполне понятным профессиональным интересом.

– А что с ними станется?

– Дык, время-то бегит... Скоки пролежали.

– Ну не в воде же. К тому же все пачки с патронами я законсервировал, макнул их в расплавленный парафин.

– Да-а, с оружием ты можешь управляться...

В голосе Зосимы слышались легкая зависть и уважение.

Поначалу, когда мы с ним познакомились, он был не очень высокого мнения о моих способностях как охотника и стрелка. Я не спешил разубеждать его в этом заблуждении и понарошку мазал безбожно.

Мне, наверное, еще большему лентяю, чем Зосима, по душе была лишь та дичь, которую полевал на двоих мой приятель и наставник. Это у него получалось классно. А я в основном валял в лесу Ваньку, любуясь красотами почти дикой природы.

Но однажды все изменилось в одночасье, и мне пришлось взяться за оружие по-настоящему, чтобы и самому выжить, и спасти своих друзей, в том числе и Зосиму. С той поры старый охотник затаил на меня легкую обиду, – «за оман» – которая обычно спала, но иногда все же просыпалась, когда мы выходили на охоту.

В таких случаях Зосима из шкуры лез, чтобы доказать свое первенство в этих делах. И конечно же, всегда побеждал в нашем тайном соцсоревновании. Увы, у меня поддержки лесных духов не было и приходилось уповать всего лишь на Госпожу Удачу. А с ветренными дамами у меня всегда были напряженные отношения...

– Када пойдём? – спросил Зосима.

– Давай завтра, – ответил я, сразу поняв, куда это зовет меня мой добрый друг; конечно же, на охоту. – Сегодня хочу наловить рыбки на перекус, да ушицу сварганить. Страсть как хочется, давно не едал, – чтобы с дымком, да на свежем воздухе. И убраться нужно немного, все порасставить на свои места.

– Ну да, ну да, все верно... – с легкой досадой сказал Зосима, которому явно хотелось немедля рвануть подальше от деревеньки с ее скучным однообразием примитивной патриархальной жизни.

Тем более, что теперь у него появился хороший напарник, а на охоте это первое дело – есть благодарный слушатель, для которого можно травить охотничьи байки возле костра хоть всю ночь. И который тоже не прочь языком потрепаться – есть у него и такая слабость.

Я взял удочки, которые, как и все в избе, были в идеальном состоянии, и направился к озеру, на свое излюбленное место. Идти мне было всего ничего – вдоль берега, метров сто. За мною топал и приунывший Зосима, отравляя упоительно вкусный утренний воздух, освеженный грозой, дымом своих дешевых сигарет.

– А это откуда? – спросил я удивленно, показывая на новенькие мостки и красивую беседку с резными колоннами и крышей, покрытой импортными финским материалом. – Неужели черноризец со товарищи для общества потрудились?

– Хе-хе... – хохотнул Зосима и выпустил клуб дыма. – Ента твои «крестники» постарались.

– Не понял... Ты о ком?

– Забыл... – Зосима снова ухмыльнулся. – Ну тот, белобрысенький. И его приятели. Что тогда с электрической удочкой сюда приезжали...

– Лагин!? – Моему удивлению не было предела.

Это же надо так перевоспитаться! Похоже, у меня есть задатки великого педагога. Перековать отморозенного Чижка (это была кличка местного авторитета Лагина) – не фунт

изюма скушать.

– Год назад приехали и очень вежливо попросили у меня разрешения поставить здесь беседку, мостки и мангал... вон там, видишь? Грят, чтобы иногда приезжать сюда на отдых. Порядок и чистоту гарантировали. А я что? Пусть их. Озеро-то не частное.

«Мое озеро! – рявкнул где-то в глубине моей сильно очерстевшей в городе души злостный частник. – Ишь чего захотели... покусились на самое заветное. Мечту мою испохабили... Козлы!».

– Ну и как, держат слово? – спросил я ревниво.

– А то... Все чин чинарем. Ведут себя вежливо, тихо, рыбу ловят только с мостков и никаких электрических удочек. Да и зачем она тут нужна? У нас здесь рыбы – завались. Зимой из проруби одни головы рыбы торчат, воды не наберешь; дышат карасики.

– Что ж, если так... Не жалко...

– Ага, и я так подумал. Между прочим, после того, как они здесь появились, другим путь сюда стал заказан. Кроме них – никого. И это, подарки мне привозят... кхе-кхе... – Зосима понял, что проговорился, и смущенно отвел глаза в сторону.

– Никак, водочку?... – догадался я без особого труда.

– Дык, это... понятное дело. И закуску.

– Купили тебя... – Я сокрушенно покачал головой. – Как пацана, на дешевке.

– Зачем ты так... – Зосима неловко переминался с ноги на ногу. – Кстати, они тебе привет тебе передавали.

– Премного благодарны, – буркнул я, разбираясь со снастью.

– Уважают они тебя, – не отставал Зосима. – Сказали, что если тебе не понравится их самодеятельность, – указал он кивком головы на беседку, – уберут все немедленно.

– Пусть все будет, как есть, – сказал я, немного оттаивая. – Беседка дело хорошее. Не говоря уже о мостках. Добротнo сделано, на совесть.

В этот момент я подумал, что в конечном итоге нам с Зосимой никто не запретит засесть в беседке, когда будет непогода, и отдыхать в свое полное удовольствие, любясь озером и наслаждаясь дружеской беседой под шум дождевых капель. Это, знаете ли, здорово успокаивает.

Рыбалка, прямо скажем, удалась на славу. Наверное, рыба здорово по мне соскучилась, потому что едва не устраивала драку за право проглотить наживку и сесть на крючок.

Только Зосима, который пристроился рядом со мной, на мостках, был недоволен.

– Не к добру это... – бубнил он встревожено, наблюдая за тем, как я едва успеваю снимать свою добычу с крючков. – Ох, не к добру...

Я ловил на три удочки.

– Не каркай, – отвечал я, довольно ухмыляясь. – Все путем...

Моя азартная душа буквально пела – как здорово! Погода – блеск, озеро – как слиток серебра, от которого я отхватывал маленькие живые кусочки, а леса вокруг – словно занавес

огромного театра под открытым небом, готовый в любой момент подняться, чтобы я мог насладиться новой оригинальной постановкой.

Ах ты, боже мой...

Уху мы сварганили прямо здесь, на специально оборудованной Лагиным-Чижом площадке, где находился и явно сделанный по спецзаказу добротный чугунный мангал – такой тяжелый, что с места не сдвинуть. Его что, трактором сюда волокли?

Поставив на костер (от которого осталась лишь кучка жарких углей) нанизанных на шампуры, выпотрошенных и очищенных от чешуи жирных карасиков, чтобы приготовить второе блюдо, я сказал, поднимая рюмку:

– Ну что, по единой?

– Дык, это, конечно...

– Мы сегодня, кстати, не пьем, а лечимся.

Ответом мне было привычное Зосимино «хух!» После водки ароматная и горячая – почти кипятком – уха показалась мне просто божественным нектаром.

Я почувствовал, как по моим жилам побежало нечто обжигающее, вроде подогретого адреналина. Эта субстанция наполнила мою душу ликованием, а сердце неземным покоем.

Хорошо...

И в этот момент я вдруг почувствовал, что мы возле беседки не одни. Кто-то таился в кустах, явно сглатывая голодную слюну. Уж не черноризец ли? На ушицу потянуло, ворона...

– Эй, дядя! – окликнул я громко. – Выходи! Нечего по кустам шастать, да за людьми подглядывать. Выходи, не обидим.

Зосима от удивления даже поперхнулся. К старости он стал немного глуховат, чего нельзя было сказать о его голубых глазах; правда, от яркой молодой голубизны в них остался лишь стальной блеск, но смотрели они зорко и далеко, как у орла.

Послышался шорох, треск ломающихся ветвей, и перед нами появился странный тип, весьма похожий на жюль-верновского Паганеля – такой же высокий, нескладный и в круглых роговых очках. Для полного сходства не хватало лишь подзорной трубы, да коротких панталон с чулками.

– Вы кто? – спросил я, икнув от неожиданности; мне думалось, что увижу другого человека.

«Паганель» вежливо кивнул Зосиме, который тоже несколько был смущен, и ответил неопределенно:

– Живу я здесь... Здравствуйте.

– Привет. Наше вам. Будем считать, что ответ на вопрос исчерпывающий. Что ж вы, уважаемый, по кустам шорохаетесь, добрых людей пугаете?

– Я, знаете ли, проходил мимо...

– Мимо, значит... – Я недоверчиво ухмыльнулся. – И по каким делам?

– Иво, это Кондратий Иванович, – наконец подал голос и Зосима.

Ух ты! Оказывается, к нам пожаловал дачник Кондратка, который снимает избу у Зинки Фалалеевой. Мы с ней не так и не познакомились, но я был о Зинке-резинке, ведущей в городе беспутную жизнь, немало наслышан.

Впрочем, как и о других бывших жителях нашей выморочной деревеньки.

– А-а, тогда милости прошу к нашему шалашу, – сказал я доброжелательно, сделав пригласительный жест. – Заодно и познакомимся. Хорошему человеку мы всегда рады. Правда, Зосима!

– Ну, дык...

– Вот и я об этом. Меня зовут Иво. Нет, нет, никаких по отчеству! Просто Иво. Да вы садитесь, садитесь... вот и ложка есть. Что касается тары, то тут у нас пролет... – Я с некоторым сомнением повертел в руках пустую рюмку. – В этом вопросе мы на вас не рассчитывали. Но это дело поправимое. Будем пить с одной, хотя это и негигиенично. Водка – лучшее средство для дезинфекции. Как вы насчет спиртного, не абстинент ли, случаем? – спросил я с затаенной надеждой – а вдруг и впрямь Кондратка непьющий? вот было бы здорово, со спиртным в нашей деревеньке всегда напряженка. – Это сейчас модно...

– Нет, нет! – поторопился ответить Кондратий Иванович, сиречь Кондратка. – В этом плане у меня все нормально.

– Наш человек, – сказал я с удовлетворением, все-таки задавив в себе жлоба, когда очкастый Кондратка махнул полную рюмаху, как за себя кинул; похоже, в этом деле он даже Зосиме не уступит. – Правильный.

– Спасибо, – вежливо ответил Кондратка, понюхал хлебную корку, поправил очки и взялся за ложку.

Кондратка оказался мужиком хоть и ученым (по крайней мере, с виду), но без претензий. Он начал метать уху с потрясающей быстротой. Ну просто тебе голодающий Поволжья. Создавалось впечатление, глядя на его худобу, что мужик не ел как минимум неделю. Силен пожрать...

– Стоп! – наконец не выдержал я беспрестанного мелькания ложки. – А по второй?

– Нет возражений, – охотно откликнулся Кондратка.

Теперь уже мы выпили все вместе; правда, Зосима с некоторым отставанием. Это он предложил свою рюмку Кондратке. Наверное, мой друг решил на всякий случай подстраховать меня – чтобы я не подхватил какой-нибудь неведомой заразы.

Хотя я знал, что в этом вопросе он больше заботится не обо мне, а о Каролине... старый хитрец! Они как-то уж очень быстро спелись, и Зосима просто боготворил мою непутевую женушку.

Пардон, мою бывшую женушку. Которая вышвырнула меня из своей жизни, как некий использованный предмет интимного обихода. Обидно, понимаешь, да?

Еще как обидно. Особенно когда примешь на грудь, как мы сейчас, по три сотки. Сразу в голову начинает лезть всякая чепуха, разные ути-пути их прошлой жизни, а также настоящие и мнимые обиды.

Мне пришлось сгонять домой еще за одной бутылкой. Этот сукин сын Кондратка, Паганель очкастый, хлебал беленьку как ломовая лошадь воду.

Понятное дело – на халяву можно и море выпить, было бы чем закусывать...

Разговор у нас шел ни о чем. Это был обычный «звуковой фон» застолий, когда собираются только мужики. Правда, за одним исключением – в нашем трепе не присутствовала женская тема, которая в пьяной мужской компании превалирует.

В принципе, и этот факт поддавался объяснению: Зосима давно забыл, что это за зверь по имени Женщина; я – не хотел о женщинах даже думать, особенно об одной, выбрасывал ее из головы, как вышибала выкидывает из кабака забулдыгу без копейки в кармане, который снова и снова с пьяной настойчивостью возвращается к стойке бара, чтобы выклянчить у кого-нибудь из посетителей еще одну рюмку спиртного; а что касается нашего «профессора» Кондратки, то мне кажется он принадлежал к типу маменьких сынков, вечных женихов, которым разбитные свахи безуспешно подыскивают невест до самой гробовой доски.

– Как отдыхается? – наконец задал я «Паганелю» невинный с виду вопрос; естественно, не без задней мысли.

– Что вам сказать... – Кондратка с видимым сожалением бросил взгляд на последнего карасика, который лежал перед ним на одноразовой тарелочке из алюминиевой фольги.

Это были остатки от его порции запеченной на костре рыбы, которую он стрескал с кошачьим урчаньем.

– Красиво здесь, – продолжил он осторожно.

– Но скучно. Не так ли?

– Нет, нет, что вы! – горячо возразил Кондратка, постепенно заводясь. – Когда у человека есть дело, ни о какой скуке не может быть и речи...

Опа! Дело, значит, у него есть... Вот вы и попались, Штирлиц.

Какие такие дела могут быть в нашей деревенской глухомани у рафинированного интеллигента? Ну разве что молочка парного попить, да белых грибов засушить – в этом году, как уже доложил мне Зосима, их можно косой косить, так много уродило.

Наверное, Кондратка и сам понял, что прокололся. Он вдруг умолк и начал смотреть на нас с Зосимой как бука – исподлобья.

Но я сделал вид, будто мне совсем не интересно то, о чем начал говорить «профессор». А что касается Зосимы, то он как раз в этот момент набивал трубку ядреным самосадом.

На моего друга иногда находили снобистские настроения. Тогда он оставлял свои вонючие сигареты, самые дешевые, которые только можно было найти в округе, и принимался за трубку. Наверное, ему казалось, что с этим курительным прибором он выглядит значительней.

Однако, сегодня он хотел не только пустить пыль в глаза Кондратию Ивановичу. Зосима решил по пьяной лавочке на маленькую месть. И ее объектом был я.

Дело в том, что после отъезда в город мы с Каролиной посылали ему время от времени скромные посылки. Чисто символически. Потому что Зосима дорогих подношений и подарков просто не принял бы. Мы это хорошо знали.

Но главным козырем в этих посылках был трубочный голландский табак с разными ароматическими добавками. Зосима от него «тащился», как выражается нынешняя молодежь.

(К слову сказать, коробка супертабака из Нидерландов стоила столько, сколько запас продуктов на неделю для спецназовца. Хорошо, что Зосима этого не знал).

Так вот, вчера я по запарке как-то забыл, что в моем необъятном и неподъемном рюкзаке лежат и скромные подарки для моих друзей-аборигенов: стариков Коськиных, бабки Дарьи и, естественно, для Зосимы – тот самый дорогуший адмиральский табак.

Когда я покупал его, у меня внутри все перевернулось: блин! последние «отвальные» запалил – те, что мне бросила Каролина с барского плеча; еле-еле на электричку потом наскреб.

Но теперь я с хитрецей посматривал на Зосиму, который вызывающе пыхтел своим горлодером, отвернув глаза в сторону. Мол, пусть тебе будет стыдно, Иво Арсеньев.

Ничего, подумал я, мысленно торжествуя, ты еще помучаешься от того, что так плохо обо мне подумал, старый прохиндей...

Мы разошлись только к полудню. И, ясное дело, на хорошем подпитии.

Увы, больше из Кондратки выдавить ничего не удалось. Он замкнулся и стал похож на твердокаменного коммунара, которого привели на допрос в белогвардейскую контрразведку. Я когда-то (в советские времена) видел такую картину, намалеванную небесталанным мазилой.

Я пришел домой и завалился спать. А что делать пенсионеру, у которого ни детей, ни плетей, не говоря уже о жене и телевизоре?

Мне снился какой-то бесконечно длинный и мрачный сон. Я все время убегал, а какая-то черная мохнатая сволочь пыталась меня догнать и прижать к ногтю. И даже в сонном состоянии, под впечатлением кошмара, на бегу, я думал: «Надо с этим черноризцем разобраться. Это все его штуки...»

Что-то я стал чересчур впечатлительным...

Глава 9

Проснулся я часа через два. У меня на сегодня было запланировано еще много работы. И первым делом я хотел разобраться со своим уловом.

Почистив оставшуюся от нашего «пиршества» рыбу, я положил ее в холодильник и задумался, бесцельно глядя за окно, где уже начинало вечереть. И чем теперь заняться?

Конечно же, я знал, что буду делать дальше. Только боялся признаться самому себе.

Я решил пойти на разведку к избе Киндея. Кошмарный сон так меня достал, что я проснулся с железной решимостью разобраться во всех странностях, которые начали твориться в деревеньке за время моего отсутствия.

И все равно некая неопределенность моего замысла томила меня с назойливостью осеннего занудливого дождя. Что я там забыл? Что я хочу там увидеть? И вообще – подсматривать за людьми, по меньшей мере, неприлично и безнравственно. Я ведь не во вражеском тылу и уже давно не разведчик.

Надо, Федя, надо! Иначе ты просто не уснешь. Этот ночной променад необходим тебе как глоток свежего воздуха человеку, страдающему клаустрофобией, который только-только вырвался из душного подвала.

Так тому и быть, решительно сказал я сам себе, разом оборвав паутину колебаний и неуверенности. Непременно надо расставить все точки над «і», выражаясь литературным штампом.

Приняв окончательное и бесповоротное решение, я начал быстро собираться. Все-таки я бывший военный, а в этой среде после поступления приказа начальства остается лишь выполнить его. А у меня на данный момент командиром был мой не шибко разумный мозг.

От прежней жизни у меня остался костюм, очень похожий на одеяние теперь уже всемирно известных японских диверсантов ниндзя, которые жили в средние века, – такой же черный, очень удобный для ходьбы и лазания по деревьям, с большим количеством разных карманов и карманчиков, пошитый из очень прочной непромокаемой ткани.

Был у меня когда-то такой бзик – походить на средневековых «неуловимых мстителей»...

Костюм благополучно валялся в шкафу, на нижней полке. Поначалу я хотел забрать его в город – как память о былом, но, хорошо подумав, отказался от этой затеи.

И правда – зачем он там нужен? Соседство этого изрядно потертого комбинезона с дорогими новенькими шмотками Каролины в герметичной комнате-пенале для одежды, куда не проникает ни пылинки, более чем неуместно.

Сейчас я был просто счастлив, взяв его в руки. Натянув костюм ночного волка, я вдруг ощутил, как быстрее забилось сердце, и как в голову ударила горячая хмельная волна избыточного адреналина. Есть еще порох в пороховницах!...

А то...

К сожалению, наполнять карманы костюма мне было нечем. У меня отсутствовали и метательные сюрикены, с которыми я научился управляться вполне сносно, и кусаригама – комбинированный серп с привязанной к рукояти длинной прочной цепочкой и грузилом, очень даже полезное оружие для тайных операций, не говоря уже о разных других прикамбасах, среди которых, например, были слепящие магниевые шашки и усыпляющий газ; это уже из коллекции современных рыцарей плаща и кинжала.

Увы, увы, стареющий «агент 007» стал совершенно беззубым...

С невольным вздохом повертев в руках охотничий нож, я воткнул его в специальные ножны на бедре, вшитые в костюм. Так удобней воспользоваться им в любой момент.

В общем, с оружием у меня не густо, констатировал я не без ностальгической грусти. Не брать же с собой двустволку и патроны, снаряженные картечью. Не на войну же собираюсь.

Будем надеяться, что поиск завершится вполне мирно, а все мои подозрения и опасения окажутся не более чем вымыслом человека, которому город и женитьба на взбалмошной женщине привили шизофренические наклонности...

Прихватив с собой свой старенький охотничий бинокль (вдруг пригодится?), я вышел из дому, когда совсем стемнело. Притом постарался сделать это как можно незаметней, вдобавок еще и плотно зашторив окна – вдруг кому-нибудь приспичит посветить фонариком через стекло.

Раньше в нашей деревеньке такие моменты не наблюдались, а сейчас – поди, знай...

Дорога к избе Киндея не заняла много времени, хотя можно было до нее добраться и гораздо быстрее. Но я не торопился.

Несмотря на темень – луна спряталась за тучи, я ориентировался на местности совершенно свободно. Ноги сами находили нужную тропинку и вовремя переступали через рытвины, обнажившиеся корни деревьев и редкие камни, оставленные в незапамятные времена ледником.

Правда, напрямую идти к своей цели я все-таки не решился. Что-то не нравилось мне поведение стариков Коськиных и упертая игра в молчанку Зосимы, когда на берегу, во время застолья, заходил разговор о черноризце.

В том, что дед Никифор и баба Федора побывали в «гостях» у таинственных черненьких, у меня совершенно не было сомнений. Старики Коськины не тот народ, который будет спокойно сидеть дома, когда под боком происходят разные интересные события.

Наверное, будь на месте избы Киндея действующий чумный изолятор, то и тогда баба Федора ухитрилась бы посмотреть на смертельно больных хоть одним глазом, а то и побеседовать с ними, то бишь, взять интервью.

Короче говоря, мировая журналистика в особе Федоры Коськиной потеряла своего самого великого представителя. Жаль, что она родилась так рано, да еще в Богом забытой деревне, и не получила должного образования...

Я взял левее, пошел вверх по течению спокойного мелководного ручья, который впадал в озеро. Этот участок ручья имел твердое, каменистое дно (это мне было известно и раньше), а потому я передвигался без особого напряжения, лишь следил за тем, чтобы мои шаги по воде не сильно нарушали ночную тишину.

Я зашел с тыла, со стороны леса. Теперь ориентироваться стало еще легче, потому что позади избы горел костер, освещающий мне дорогу как фонарем.

И все же это было не совсем хорошо. Если у них и впрямь есть какие-то серьезные секреты – а от черноризца можно всего ждать, настолько я мог судить по первой нашей встрече, – то меня они заметят на раз.

Поэтому мне пришлось идти очень осторожно, прячась за деревьями, а иногда и без особой радости изображать червяка, ползающего в кустарнике. И все же, несмотря на все мои предосторожности, я едва не попал впросак. Притом по-крупному.

Как я успел среагировать, сам не пойму. Я рухнул на землю за долю секунды до того, как над моей головой что-то тяжело, со скрипом, прошумело, и раздавался треск сломанных ветвей.

Мать твою!... Я лежал ничком, сжимая нож в руках, – и когда только успел выхватить его? – и почему-то считал удары сердца. А оно билось так гулко, что мне казалось, будто по лесу идет эхо от его работы.

Что это было? Я долго не решался прояснить этот вопрос, пытаюсь понять, что мне делать дальше: как можно тише отползти в сторону и быстро рвать отсюда когти, пока, как говорится, трамваи ходят, или все-таки посмотреть, что там за ялда едва не оторвала мне башку.

Убедившись, что мое маленькое приключение не наделало большого шума, я откатился в сторону и встал на ноги, по-прежнему сжимая в руках нож. Сделав три или четыре шага в ту сторону, где трещали сломанные ветки, я, наконец, увидел, что так сильно меня напугало.

И понял – мое приключение было совсем не маленьким и совсем не безобидным.

Передо мной торчала хитрая конструкция – точь-в-точь как в фильме «Первая кровь», где американский супергерой Рэмбо мочил своих копов (правильно делал, между прочим; как по мне, так это единственный его настоящий подвиг из всех, показанных в трех или четырех кинокартинах на эту благодатную и прибыльную тему).

Это была жердь, часто утыканная острыми колышками длиной сантиметров двадцать пять-тридцать, – как большая акуля челюсть.

При ходьбе человек цеплял спусковой механизм – если в джунглях, то лиану, а здесь, скорее всего, это был тонкий и прочный шнур – и вся эта зубатая конструкция, поворачиваясь вокруг оси под действием хитро устроенной «пружины» из гибких древесных ветвей, впивалась человеку в живот или грудь.

Хочу отметить, что это очень неприятная ловушка, особенно в полевых условиях. Получить штук пять-шесть глубоких колотых ран (это если повезет, и колышек не пробьет грудную клетку в районе сердца или печени) – такого несчастья и врагу не пожелаешь.

После встречи с этой зубатой сволочью можно запросто расстаться с жизнью, в особенности, если команда не возвращается на базу, а идет на задание.

Лишний груз никто тащить на себе не будет. Тем более, если это случается в далеких странах, когда светить свою национальную принадлежность перед противником никак нельзя.

Увы, увы, это и есть обратная сторона интересной и полной приключений жизни рыцарей без страха и упрека...

Я внимательно осмотрел ловушку. Она явно была изготовлена человеком, который хорошо разобрался в таких делах.

Вспомнив о стариках Коськиных, я невесело ухмыльнулся. Похоже, это после их тайного «визита» к избе Киндея черноризец решил обезопасить себя от нежелательных соглядатаев. Вот сволочь!

Жесток, гад. Подстраховался конкретно. Сие могло значить только одно – занимается он здесь совсем не делами какой-то веры. А если это и так, то его вера не имеет ничего общего с гуманизмом и человеколюбием.

Что ж, теперь я точно не отступлю, пока конкретно не почищу эти Авгиевы конюшни. Я здорово разозлился. Это же надо – меня, Ястреба, когда-то крутого мэна, которого уважал даже непосредственный начальник по кличке Дракон, мужик, круче некуда, какая-то пришлая сволочь, конь в длинном пальто, святоша гребаный, едва не пришпилит как бабочку!

Шалишь, стервец! Мы пскопские. Нас не прошибешь.

Решительно обойдя хитрое сооружение, я снова двинулся по направлению к избе, на этот раз внимательнейшим образом глядя не только по сторонам, но и под ноги.

Конечно, передвигался я как улитка, но до избы было рукой подать, и я вскоре добрался до нужного мне пункта. Слава Богу, ловушка на этом отрезке пути оказалась последней.

Наверное, черноризец просто соорудил вокруг своего жилища эдакий забор в линию из разнообразных хитрых ловушек. Так проще самому не попасть в ту яму, которую выкопал для других.

И тем не менее, у меня возникал вполне закономерный вопрос: почему с тыла изба Киндея охраняется особенно тщательно и совершенно варварским способом? Ведь сейчас хватает

разных пиротехнических штук. Зацепишься за растяжку – такой фейерверк начнется...

Значит, необходимость была. И то верно: деревенские не станут ходить вокруг да около, в случае необходимости направятся прямо к калитке (ну разве что старики Коськины способны выкинуть такой фортель; а возможно, они уже и попались на своей фобии под девизом «хочу все знать»). С тыла могут подобраться только чужаки, притом настроенные к черноризцу враждебно.

Обуреваемый такими мыслями, я забрался на раскидистое дерево и удобно пристроился в развилке, похожей на кресло. Передо мной, как на ладони, раскинулся задний двор. Вернее, когда-то позади избы Киндея был сад, но теперь от него остались лишь пеньки и достаточно обширное пространство, поляна, посреди которой горел костер.

За садом должен был находиться огород, но он так зарос бурьяном, что больше напоминал дикое поле. К тому же на бывшие грядки начал вести планомерное наступление лес, и среди чертополоха уже тянулась вверх молодая древесная поросль.

Вокруг костра сидели люди, одетые в черное. Похоже, они совершали какой-то ритуал, потому что передавали друг другу вместительную чашу с напитком, который отхлебывали с благоговейным видом.

Черноризца среди них не было, и я невольно огорчился. Где его черти носят? Но самое странное – воронье в человеческом облике, рассеянное вокруг костра, было безмолвно. Они что, глухонемые?

Чаша ходила по кругу минут пять. А когда опустела, черные застыли неподвижно, словно в глубоком трансе. Создавалось такое впечатление, что они медитировали.

Что ж, вполне возможно. Как по нынешним временам, ничего странного. Ветры из Поднебесной и Страны Восходящего Солнца долетели и в наши края благодаря голливудским фильмам-страшилкам. Буддистская философия вошла в нашу жизнь совершенно обыденно, мы этого даже не заметили.

А все потому, что в ней есть много созвучных русской души мыслей. Ну, например, лично меня очень даже устраивает буддистский постулат, что человек не умирает, а превращается в другое живое существо; например, в собаку. А собака, как известно, лучший друг человека.

«Хорошую религию придумали индусы...» Эти слова любимого мною поэта и барда я начал понимать лишь тогда, когда ушел на пенсию.

Неожиданно возле костра что-то изменилось. Всех черных будто током ударило. Они вскочили на ноги и застыли, склонив головы. Если честно, то я даже вздрогнул.

Черноризец появился, словно из-под земли. Наверное, я немного замечтался, потому что момент его появления перед черной братией просто прозевал. (Может, его принесла нечистая сила? Тьфу, ты!... Что за идиотские измышления!? Бред сивой кобылы).

В руках он держал большого петуха. И нож. Хороший ножик, ничего не скажешь. Весьма похож на горский кинжал – такой же длинный и обоюдоострый, но с некоторыми особенностями.

Непропорционально большая рукоять ножа была искусно вырезана из слоновьего бивня; кажется, из слоновьего бивня. Что там изображала резьба, я, конечно, разобрать не мог. Но в том, что у черноризца в руках была вещь очень ценная, я совершенно не сомневался.

От ножа (или кинжала, если хотите) просто веяло стариной. Особенно поразил мое воображение сам клинок.

Расстояния от меня до того места, где стоял черноризец, было небольшим, метров пятьдесят, и в бинокль я хорошо видел, что сталь на клинке не абы какая, а явно восточного происхождения, возможно, дамасская. Она буквально искрилась в пламени костра. Такой мэссер стоит очень больших денег.

Конечно же, это был ритуальный нож. Черные расступились (я насчитал семерых), их пахан подошел к костру и чикнул ножичком по горлу несчастной птицы. Петух дернулся в конвульсиях несколько раз и затих, а его кровь благополучно потекла во все ту же чашу.

(Между прочим, тоже далеко не дешевую; чаша была серебряной, с чеканными изображениями на боках. К сожалению, я не мог различить сюжеты этих изображений).

Они что, будут пить кровь!? Ну да, точно. Сборище вампиров, мать их... Или еще каких-то извращенцев. Противно...

Что я тут делаю!? Идиот! Мало ли сейчас разных сект расплодилось. От адвентистов до сатанистов, считать, не пересчитать.

Если человеку очень хочется сойти с ума, то ему никто не может помешать. Уход от действительности – это так называется. Патология. А по-простому, по народному, моча в голову стукнула.

Нет, я не брезглив и сам могу выпить стакан крови, даже не поморщившись. Естественно, в определенных обстоятельствах, когда нет ни воды, ни пищи, а на кону стоит твоя собственная жизнь. Или, или. Мне уже приходилось...

Но это была кровь осла, которого я зафрахтовал (вернее, умыкнул или реквизировал – не суть важно) для того, чтобы он тащил через пустыню мой боезапас. Из продуктов у меня на тот момент оставались только галеты, очень немного, а также полбурдюка вонючей воды, в которой плавали все известные миру бактерии и разновидности палочек Коха и которую пить нельзя было ни под каким видом.

Так мы и плелись: осел жевал колючки и запивал их микроскопическими дозами живительной и безвредной для него влаги, а я считал крохи от галет и время от времени прокалывал ему вену, чтобы нацедить себе немного крови.

Это была моя еда, мои витамины, жизненная сила и заменитель воды. Когда я, полудохлый, наконец добрался до пункта назначения и немного оклемался, то первым делом отослал осла с нарочным его хозяину, присовокупив энную сумму денег.

Таким образом я искупил свой нехороший поступок и выразил благодарность человеку за то, что он столь блестяще воспитал обычно своенравное животное в лучших традициях варварского гуманизма.

Осел перенес экзекуции с кровопусканием на удивление хорошо и даже на меня не обижался...

Чаша прошла по кругу, и среди сектантов (а кто же еще они?) воцарилось нездоровое оживление. Они заговорили быстро и, как мне показалось, несколько бессвязно – словно накурились «травки». Оказывается, эти хмыри вовсе не безгласные...

Черноризец стоял в стороне от общего галдежа недвижимый и прямой как жердь. Казалось, что он к чему-то прислушивается. Голову петуха пахан сектантов бросил в огонь, а тушку птицы тут же начал ощипывать один из его подчиненных. Наверное, чтобы приготовить ужин.

Рачительны, сукины дети...

Вдруг черноризец резко поднял свой посох вверх, что-то отрывисто пролаял... и указал им в мою сторону! Чтоб тебя!...

Меня заметили. Но каким образом? Я ведь сидел тихо, как мышь в подполе. Да и расстояние от костра до дерева, где я устроился, для ночного времени будь здоров – в темноте разглядеть меня практически невозможно.

Как же меня углядели? Вернее, углядел. Я ни на йоту не сомневался в том, что меня вычислил сам пахан. Мне ведь было видно, что к нему никто не прибегал с докладом, и он не трепался по переговорному устройству, если предположить, что я обнаружен секретом, охраняющим периметр.

Он что, ясновидящий? А хрен его знает. Мне от этого было не легче. Я видел, как черные сектанты побежали в мою сторону с очень неприятной решительностью и с весьма необычной для людей верующих (пусть и в черта-дьявола) прытью.

Спортсмены они, что ли!? Эту мысль я додумывал уже на земле, куда скатился с дерева в один миг. Ну, а потом думать об отвлеченных вещах мне уже было недосуг.

Я несся, как молодой конь, стараясь не наткнуться в темноте на дерево, а еще хуже – на острый сук. Позади слышался топот ног и треск сухих ветвей. Судя по звукам погони, меня окружали по дуге. Ишь чего захотели...

Я же не дед Никифор. И силенок мне пока не занимать, несмотря на мои частые посиделки в накуренной по самое некуда комнате, где происходили многочасовые игры в преферанс.

Скатившись к ручью, я резво побежал вверх по течению – чтобы запутать следы. Вряд ли мои преследователи подумают, что подсматривавший за ними гражданин решится углубиться в лесные дебри ночью.

Обычный человек в таких случаях жметесь поближе к огню, к людям и жилищу. А значит, по идее, ему просто некуда деваться, как идти в деревню.

Судя по всему, бегуны-черноризцы на это и рассчитывали. Дуга охвата была открыта именно со стороны деревни. Правильно решили, подумал я. В нашей микроскопической деревеньке вычислить соглядатая – раз плюнуть.

Но я уже покинул поле охоты. Пробежав по ручью еще с километр, я резко взял вправо и вскоре оказался на берегу озера. До моей избы отсюда было рукой подать, по берегу километра полтора, однако как раз туда мне и нельзя было идти.

А я и не хотел. У меня был другой вариант, не менее привлекательный. Раздевшись догола и пристроив одежду, связанную в узел, на голову, я осторожно вошел в воду и тихо поплыл к чернеющему неподалеку от берега островку.

Таких островков по озеру, имеющему весьма приличные размеры, было разбросано немало. Обычно я их игнорировал (а что мне там было делать?), пока Зосима однажды не рассказал мне, что все они имеют «приписку». То есть, у островков есть хозяева.

Вернее, были – когда в деревеньке насчитывалось около сотни дворов, и все местные мужики занимались рыболовством, благо рыбы в озере всегда было много, и она никогда не переводилась.

На этих островках мужики хранили свои снасти, большей частью браконьерские, и добротные челны. Те, что похуже, постарее и поплоче – для начальственного ока – валялись на берегу.

Почти на каждом островке был курень, хорошо замаскированный в лозняке, коптильня и

шалаш для вяления рыбы. Но самое интересное – за все годы советской власти рыбнадзор и лесничие так ни разу и не обнаружили эти убежища.

Умел простой народ маскировать не только свои истинные мысли и чувства по отношению к власти предрержавшим, но и кое что посущественней, без чего люди просто померли бы с голодухи, инспирированной сталинским режимом.

Такая «собственность» имелась и у Зосимы. Но так как он был ленивым до неприличия, то и островок присмотрел себе поближе к деревне, чтобы не махать веслами почему зря. Однако, шалаш он все-таки соорудил.

И все. На этом его «трудовые подвиги» по обустройству нигде не учтенной частной собственности закончились. Может, потому, что Зосима больше любил охотиться, нежели ловить рыбу.

Хотя была и другая причина – коптильню для мяса и рыбы он внаглую устроил прямо у себя дома, чтобы надолго не отрываться от полатей (а затем от дивана) и от самогонного аппарата, который работал, как государственный ликероводочный завод, – четко, бесперебойно и с большим эффектом.

О его неуважении к законам районное начальство знало, но старый прохиндей так всех опутал, что к нему заезжали не за тем, чтобы конфисковать самогон и дичь и потом наказать, а чтобы принять на грудь отменный «натурпродукт», крепостью никак не ниже пятидесяти градусов, и закусить ароматной сохатиной, поджаренной на свежем свином жиру с лучком и разными лесными травками и корнями.

Кто пробовал Зосимину стряпню хотя бы раз, тот никогда не забудет ее восхитительный вкус...

Шалаш был сух до звонкости. И, на мое удивление, наполнился связками вяленой рыбы, подвешенной к жерди. Неужто Зосима перековался!? Надо же... Что делает с человеком нынешняя капиталистическая действительность.

Беготня по лесу и водные процедуры разбудили во мне зверский голод. Завалившись на подстилку, я оторвал от связки несколько вяленых рыбин и начал жадно жевать, отдавая должное Зосиме за то, что он не переборщил с солью.

Я так и уснул с недоеденным лещом в руках. Усталость сморила меня напрочь. Размышлять и думать об увиденном возле избы Киндея действе мне почему-то совсем не хотелось.

Проснувшись утром, я некоторое время с недоумением смотрел на натюрморт над головой. Солнечные лучи проникали через вход в шалаш, и связки рыбы казались серебряными изделиями, только-только вышедшими из-под молотка искусного чеканщика.

Но вот запела какая-то птичка, и сонная одурь ушла, будто ее и не было. Подхватившись, я вспомнил вчерашнее приключение и почему-то здорово встревожился. Неприятное чувство поселилось где-то возле сердца и шпыняло в его трепещущую упругую мякоть с размеренностью маятника, усаженного шипами.

Пора! Пора домой. Сегодня у нас с Зосимой первый выход на охоту. А я еще не сложил свой сидор. Но почему, все-таки, на душе так гадко? Непонятно...

Зосима уже ждал меня.

– Дык, это, где тебя носит!? – спросил он осуждающе. – Стучу, стучу...

– Купался, – ответил я коротко, приглаживая мокрые волосы.

– Да?

Недоверчивый взгляд Зосимы скользнул по моему костюму, который никак нельзя было назвать дачным, и ушел куда-то в сторону. Он, конечно, сразу понял, что я вру, но, как человек воспитанный, не стал эту тему развивать дальше.

– Так мы идем? – поинтересовался он с некоторым сомнением в голосе.

– А что, у тебя есть какие-то другие планы?

– Какие у меня планы... Мяса вот надо. И на дерево посмотреть. Беспокоюсь я...

– Тогда вперед. Но сначала позавтракать не мешало бы. И собраться.

– Я уже собрался, – буркнул Зосима, недовольный задержкой выхода.

– Ну да... Тебе собраться – только подпоясаться.

Зосима пренебрегал сидором, который оттягивает плечи. Все снаряжение старого добытчика умещалось в многочисленных карманах его чудо-комбинезона. Что там только не лежало!

В этом я смог убедиться, когда два года назад одни негодяи устроили на нас облавную охоту с намерением отправить вперед ногами. В карманах комбинезона помещались аптечка, леска с рыболовными крючками, курево, зажигалка и спички, нитки-иголки, соль, сахар и специи, пачка чая, боеприпасы, нож, сухари или хлеб, добрый кусок свиного сала, банка тушенки, пшено для супца, луковица, ну и масса других вещей, крайне нужных с точки зрения Зосимы в походных условиях.

Этот набор варьировался в зависимости от времени года и состояния финансов Зосимы. Но кое-что было обязательным. Это боеприпас, соль, нож, спички, леска с крючками и сало с хлебом.

Я по-быстрому приготовил себе омлет из яичного и молочного порошков. Зосима составить мне компанию отказался. Он очень недоверчиво относился к успехам цивилизации на поприще питания.

Особенно Зосиму пугали (в его-то годы!) генетически модифицированные продукты, в частности соя, которую наши «умельцы» куда только не пихают.

«Чем мне сидеть сутки в сортире после твоих городских харчей, я лучше голодным побуду», – говорил он с видом ветхозаветного мудреца. Даже когда мы производили дезинфекцию своих внутренних органов с помощью спиртного, то и тогда Зосима, в отсутствии дичи или свежей рыбы, предпочитал закусывать хлебной коркой или, на худой конец, какими-нибудь консервами, которые назывались как в прежние времена.

Например, «Килька в томатном соусе» или «Печень трески», которая, кстати, почему-то перешла в разряд деликатесов. Раньше ее, по распоряжению высокого партийного начальства, очень беспокоящегося о здоровье народа, давали в нагрузку к бутылке водки горьким пропойцам вместе с плавленым сыром.

– Ты, это, щелкай зубами быстрее, – торопил меня Зосима.

– Что ты так торопишься? – спросил я с удивлением. – Наша дичь от нас не уйдет. Впереди целый день.

Сегодня Зосима был не похож сам на себя. Он нетерпеливо ерзал на стуле, время от времени бросая опасливые взгляды на окно.

- Никуда я не тороплюсь... – буркнул Зосима.
- Так я тебе и поверил. Что случилось? Только давай без лапши, которую ты иногда любишь вешать мне на уши.
- Это когда такое было!? – возмутился Зосима.
- Давно, – смягчил я свой наступательный порыв. – Теперь ты исправился. Но мне не хочется, чтобы между нами были какие-нибудь недомолвки.
- Сам ты хорош, – сердито возразил Зосима. – Где это тебя ночью носило?
- Тебе рассказывать или сам догадаешься?
- Что тут догадываться... – Зосима скептически ухмыльнулся. – Ботинки нужно тщательней чистить.
- А причем здесь ботинки?
- Притом, что ты весь в красной глине изгваздался. А она есть только возле избы Киндея. По ручью шел?
- Пардон, я и забыл, что ты у нас Кожаный Чулок, следопыт племени делаваров. Угадал. Шел по ручью. А ночевал на твоей островной «даче».
- Что, прижали?
- Как догадался?
- Хе-хе... – Зосима дробно рассмеялся. – Дык, не только ты такой szybko вумный и любопытный. Меня тоже нечистая сила как-то туда потащила... дурака, на старости лет...
- Сбежал? – полюбопытствовал я с интересом.
- Нет. Ушел. Как тока наткнулся на ловушки, сразу дал задний ход.
- Что так? На тебя это не похоже.
- Иво, ты ишшо молод и, уж извини, силенок у тебя значительно больше, чем здравого смысла. Ежели они так обставились, то с ними шутки плохи.
- Не узнаю я тебя...
- Почему?
- Раньше ты не боялся умереть. Всегда говорил, что свое уже отжил.
- Раньше у меня не было никакой жизненной цели. Жил, как былинка на ветру.
- А теперь появилась?
- Да.
- Поделишься секретом?
- Это никакой не секрет. У меня ведь, тебе это известно, нет никаких родственников, все померли. А сейчас ты вот приехал, Каролина открытки шлет, поздравляет... Кхе, кхе! – Зосима смутился. – Я теперь вроде как дедом стал. Правда, не совсем полноценным... думал внучок будет...

Старый прохиндей! На чувствительность давит, слезу умиления хочет у меня вышибить. Как же – открыточки... Нужно они ему, как зайцу стоп-сигнал.

Его гораздо больше интересуют продуктовые посылки, куда я, тщательно маскируя, чтобы Каролина не выбросила, подкладывал бутылки с виски, к которому за время нашей дружбы он сильно приохотился, и голландский табак.

– Кстати, насчет открыток... – Я закопался в своем рюкзаке едва не с головой. – Держи... – всучил я Зосиме красивую металлическую коробку с иностранными надписями. – Травись на здоровье.

– Иво... – Зосима был сильно растроган.

Похоже, он уже не надеялся получить столь желанный подарок.

– Спасибо тебе, Каролине... Как она там?

Вспомнил! Как ни странно, но ни вчера, ни позавчера мы так и не поговорили о причинах моего внезапного приезда, и ни разу в разговоре не затронули сиятельную персону моей... м-м... бывшей. Наверное, Зосима решил, что я просто хочу какое-то время отдохнуть от городской суеты, а в семье у меня царит тишь да гладь и Божья благодать.

– Хорошо она там. Мы с ней разводимся. – Я решил не напускать туману, а сказать все, как есть.

– Ты с ума сошел! – воскликнул ошарашенный Зосима. – Как можно!?

– Чья бы мычала... – Я снисходительно ухмыльнулся.

Зосима был женат трижды. И каждый раз жены, несмотря на деревенскую закалку и исконную русскую терпеливость, от него сбегали.

Первый раз он женился, по деревенским меркам, поздно, когда ему перевалило за тридцать, поэтому все свои холостяцкие привычки и замашки благополучно перетащил в семейный быт.

Он мог часами валяться на постели в фуфайке и валенках, вымазанных в навозе, обдумывая очередной философский постулат (Зосима был не только лентяем, но еще и доморощенным философом), а скотина в хлеву тем временем настоятельно требовала воды и сена.

Но что такое потребности примитивного жвачного животного по сравнению с мировыми проблемами? А когда жены доставали его до самих печенок, Зосима молча собирался и уходил в лес, где мог пропадать неделями.

Таким макаром его семейная жизнь благополучно опускалась на дно. Даже стойкая и сильная деревенская женщина, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...», как писал один великий поэт, не могла выдержать флегматичный и неуступчивый норов Зосимы.

Ему все было по барабану. В том числе и советская власть, которая имела к нему немало претензий, но так ни разу и не отправила в лагерь. Больно хитер оказался гусь, не по зубам.

– Дык, она такая хорошая девочка...

– Когда спит зубами к стенке и за тридевять земель – в какой-нибудь гостинице за бугром во время служебной командировки.

– Что ты так на нее окрысился!?

– Хочу заметить, чтобы ты все правильно понял, это не я бросил ее, а она сама меня вытурила. Просекаешь момент?

– Просекаю, – серьезно и даже с некоторой грустинкой ответил Зосима.

Еще бы! Он сразу же сложил в уме два плюс два и мгновенно сообразил, что теперь не видать ему передачек, как собственных ушей. Во-первых, я снова осяду здесь на постоянное место жительства, а во-вторых, Зосима сразу определил, еще два года назад, что денежная мошна находится в руках Каролины.

– Только не рыдай, – сказал я снисходительно. – Она добрая, тебя не забудет.

– Ты так считаешь? – оживился Зосима.

– Уверен. От нее нелегко отцепиться. Вот увидишь, она еще приедет сюда, чтобы затеять со мной очередной скандал. Каролина просто не может без скандалов. Это у нее такое хобби.

– Чего?

– Бзик. Шизоидное состояние увлеченности чем-нибудь. Это когда в башке время от времени дерьмо закипает.

– А-а, ну да... Дело знакомое.

– Вот и я об этом. Все, я уже собрался. Вперед...

Мы вышли за порог. Я набрал полную грудь свежего утреннего воздуха и вместе с сильным выдохом постарался выбросить из головы всякую пакость, которая уже до краев заполнила черепную коробку.

Меня ждал ЛЕС, главный мой целитель и врачеватель.

Глава 10

Я уже сноровисто потрошил гуся, которого мы подстрелили по дороге к ДЕРЕВУ, когда раздались крики Зосимы. Мы остановились на привал примерно в сотне метров от этого живого языческого идола, и Зосима долго колебался, прежде чем отправился свершать свои жертвоприношения.

Похоже, он боялся, что застанет дерево совсем усохшим, мертвым, и тогда ему ничего другого не останется, как завернуться в белую простыню и своим ходом отправиться на деревенский погост. Уж не знаю, почему, но Зосима связывал свою жизнь именно с этим столетним (а может, и двухсотлетним) дубом, единственным на всю округу.

Зосима насобирал дров, разжег костер, пока я обрабатывал гуся, и, взяв холщовый мешочек с дарами лесным божествам, медленной походкой, в которой угадывалось большие сомнения и даже отчаяние, направился к заветной поляне.

– Иво! – звал Зосима. – Иди сюда! Быстрее!

Бросив гуся, я схватил ружье и помчался к дубу. Зосима бросился мне навстречу с улыбкой до ушей и слезами радости на глазах.

– Иво, он ожил! Смотри – вон новый росток, вон...

– Фу ты! Напугал меня... Я думал, что тебя тут режут.

– Ожил... – Зосима благоговейно прикоснулся к шершавой коре дерева.

– Ну вот и чудненько. Значит, тебе уготована вечная жизнь. Как Конану Маклауду... кажется, так его зовут, точно не помню.

– Кто это? – поинтересовался Зосима, не отводя счастливых глаз от новой поросли на ветках дуба, похожих на узловатые ручищи мифических богатырей.

– Это киношный персонаж. Крутой мужик. Живет уже пятьсот лет и все рубит мечом бошки своим врагам. Отсек одну голову – еще несколько лет жизни себе прибавил. И так до бесконечности. Пока на Земле из долгожителей останется только он один.

– Зачем это ему? Один, как перст...

– Спроси у американцев. По-моему, у них новая идея появилась – так как ресурсы на Земле постепенно истощаются, пустить все население нашего шарика под нож, чтобы на планете остались только США. Америка превыше всего. Пуп вселенной.

– Не понимаю...

– Если бы только ты не понимал... Как на меня, то приближается конец света. Я тут недавно вычитал (может это и очередная утка, брехня), что из космоса идет на нас какая-то черная туча, которая сожрет не только все живое, но и саму Землю. Вот люди и бьются, предчувствуя близкую кончину.

– Господи! – неожиданно вспомнил Зосима и христианского бога; только не перекрестился. – Да как же это!? Когда?

– Не дрейфь. Полный трандец ученые обещают в аккурат к две тысячи четырнадцатому году. Цифра «14», как я теперь понял, у нас просто роковая. Самый близкий пример – в четырнадцатом году прошлого столетия началась Первая мировая война. Но мы еще, надеюсь, успеем всласть поохотиться и водочки попить. Живем-то раз. Хотя мне в это и не хочется верить.

– Этих ученых нужно держать в клетках, под замком, – сердито заявил Зосима. – Все беды от них.

– Не скажи. Еще есть так называемые политики. Это двуногие млекопитающиеся особого вида. Вот от них и происходят самые большие пакости. У политиков все от заморожено – и совесть, и честь, и душа. Создается впечатление, что их заслали к нам с другой планеты враги землян.

– Точно. При Сталине было... вспоминать не хочется.

– И не нужно. Пора эту трахнутую молью личность кавказской национальности забыть в чулане. Без него хватает проблем. У нас теперь новые вожди, а идею коммунизма мы благополучно похерили.

Политический диалог продолжался еще часа три – пока не подоспел гусь, который мы запекали по специальной походной технологии.

Обмазав тушку птицы, нафаршированную изнутри травками Зосимы, глиной, мы засыпали ее тлеющими угольями, и пока ждали результат наших поварских ухищрений, отдали должное походной фляге с водкой, которую я всегда брал с собой – для поднятия морального тонуса. В качестве легкой закуски нам пригодилась ежевика, кусты которой, сплошь усыпанные

спелыми ягодами, росли здесь в изобилии.

Мясо запеченного гуся таяло во рту. Ведь при таком способе готовки весь сок птицы и ее жир остается внутри, поэтому вкус продукта получается просто потрясающим. А если учесть, что мы обедали на природе, в тенечке, то и вовсе станет понятным наше состояние полного блаженства и умиротворенности.

Перекусив, как следует, Зосима закурил трубку, на это раз набив ее голландским табаком. Я невольно позавидовал ему – по окрестностям потянуло медовым запахом, и мои сигареты вдруг показались мне какими-то пресными и чересчур слабыми.

– Где сегодня отаборимся на ночь? – спросил я, с сожалением посмотрев на остатки нашего пиршества.

С виду упитанный и габаритный гусь на поверку оказался не таким уж и большим. Похоже, нам придется хорошо постараться, чтобы не остаться без ужина. Мы надеялись оставить несколько кусков мяса на вечер, но как-то так получилось, что съели все без остатка.

– А где бы ты хотел? – парировал мне Зосима.

– Домой возвращаться не хочется...

– Что там делать, – охотно согласился мой добрый друг. – Неплохо бы нам дня три-четыре побыть в лесу.

– Это почему? – спросил с внезапно вспыхнувшим подозрением.

Зосима замаялся, но под моим суровым взглядом начал колотиться:

– Черные по деревне ходили... расспрашивали... – ответил он неохотно.

– Да ну? Ишь ты, зашевелилось змеиное гнездо... И что их интересовало?

– Дык, это, не появились ли у нас чужие люди.

– К тебе тоже заходили?

– Да. Ни свет, ни заря.

– И что ты им ответил?

– Чужих в деревне нет. Кроме вас, соколики.

– Так и сказал? – спросил я недоверчиво.

– А что мне с ними, детей крестить? К тому же ты не чужой, а наш. Это им тут делать нечего, они пришлые... христопродавцы!

– Ты... знаешь?...

– Догадался, – буркнул Зосима. – Всех черных петухов в округе извели, режут да перья и кости на кострах жгут. Правда, хорошие деньги за кочетов платят. Вот бабы-дуры и несут...

– Ты что, знаком с оккультизмом? Откуда знаешь, что они перья и кости сжигают?

– И кровь пьют, – неумолимо продолжал Зосима, побледневший от волнения. – У меня есть нос и уши. Я все чую и слышу. А что не увижу, то домыслю. Или... – Он вдруг умолк.

– Что – или? – не отставал я.

– Мне ОНИ все расскажут, – шепотом ответил Зосима, кивком головы указав в сторону ДЕРЕВА. – Конечно, если захотят.

– Понял. – Я ухмыльнулся. – Там и впрямь находится большой дубовый Буратино. Только нам от этого не легче. Эти черные вороны – очень неприятные типы. И похоже, весьма опасные.

– Им тут долго не быть, – уверенно заявил Зосима.

– Ты что, гадал на картах?

– ОНИ ожили, – снова указал Зосима в сторону дуба-патриарха. – Это добрый знак. В беде нас не оставят.

– А я так думаю, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. С этой гнусной сектой надо кончать. Загадили своим присутствием всю нашу округу. Вонючки.

– Ты думаешь, что с ними легко покончить? – В голосе Зосимы прозвучал скепсис.

– Отнюдь. Но да обрящет ищущий. На худой конец, попрошу помощи у наших общих корешей. На такие дела они мастаки.

– Это ты о ком?

– Чижик-пыжык, где ты был... – спел я начало стариной детской песенки.

– А-а... – понял Зосима. – Рыбаки с электроудочкой. Те, что построили беседку и причал...

– Ну да. Теперь такие считаются хозяевами жизни. Думаю, Лагин-Чиж не откажет другу разлюбезному, то бишь мне, в маленькой просьбе. И его банде развлечение, и нашей деревне корысть. Мне он задолжал много, даже очень много, – свою никчемную жизнь. Так что пусть отдает должок. Как по мне, так надо вообще сжечь на хрен избу Киндея, чтобы она больше людей не смущала.

– Дык, это, пустые слова говоришь, – с осуждением сказал Зосима. – Сжечь не получится.

– Как тебя понимать?

– Изба заколдованная. Право слово.

– Я так и знал! «В заколдованных, дремучих, страшных Муромских лесах всяка нечисть бродит тучей, на проезжих сеет страх...» Нет, мы точно возвращаемся к невежественному средневековью. Зосима, смотри на жизнь проще. Зри в корень. Все, нету больше никаких Соловьев-разбойников и колдунов-вещунов. Остались лишь чиновники. Правда, они пострашнее гоголевского Вия – как позыряют своими ненасытными глазищами, так рука сама в карман лезет, чтобы дать им мзду.

– Это ты так считаешь, что нет, – не соглашался со мной Зосима. – Потому как городской. Там машины, тротуарная плитка, паркет. Все живое закатано под асфальт. А здесь – вольная природа. Она существует по своим законам, нам непонятным. И долго терпеть надругательство над собой не позволит.

– Тебя нужно записаться в «Гринпис». В этой конторе ты со своим видением окружающего мира произведешь фурор и станешь главным закоперщиком.

– Куда записаться? – не понял Зосима.

– Есть такая международная организация, которая защищает природу. Правда, толку от нее... Глас вопиющего в пустыне. Но энтузиастов там любят. Может, даже зарплату тебе будут платить. Ты когда-нибудь получал зарплату? Я не говорю о пенсионных деньгах.

– Нет, не получал, – сердито ответил Зосима. – Нам в колхозе писали трудодни. А на них выдавали зерно, сахар, подсолнечное масло... если, все это, конечно, было в колхозном амбаре.

– А если не было?

– Тогда мы шли, и сами брали... с полей.

– Воровали, значит, – констатировал я с иезуитской усмешкой.

– Дык, это, почему, воровали!? Забирали свое. Иначе с голодухи давно бы всем нам прикрутился кырдык. Власть, она любит брать. Чтобы с нее что-то потребовать, никакой жизни не хватит.

– Тут ты в точку попал, – согласился я, вспомнив, как меня «ушли» на пенсию, и как долго и безрезультатно пришлось мне мыкаться по разным кабинетам, набитыми под завязку хорошо упитанными холеными чиновниками в мундирах, никогда не нюхавшими пороха, чтобы выбить себе свои законные гроши.

Ночевали мы в охотничьей избушке, километрах в пяти от ДЕРЕВА. Таких крохотных примитивных домиков по лесу разбросано немало. Нужно только знать их координаты, что для человека случайного, пришедшего, было задачей неподъемной.

Попробуй, отыщи это пристанище (большой частью браконьеров), которое так хорошо замаскировано в чаще, что и с вертолета не заметишь.

Избушки сооружались в разные времена и большей частью были заброшены. Но функционировали, при минимальном ремонте, исправно.

Та, в которой остановились на ночлег мы с Зосимой, была одна из наиболее комфортных. В ней находился даже очаг, сложенный с дикого камня, похожий на камин.

Поэтому мы не стали возиться с костром на улице (затягивало на дождь), а разожгли огонь в очаге и поставили на огонь котелок с похлебкой, в которой варились два упитанных рябчика.

Все выходило на то, что нужно было возвращаться домой. Нам привалила большая удача. Мы подстрелили четверых глухарей-самцов и семерых рябчиков, а с таким общим весом добычи (под тридцать килограмм) сильно по лесу не походишь. (Тем более, что все это пришлось бы тащить мне одному).

Да и мяса нам теперь должно было хватить недели на две (плюс рыба, которая всегда под боком), даже если каждый день угощать дичью наших деревенских друзей-приятелей.

– Как думаешь, что тут Кондратка забыл? – спросил я у Зосимы, когда мы пропустили по паре глотков из моей заветной фляжки, дожидаясь, пока наше варево не дойдет до полной готовности. – Странная личность...

– Кхе, кхе... – прокашлялся Зосима, выпустив густой клуб дыма; на привалах он не выпускал из зубов свою люльку, наслаждался моим ароматным подарком. – Дык, это, я так думаю, Кондратка чтой-то ищет.

– Вчерашний день? – Я скептически ухмыльнулся. – Или сокровища Нибелунгов, которые отыскал, да так и не реализовал Киндей?

– Это ты о чем? Какие Ниб... бил?...

– Вот именно – Билл. Билл Клинтон, был такой американский президент, больно охочий до молодых баб. – Я ухмыльнулся. – За что его едва не кастрировали собственные сенаторы. А про Нибелунгов это я к слову. Не было тут никаких Нибелунгов. И, скорее всего, находка Киндея – всего лишь случайность. Поэтому, спрашивается в задаче: какого хрена у нас тут ошивается ученый (как будто ученый) очкарик? Что там у него за «дело» (как он выразился) нарисовалось?

– Поди знай...

– Да, Зосима, распустил ты свой народ... Горе вам, берендеи!

Спиртное явно добавило в мои речи патетики. Мне было хорошо и уютно даже в таком, мягко говоря, не очень приспособленном для розовых мечтаний месте, как неухоженная охотничья избушка.

– Дык, это... какой народ?

– Кто старшой на деревне? Ты. Считай, голова. Или староста. А у тебя тут разные подозрительные личности живут. И конечно же, без прописки.

– Какая прописка!? Иво, ты чего? С луны упал?

– Ты в район докладывал, что в деревеньке обосновалась секта... скорее всего, сатанистов какого-то толка? (Их много, не поймешь, во что они веруют, и какой нечистой силе поклоняются). Конечно же, нет. А это серьезное упущение по службе. Которое влечет за собой выговор с занесением в личное дело. Или десять суток гарнизонной гауптвахты.

– Я что, крайний, чтобы докладывать!? – обиделся Зосима. – Я не сексот.

– Вот те раз... Ты живешь старыми понятиями. Это раньше были сексоты, благодаря доносам которых людей отправляли в лагеря ни за что и пачками. А теперь такие люди самые сознательные граждане новой демократической страны. Надо брать пример с Америки. Там каждый добропорядочный янки обязан стучать на соседа.

– Дык, это, Америка нам не указ. У нас доносить зазорно.

– Но доносят же?

– Доносят. А я не буду. Еще чего...

– Понял. Не хочешь с ментами связываться. У тебя к ним давняя «любовь»...

– Не хочу и все!

– Ладно, ладно, не дуйся. Я пошутил. Меня во всей этой истории волнует лишь один момент: что ищут эти черноризцы и очкастый Кондратка? Уж не одно и то же? Кстати, Кондратка с этими... хриstopродавцами, как ты их называешь, общается?

– Было дело... – Зосима смачно сплюнул на пол. – Ходил к ним в гости. Но они его быстро отшили.

– Откуда знаешь?

– Сорока на хвосте весточку принесла.

– И это ясно. Чай, баба Федора нашептала тебе эту новость на ухо.

– Угу, – не стал запираяться и отнекиваться Зосима.

– И как он после этого посещения?

– Как все, – весьма уклончиво ответил Зосима.

– То есть, теперь обходит избу Киндея десятой дорогой...

– Ну... где-то так.

– М-да... Этот черный ворон с клюкой, я вижу, запугал всех. Плохой человек, редиска. И я, как человек православной веры, не могу мириться с таким безобразием. Нужно что-то предпринимать. Это теперь мой девиз.

– Слушай, они тебя трогают!? – рассердился Зосима. – Пусть их. Живут себе и живут. Людям помогают...

– Ну да, ну да... Муку раздают и сахар. По два кэгэ на душу, раз в год. Благодетели... А кое-кому, – я зло прищурился, – перепадает и казенка. Чтобы глаза замылить. Что молчишь, нечем крыть?

– Дык, это... ну, в общем... – Зосима окончательно запутался в своих суматошных мыслях и умолк.

Я решил пожалеть его и на время оставил тему черноризцев. В данный момент меня больше занимала личность Кондратки. О нем я и спросил:

– Как мне стало понятно из рассказа бабы Федоры, очкарик ходит по деревне и пытается брать интервью у наших аборигенов. О чем он спрашивает?

– А, пустяки... – отмахнулся Зосима.

– И все же?

– Монах его интересуется.

– Какой монах? – спросил я удивленно.

– Ну тот, что квартировал у Киндея. Еще при царе. Помнишь, я тебе рассказывал?

– Конечно, помню.

Монах! Получается, что Кондратка тоже ищет древние сокровища?

Но он не ходит по лесам (так, по крайней мере, мне доложила баба Федора), и, глядя на его интеллигентные руки (правда, с некультурно обгрызенными ногтями), я мог бы побиться об заклад на большую сумму, что тяжелее рюмки с водкой они давно ничего не держали.

– И что конкретно его интересуется? – спросил я, неизвестно отчего начиная волноваться.

– Говорю же тебе, сущие пустяки. Он хочет узнать, где точно жил монах.

– Что значит – где? Ты же сам мне говорил, что у Киндея.

– Правильно говорил. Только снимал он угол не в самой избе, а в овине, что на заднем дворе когда-то стоял. Добротный овин, старой постройки. Грят, он был там еще до прихода Киндея.

– То есть, ты хочешь сказать, что Киндей построил избу не на пустыре?

– Ну.

– И что на этом месте находилось?

– Говорю же тебе – овин. Добротный, большой, на фундаменте, сложенном из дикого камня. Такие у нас не строили. Чужой овин. И очень старый.

– А ты откуда знаешь? Видел его, что ли?

– Знамо, видел, – с достоинством подтвердил Зосима. – Я, конечно, тогда еще мальцом был, но овин хорошо запомнил. Его в тридцать первом году разобрали, когда колхоз начинался.

– Зачем разобрали?

– Чтобы клуб в деревне построить.

– Построили?

– Хе-хе... Как-то не получилось.

– Кто бы в этом сомневался... А куда девался стройматериал?

– Дык, это, свои же и растащили по домам. Первые коммунары. Кому на фундамент, кому на венец... Дерево-то хорошее было, привозное. У нас такого и близко нету. Говорили, что заморское. Пахло, как в церкви.

– Наверное, ты тоже подсуетился...

– Так ведь все стало общим. Но я взял только два бревна. И сразу спрятал. Молод был, боялся... Попилил потом, после войны, на доски и сделал полати. Больно запах мне понравился. Будто в летнем лесу. Лежишь зимой на полатах, на улице мороз, а в избе цветами пахнет. Просто чудеса.

– И где теперь твои чудо-полати?

– Жонка... кажись, вторая, в печи сожгла, пока я был на охоте.

– Чтобы ты бока себе не отлеживал... – Я рассмеялся. – Заботливая.

– Эт точно.

– Я так думаю, сей недостойный поступок супруги был последней каплей, которая переполнила чашу твоего терпения.

– Ну, она, конечно, была не права. Я так это ей и сказал. Напрямую. А она взяла и ушла. Навсегда. Чего, спрашивается? Ох уж эти бабы...

– Не говори, кума, сама пятый раз замуж выхожу... Про то, что ушла, – ладно. А вот полатей действительно жалко. Я предполагаю, что овин был сложен из стволов сандалового дерева. Оно и сейчас дорогое до неприличия, а в старые времена ценилось едва не на вес золота. Это и вовсе чудеса. Как оно сюда попало, кто его привез? И вообще – зачем кому-то надо было ехать в лес со своими дровами? И ныне стройматериала кругом сколько хошь. А тогда леса и вовсе были дремучими, нетронутыми. У кого-нибудь остался хоть кусочек дерева из овина?

– Одни камни, – огорченно покривился Зосима. – Те, что с фундамента. Но они самые обычные. Таких по лесу хватает. Везде разбросаны.

– Понятное дело – ледник притащил. Но ты говорил, что ваши местные ловкачи использовали бревна из разобранного овина для постройки своих изб. Так?

– Так.

– И в чем тогда вопрос? Отщипнем кусочек, понюхаем, на зуб попробуем. Зачем? А ради интереса. Все-таки дело необычное. Думаю, что овин был святилищем какого-то древнего языческого бога.

– Не отщипнешь, – хмуро ответил Зосима. – Никак нельзя.

– Это почему? – спросил я с удивлением.

– А потому, что все избы, построенные из духмяных бревен, сгорели.

– Ни фиги себе... В одночасье или как?

– Постепенно. А больше всего в войну. Немец, гад, словно укладывал бомбы по запаху. Все погибли.

– Древнее проклятие. – Я скупой улыбнулся. – Все как в кино. Сказочки для впечатлительных взрослых. А другие избы что, не горели?

– Считай, что вся деревня была разрушена. Осталось не более двух десятков не порушенных подворий. Почти как сейчас. Везде пепелища... Чижело было. В деревне одни бабы, мужики на фронтах сгинули, строить некому...

– Вот и я об этом. Во всем виновата война и фашисты. Чужеземное дерево тут ни при чем. Но если ты считаешь, что именно оно виновно в том, что избы сгорели, то тебе нужно было благодарить свою вторую жену.

– С какой стати?

– Не сожги она ценные полаты с запахами лета, твоя изба тоже превратилась бы в дым.

– Я как-то об этом не подумал...

– А теперь, наверное, поздно.

– Ну да... Царствие ей небесное...

– Что же это за монах такой был? – задумчиво спросил я сам себя. – Я так думаю, что личность, за которой сам государь-император прислал своих гвардейцев, должна обязательно где-то засветиться на скрижалях истории. Ты не знаешь, как его звали?

– Не-а, – отрицательно покрутил головой Зосима. – А вот Кондратка знает.

– Что ты говоришь?

– Точно. У него есть целый талмуд. Там все написано – и про нашу деревню, и про Киндея, и про этого монаха. История... – Последнее слово Зосима сказал с большим почтением – наверное, к его глубинному смыслу и с оглядкой на прожитые годы.

– Интересно... Неплохо бы дернуть эту книжицу у Кондратки.

– Так он тебе и даст... – скептически ухмыльнулся Зосима. – Кондратка держится за нее, как черт за грешную душу, из рук не выпускает. Книжка старинная, я сам видел. С рисунками.

– Что-то я не заметил никакого древнего фолианта, когда он трескал нашу уху и пил нашу водку. Книжка у него что, невидимка?

– В кармане держит. Она небольшая.

– Тогда понятно. Значит, надо или по-доброму с ним потолковать на эту тему или книжечку слямзить на время, чтобы познакомиться с ее содержанием. Правда, для этого, как я теперь уже знаю, придется выставить Кондратке ведро водки, чтобы этот чемпион по метанию ушицы ухайдокался до отрубя, но игра может стоит свеч.

– Зачем тебе монах?

– Думаю, что все дело в нем. Ведь недаром черноризец облюбовал избу Киндея. Нет, нет, все дело в таинственном монахе. Похоже, это был еще тот тип.

– Дык, это, изба Киндея просторная и стоит на отшибе. Для его делишек в самый раз.

– И то верно. Если бы не одно «но». Для команды черноризца изба маловата. А в нашем захолустье есть помещения, гораздо более приспособленные для проживания целого армейского взвода. Притом еще дальше от нескромных человеческих глаз. Что вполне соответствует запросам этой загадочной личности.

– Это ты говоришь о колхозном дворе? – догадался Зосима.

– Точно. Там места хватит для любых развлечений.

От колхозного двора осталась лишь одна конюшня. Ее крыша, конечно, прохудилась, но там имелись вполне пригодные для жилья подсобные помещения с печкой и даже полатями, на которых когда-то отдыхали скотники и сторожа.

Колхозный двор находился на самой, что ни есть, окраине, и стоял несколько в стороне даже от единственной дороги (совершенно отвратительной, кстати, функционирующей только в большую сушь и зимой, когда окрестные болота замерзают).

Два года назад подсобные помещения конюшни были отремонтированы – так сказать, по случаю – и с той поры там все оставалось в достаточно нормальном виде. На колхозном дворе тогда был разбит штаб оперативной группы ГРУ, которое занималось одним дельцем государственной важности; в него я нечаянно влез по самые уши и едва выкарабкался живым и здоровым.

Но про то ладно – дела давно минувших дней...

Благополучно переночевав, мы отправились в обратный путь. Так как теперь нам охота была по барабану, мы вышли из богатых дичью мест на более приемлемое для передвижения пространство – с редколесьем и сухой почвой – и взяли курс на деревеньку, до которой было километров десять.

Правда, в лесу они обычно растягиваются на все двадцать.

Глава 12

Мы топали по невысокой каменистой гряде (редкое явления в этих местах), за которой как раз и начиналась низменность, названная Пимкиным болотом. Деревья здесь росли не густо,

травы почти не было, из фауны лишь чирикала какая-то пернатая мелюзга, да змеи иногда выползали погреться на солнышке.

Их было не так и много, но все ползучие гады почему-то всегда вызывали в моей душе сильное неприятие, а иногда и панический ужас (хотя я и старался преодолеть в себе этот комплекс). Даже после того, как преподаватели нашей спецучебки научили меня брать самых ядовитых пресмыкающихся голыми руками и готовить из них жаркое.

Это был самый паршивый момент во всей моей службе. Я запомнил его на всю оставшуюся жизнь. Поэтому при виде змей я испытываю, по меньшей мере, стойкое отвращение.

Даже когда я загибался в пустыне с голодухи и пил кровь осла, то и тогда мне почему-то совсем не хотелось попробовать шашлык из ползучих тварей, которые встречались по пути.

Мистика...

– Идут, – вдруг подал голос Зосима.

– Кто? – очнулся я от своих мыслей.

– Дык, эти...

Эти! Вся понятно.

– Где? – спросил я дрогнувшим голосом, невольно волнуясь.

– Вон там. Гляди левее, – указал Зосима.

Да, у Зосимы до сих пор глаз – алмаз. К старости он стал зорче орла, как это ни странно, и видит даже дальше, чем я.

Я посмотрел вдоль линии, которую мысленно провел параллельно указующему персту Зосимы, и увидел черные точки, рассыпанные по болоту. Они напоминали муравьев.

Эти муравьишки еле ползли. Казалось, что они передвигаются не по земле, пусть и топкой, а по столу, намазанному каким-то липким веществом.

– Что они там делают? – недоуменно спросил Зосима.

– Ты о чем?

– Дык, ежели они ищут клад, то он в должен находиться в развалинах замка. А развалины-то где – за Чапрушкой.

Чапрушка – это небольшая речка (почти ручей), нигде не обозначенная даже на самых точных картах. Когда-то она вытекала из озера, над которым стоял замок. Но после катаклизма ее русло растворилось в болотах, и теперь она являла собой (если посмотреть с высоты) пунктир – речка то ныряла куда-то под землю, то появлялась на поверхности.

Зосима говорил, что вода в ней, на удивление, чистая, хотя и спокойная, и рыбы пропасть. И то верно – рыбу в Чапрушке не ловили лет двести. Чего же ей не плодиться и не размножаться.

– Ну-ка дай мне бинокль, – попросил я Зосиму.

Держать бинокль на груди, «как у Чапая», было для Зосимы чем-то вроде ношения папахи для полковника. С биноклем он чувствовал себя настоящим предводителем, командиром. У него даже интонации менялись, а сухощавая стройная фигура становилась еще более

подтянутой.

Зная эту его невинную слабость, я никогда во время наших охотничьих вылазок не претендовал на бинокль. К тому же и впрямь во время охоты Зосима главенствовал во всем, в том числе и в выборе маршрута.

– Давай-ка приляжем, – сказал я, когда Зосима передал мне свой «командирский» аппарат. – Вот здесь как раз травка помягче, да и отдохнуть немного нам не помешает.

– Мы совсем недавно отдыхали, – запротестовал Зосима. – Чегой это ты вдруг скис? Силенки в городе подрастерял?

– Каролина все мои жизненные соки выпила, – буркнул я, устраиваясь поудобней. – Ложись. Это приказ. Солнце видишь где?

– Ну.

– Баранки гну. Они могут заметить блики от линз нашего бинокля. А мне не хочется раньше времени дать понять этой черной роте, что за ними наблюдаю именно я. У этого воронья тоже, чай, бинокль имеется. А может, и снайперская винтовка. Кстати, с такого расстояния (здесь не больше километра) нас могут перещелкать словно куропаток. Мы ведь на этом пригорке, как на ладони. И за деревья не спрячешься, они тут толщиной с мое бедро.

– Что ты такое говоришь!? – всполошено спросил Зосима, падая рядом со мной. – Какая винтовка? Зачем им в нас стрелять?

– Винтовка с оптикой. – Я хмуро улыбнулся. – Не прикидывайся Незнайкой в стране матрешек. Есть такой персонаж детских сказок. Как я уже понял, наши края просто притягивают авантюристов разных мастей. Начиная с князюшки, которого проглотила геена огненная. Поэтому я совершенно не удивлюсь, если по нам откроют огонь на поражение.

Зосима на какое-то время затих, переваривая сказанное мной, а я прижал к глазам окуляр бинокля.

Похоже, сегодня, в отличие от прежних дней (если верить рассказам бабки Федоры), черная рота вывалила на полигон почти в полном составе. Черноризцы, растянувшись в цепь, шли, словно загонщики на облавной охоте.

Они что, лягушек на болоте собирают? – подумал я с недоумением. Есть такой бизнес, недавно возник на просторах нашей необъятной родины, что называется, на пустом месте.

Французы уже почти всю свою квакающую живность извели, а у нас ее пруд пруди. Вот некоторые штатские и зарабатывают полноценные евро, продавая во Францию лягушечьи лапки (или бедрышки, тут я не в курсе). Так мне рассказывали.

А что, классная идея. Взял сачок – и дранг нах болото. И для здоровья ежедневные променады очень даже полезны, и опять таки французов надо выручать. Во-первых, мы давно с ними дружим, а во-вторых, они без лягушек, как россияне без ржаного хлеба. Жить, конечно, могут без жабоедства, но не всласть.

Может, стоит попробовать? Мне все равно нечего делать, а так будет хоть какое-то более-менее постоянное занятие (кроме охоты и рыбалки). Тем более, что за него могут еще и хорошо заплатить, что для меня сейчас совсем не лишне.

Пенсионер всегда стремится заработать лишний рубль...

Господи, что я несу! В башке какой-то мусор. Нет, город точно вышел мне боком. Ни единой

светлой и здоровой мысли...

Стоп, стоп! От волнения мой организм тут же нагрелся градуса на два, и окуляр бинокля мгновенно запотел.

Я достал носовой платок, протер линзы, и уже совершенно спокойно и сосредоточенно начал вглядываться в даль.

Черные явно что-то искали. Это и козе понятно. Я даже догадывался, что именно. Наверное, у них появилась какая-то карта, где место захоронения древнего клада обозначено крестиком.

Таких карт во все времена хватало. Так же, как и кладоискателей. Тяга человечества к халяве неизбывна и постоянна, практически вечна, как смена дня и ночи.

Если когда-то и было здесь что-то спрятано, то сейчас оно покоится под двух или трехметровым слоем грязи. Найти что-либо эдакое в Пимкином болоте, это все равно, что откопать какой-нибудь древнегреческий город на дне Черного моря.

В свое время я читал, что некоторые греческие колонии в Крыму, сиречь Таврике, поглотила пучина, и бедные греки разбрелись по всему Таманскому полуострову и даже добрались до Шепетовки, где и поныне живут, припеваючи.

Им даже маслины теперь до лампочки; они возлюбили украинское сало, а вместо разбавленного по древнему обычаю сухого вина пьют крепкий и жгучий, как огонь, самогон, после которого не страшны никакие катаклизмы. Чему можно только позавидовать.

Но черные – пехота – меня особо не занимали. Мое внимание привлекала фигура, которая резко отличалась от остальных. Их командир.

Нет, это не был пахан-черноризец. Начальник воронья не такой дурак, чтобы бродить по колени в грязи, а иногда и проваливаться в трясины по горло. Он сейчас, наверное, чай гоняет и строит всякие злокозненные планы.

Это был человек чуть выше среднего роста, одетый в обычную ветровку и резиновые сапоги-«болотки», которые защищали от воды весь низ до пояса. Лицо человека ничем было не примечательно, ну разве что его черты казались чересчур резкими, будто их кто-то вырезал ножом из крепкого пня и не зашкурил острые углы.

Но это лицо мне было знакомо. Ух ты! Никогда бы не подумал, что встречу это хмыря здесь, на болоте. Нет, брат, лягушками для французов тут явно не пахнет...

Вместе с черноризцами по болоту шагал холодноглазый янки, с которым я столкнулся у Венедикта и который ехал вместе со мной на электричке. Он держался несколько позади всех. Его лицо было хмурым и озабоченным.

Еще бы – шастать по территории бывшего главного противника в «холодной» войне, так сказать, в глубоком тылу, и явно без соответствующего разрешения, это не матрешки на Тверской покупать.

Что он здесь ищет? Как вышел на сектантов? И почему командует этим черным сбродом? Вопросы, которые должен задавать янки следователь госбезопасности, роились в моей голове, словно зеленые мухи над навозной кучей.

– Что случилось? – встревожился Зосима.

Наверное, у меня сильно изменилось выражение лица, и не в лучшую, приятную, сторону.

– Кореша одного узнал... – процедил я сквозь зубы.

Я решил перед Зосимой не темнить. Он кадр надежный, испытанный.

– Что, очень нехороший человек?

– Не то слово. Не наш человек.

– Это как?

– Американец.

– Дык, они сейчас с нами, вроде, вась-вась. Сам слышал по радио.

– Тебе когда-нибудь приходилось кабанчика колоть?

– Спрашиваешь... А то как же. Много раз. Когда-то у меня даже была свиноматка. Восьмерых привела. И почти все кабанчики. Сразу раскупили.

– Ты что, в лес, на охоту, ее брал?

– Почему на охоту? В сарае жила.

– А кормил ее кто? Ты ведь из лесу неделями не выползал.

– Ну, это было, когда мы с Фроськой жили. Она с ней занималась.

– Фроська, это вторая жена?

– Нет, третья, последняя. Хорошая была баба, но трепливая. Как начнет языком чесать, хоть уши затыкай. Никакого сладу.

– Надо было затыкать.

– А я так и делал. Ватой и воском.

– Потому, наверное, так долго с ней и прожил. Если я не забыл, кажись, восемь лет?

– Угу. Нет, не потому. Она обещалась от меня забеременеть. Вот я и терпел, сколько мог. Старался ей угодить. Да что-то у нас не получилось. А уехала в город, и там с каким-то мужиком двоих привела. Наверное, в городе климат другой, для баб полезительный. Так что ты там насчет кабанчика говорил?

– Прежде чем его зарезать, хозяин, чтобы успокоить бедную тварь, чешет ей за ухом, дает пожевать что-нибудь вкусненькое и всякие нежные словечки на ухо нашептывает. Тогда кабанчик идет на заклание бестрепетно и не будоражит дурным визгом всю округу.

– Эт да, точно. Свины за сутки чувят, что на них ножи точат. А причем тут американцы?

– Они, в общем-то, ни при чем. Хорошие люди. Обычные. Живут такими же заботами, как и мы. Но среди них есть некоторые штатские (да и при погонах тоже) хуже змей подкожных. Спят и видят, как въезжают в Москву на белом коне. Одной рукой нам уши чешут, а другой принаравливаются нож всадить под сердце в самый неподходящий для нас момент. Большой политик, как говаривал царь Петруха Первый.

– Все на нас лезут, лезут... Не хочу больше войны. Насмотрелся.

– А кто хочет? Иракские дети, на которых сейчас дядюшка Сэм бомбы сыплет вместо

гостинцев к байраму?

– Да-а, дела... Помереть спокойно не дадут.

– Подожди до две тысячи четырнадцатого года. Уйдем в преисподнюю вместе с американцами, чтобы веселей было. У них много золота и долларов, а у нас будет водочка, сальцо со ржаным хлебом и грибочки маринованные. Вот тогда мы и оттянемся на всю катушку. За все сразу. На золото в аду разве что смолы можно будет купить побольше, да дровишек пожарче. Вот тогда богатые янки и попляшут. Хрен мы им хоть кусочек дадим.

– Типун тебе на язык! Не надо нам четырнадцатого года. Людей жалко.

– И то правда. Особенно наших, российских. Им столько всего довелось вынести за свою тысячелетнюю историю, что, пожалуй, нужно их отправлять напрямик в рай, минуя чистилище. В аду они уже пожилы. Да и сейчас многие там живут. Но это, так сказать, отступление. Вернемся к нашим черным тараканам. Вон они шагают, зловредные насекомые. А ведет их козел, да не простой, а заграничный. Что он забыл в этой тине и омутах?

– Да, место там топкое...

– Вот-вот. Не думаю, чтобы в древние времена нашелся дурак, способный спрятать свои сокровища в болоте. Впрочем, возможно и тогда водились глупые Буратины, считающие, что на поле дураков запросто может вырасти большое денежное дерево, если зарыть в землю сундук с золотыми монетами.

– Говаривали старики, что иногда над болотом появлялись огненные шары, а затем падали. Где шар упал, там открывается рудная жила. Золотая. Не надолго – на неделю, две. Но в этот момент золото можно было грести лопатой. Многие обогатились.

– Это сказки или ты сам что-то подобное наблюдал?

– Наблюдал, – не без колебаний ответил Зосима.

Боится, понял я. Боится, что подниму его на смех. Наверное, не знает, что сейчас НЛО появилось как воронья на засеянном поле. Каждый день летают и шквдничают – круги на хлебных полях варганят.

По крайней мере, так рассказывают уфологи. (Правда, этим «энтузиастам» и сбрехать ради сенсации недолго).

– Ну и что? Золотишко искал? – спросил я не без задней мысли.

– Дык, это, зачем оно мне? С богатством одна маята.

– Так-то оно так, но сдается мне, что ты просто поленился грязь месить из-за дедовских фантазий. Я угадал?

– Дело ночью было... – Зосима смутился. – Я как раз вышел покурить. Тут оно и жажнуло.

– Понятно. Тебе нужно было одеться, найти слегу подлиннее, а потом еще топать хрен знает куда, да еще по темноте... А тут постель уже разобрана, ужин стынет, да и рюмочка уже налита. Я прав?

– Ну, где-то так...

– Эх, ты... Нету в твоей душе романтики. Испарилась. Перебродила. Такой случай упустил... И куда этот шарик упал?

– В Пимкино болото, куда же еще. Проклятое место...

– А вон те фраера не боятся никаких проклятий, – указал я кивком головы на черноризцев, упрямо продвигавшихся к только им известной цели. – Кстати, когда это случилось?

– Дык, намедни.

– То есть?...

– В прошлом году. Как раз перед приездом того черного... с клюкой.

– Это было знамение. – Я ухмыльнулся. – Когда появляется комета, жди больших неприятностей. Похоже, наш сатанист – весьма увлекающаяся личность. Искать золото на болоте, пользуясь непроверенными данными, а всего лишь легендой, – это, знаете ли, что-то весьма необычное. Он не расспрашивал точное место падения огненного шара?

– Нет. Не знаю. Может быть. Но ко мне никто не подходил.

– Короче говоря, мне совсем не кажется, что у черноризца в голове мякина. Он произвел на меня впечатление человека очень даже неглупого. К тому же, создать секту и руководить ею недалекий, примитивный человек не сможет. Нужны какие-то особые качества. Например, хитрость, расчетливость. Такой человек в побасенку о золоте, появляющемся на болоте после паления болида, не поверит.

– Дык, это, про золото все правда, – не сдавался Зосима.

– То-то я смотрю, все ваши деревенские в шелках китайских ходят и на «мерсах» катаются. Чего проще: взял лопату, сходил на Пимкино болото, накопал золотишка – и гужуй до конца жизни с душой нараспашку.

– Не смейся. Было дело, говорю тебе. Нашу станцию кто построил?

– Откуда мне знать? Я ведь не абориген.

– Купец Телешев. А откуда он родом? Из наших мест. Деревенский. Подпаском был. Сирота. Чужие люди приютили, когда его родители померли от испанки. Вот он и нашел на болоте золото. Увидел, куда упал шар, – как раз скотину пас неподалеку – и сразу на то место...

– Что-то мало верится. Пацан нашел кучу золота, и у него хватило ума тут же с выгодой пустить его в оборот. Бред!

– Нет, нет, все было не так! Золото он перепрятал. А когда подрос – забрал. Тогда и пошел по купеческой линии. Толковый был паренек.

– Блин! Зосима, мы уже не на охоте. Мы возвращаемся домой. Кончай охотничьи байки травить, ладно?

– Дык, это, почему байки!? – обиделся Зосима. – Мой дед никогда не врал.

– Похоже, ты пошел в деда, – заметил я невинно. – Этот купец что, всем рассказывал о происхождении своего богатства? А если да, то только по пьяной лавочке – чтобы пыль пустить в глаза. И чтобы никто не узнал, каким образом он накопил свои миллионы. Это как наши олигархи, которые с пеной у рта доказывают, что они невинные, розовые и пушистые, а капитал им достался благодаря их нечеловеческому уму и фантастической работоспособности. Как видишь, за столетия мало что изменилось.

– Никому он не рассказывал, – буркнул недовольный Зосима. – На исповеди только...

- Это меняет всю ситуацию. На исповеди кривить душой нельзя. Между прочим, открывать тайну исповеди посторонним тоже большой грех.
- Что возьмешь с попа-расстриги? – неприязненно покривился Зосима. – Был у нас такой...
- Наверное, батюшка после признания купца загорелся идеей поймать за хвост и свою синюю птицу на болоте, а потому сбросил рясу.
- Не знаю. Только он плохо кончил.
- Запил горькую?
- Нет. Красные расстреляли.
- Ну, это проза. Большевики ставили к стенке всех тех, кто им просто не нравился. Издержки революционного процесса. А ваш поп все-таки был, образно выражаясь, продавцом опиума для народа. То есть, враждебным элементом.

Мой добрый друг сумрачно покривился. Зосиму злило мое неверие в правдивую, с его точки зрения, историю.

Может, с купцом Телешевым все так и было. Станцию он и впрямь построил. Притом вложил в это строительство бешенные по тем временам деньги, если судить по зданиям, которые сохранились до сих пор. Их даже немецкие бомбы не взяли.

Но про то ладно. Или было, или нет, не суть важно. Главное другое: что ищет на болотах американец? Золото? Как бы не так! У его «конторы» бабок несчитано. На годовой бюджет ЦРУ можно лет пять кормить всю Россию.

Что янки забыл в Пимкином болоте? Это был вопрос вопросов.

Глава 13

Охотничья добыча осталась у Зосимы. Он очень хорошо управлялся с ощипыванием перьев и разделкой тушек. Я тоже мог это делать, но, как всякий молодой человек (а я еще совсем не старый; если судить не по годам, а по душевным качествам, то мне едва перевалило за двадцать пять), избегал грязной и нудной работы.

К тому же у Зосимы был ледник – глубокая и большая яма, набитая слоями озерного льда, переложенными соломой, – чтобы подольше не таяли. Он там хранил свежее мясо и рыбу. Мой холодильник мог вместить разве что одного глухаря, тогда как в ледник запросто можно было запихнуть двух лосей.

Перед тем, как идти домой, мы с Зосимой приняли с устатку на грудь два раза по сто и закусили, чем Бог послал, то есть, редькой с солью, макая ее в подсолнечное масло. Поэтому, единственным желанием, которое смущало мою голову, когда я вошел в свое бунгало, было желание немедленно забраться в постель и сразу же уснуть.

На дворе только-только начало вечереть, и в избе было достаточно светло. Но что такое время, когда находишься вдали от городской суеты? И как хорошо, что у меня нет телевизора. Не надо до полуночи тупо глядеть на экран и пересчитывать кнопки пульта, выискивая среди телевизионного мусора хоть что-то более-менее приемлемое.

(Вернее, телевизор был – вместе с «тарелкой», но однажды в нем что-то затрещало, запахло гарью, и с той поры «ящик» служил мне тумбочкой, на которой – и возле которой – я размещал свои поделки из корневищ, найденных в лесу; эдакое миленькое безобидное хобби, чтобы убить время и чем-то развлечься).

Теперь я начал понимать, почему раньше бабы так много рожали. А что было делать? Никаких тебе развлечений. За одним, весьма приятным, исключением...

Потянувшись и зевнув, я откинул одеяло, и...

Мать моя женщина! Я в жизни никогда не совершал таких прыжков. Я скакнул как кенгуру и мигом вылетел на улицу, сам не зная, каким образом мне удалось так сноровисто – практически мгновенно – отомкнуть входную дверь.

Стоя в одних плавках почти у забора, я пялился на темный дверной проем с таким видом, будто оттуда вот-вот появится местное чудо-юдо в окружении водяных и русалок. Таким испуганным я еще никогда не был.

В моей постели лежала змея! Большая, толстая и совсем не миролюбивая. Какое-то мгновение, и она сыграла бы со мной в пятнашки. Но мой инстинкт самосохранения сработал выше всяких похвал.

Как эта тварь туда заползла, непонятно. Но факт есть факт. Привидеться такой ужас просто не мог. Дрожа всем телом, как заяц, я стоял и соображал, что мне делать. Может, позвать на помощь Зосиму?

Как же, Зосиму... Представив на миг, как я чешу по деревне с безумным видом и в одних плавках, я даже нервно хохотнул. Тоже мне, герой... Бова Королевич, Георгий Победоносец. Тогда бабка Дарья точно снимет мою фотку с иконостаса и выбросит ее к свиньям собачьим.

Нет, нужно разбираться самому. Только успокоиться, успокоиться... и взять дрын. А еще надо надеть сапоги.

Голенища у них, конечно, не так высоки, как хотелось бы, но не думаю, что эта тварь способна в прыжке достать до моего причинного места, являющегося ахиллесовой пятой всех мужчин.

Конечно же, гадина слиняла, освободив мое ложе. Понятное дело: змея хоть и безмозглая тварь, а соображает, что с человеком лучше не связываться. Включив свет, я стоял на пороге и думал, с чего начать.

А хорошо подумать было над чем. Змея может заползти, куда хочешь, а в моем бунгало было много разных укромных уголков. Что ж мне, ловить ее до нового пришествия. Вот сука зубастая!

Повздыхав и почесав в затылке, я начал поиски. А что поделаешь? Сюда бы мангуста, вспомнил я о зверьках, отменных охотниках на змей. Увы, в наших палестинах они не водятся.

Искал я недолго. Пошарив палкой под холодильником, я услышал шипение и резко отпрянул назад. Раздалось шуршанье, и на свет ясный... выползли две змеи! Они стремились укрыться где-нибудь в другом месте.

С ума сойти! Они что, размножаются делением? Или мою избу облюбовала целая змеиная семейка? С какой стати? Да и зима еще не скоро...

Пока я думал и гадал, мои руки сноровисто трудились. Тук-тук гадам резко и точно палкой по

башке – и выноси готовеньких. Что я и сделал без малейшего зазрения совести.

Это только в научно-популярном кино большие энтузиасты сохранения дикой природы в первозданном виде едва не целуются со змеями, да все прихваливают, какие они добрые, безобидные и полезные для окружающей среды.

Но когда человек сталкивается со змеями вплотную, то ему все эти лекции до лампочки. Первобытный страх перед ползучими тварями заглушает все здравые соображения.

Сделав свое черное дело, я вдруг задумался. Погодь, братец, Иво, погодь. Змея, которая забралась в постель, была длинная и матерая. А эти две змейки показались мне поменьше и потоньше, хотя тоже из гадючьего племени.

Неужели в избе где-то затаилась и третья ядовитая особь?

Ко мне, как ни странно, начало возвращаться самообладание и холодный трезвый ум, который совсем еще недавно напоминал вскипевшую манную кашу. Надо разобраться в ситуации, подумал я, переступая порог. Хорошо разобраться. Никогда прежде змеи пачками в деревенские дома не заползали.

По крайней мере, Зосима, мой главный сказитель-абориген, мой личный Гомер, этого мне не рассказывал.

Каков вывод? Вывод прост, как выеденное яйцо. МЕНЯ ПЫТАЛИСЬ УБРАТЬ! Притом, весьма экстравагантным способом, который просто не мог вызвать никаких подозрений у правоохранительных органов.

Эка невидаль – человека в лесной болотистой местности укусила змея. Где здесь криминал?

А нету его. Все шито-крыто. Возможно, я и не помер бы – все-таки обычная гадюка это не какой-нибудь заморский аспид, после укуса которого, если ты в течение пяти минут не найдешь сыворотку, можешь петь отходную.

Но в больничке мне пришлось бы повалиться не один день. И даже не одну неделю. Короче говоря, меня хотели выбросить из деревеньки хотя бы на некоторое время, дабы избавиться от подозрительной персоны, которая всюду сует свой длинный нос и которая имеет славу потрошителя бандитов.

Кто в этом заинтересован? Не будем показывать пальцем. Ежу понятно. Конечно же, черноризец уже успел навести обо мне справки. И принял соответствующие меры. Нет, но какая бандитская морда!

Я не боялся, что он выведал всю мою биографию. Это в принципе невозможно. Мое личное дело храниться за семью печатями.

Но вот о моих «подвигах» двухгодичной давности черноризцу, скорее всего, доложили в подробностях. И эти сведения сильно его насторожили (не думаю, что напугали; этот человек слеплен из другого теста).

Разыскивая третью змею, я ругал себя последними словами. Спец хренов! Пенсионер гребаный. Что, трудно было поставить какую-нибудь контрольную пометку (например, прилепить волосок на входную дверь), чтобы сразу определить, посещал ли кто избу в мое отсутствие, или нет?

Однако, парни в черном не промах. Вскрыть без всяких следов мою дверь с ее импортными навороченным замками весьма непросто. Даже спецу по квартирным кражам средней руки.

Это я точно знал, потому как в свое время меня обучали тайному проникновению в жилище врага. Я выучил практически все существующие в то время типы запирающих устройств наизусть, и мог с ним обращаться как заправский «медвежатник».

Правда, это было давно и теперь я вряд ли смог бы применить свои теоретические познания на практике, но что касается анализа ситуации, то здесь мне, как говорится, и карты в руки. Не мог простой шаромыжник так лихо сработать с моими замками. Не мог!

Что же получается? А то, что здесь видна рука большого профессионала. Или среди сектантов есть бывший спец по замкам, отрубивший в зоне не один срок, или...

Или в дело вмешался янки. В ЦРУ тоже неплохо поставлено дело по части различных штук такого рода. Это у них там только на бумаге записано, как много прав у простого американского гражданина.

На самом деле у контрразведчиков США есть не только спецтехника для прослушивания и подглядывания за «объектом», но и различные технические приспособления для взлома жилищ без санкции соответствующих органов, а также свои тайные тюрьмы, где они пытаются заключенных (притом весьма изощренно).

Это все знают. По крайней мере, собратья по профессии из разных стран – точно. И давно. Правда, никто не афиширует такие познания. Так как и у самих рыло в пуху.

Значит, поработал коллега... Притом используя суперотмычку, не оставляющую следов. Скорее всего, так оно и есть. Такие уникальные приспособления, стоящие просто огромных денег, мечта любого вора-домушника.

Забавно. Уходя на пенсию, я думал, что мне больше никогда не придется столкнуться с профессионалами моего профиля на узкой дорожке.

Ан, нет, судьбе было угодно, чтобы они буквально толпились на моем пути. Взять хотя бы тех же самых турок, с которыми я нечаянно схлестнулся два года назад.

Как это – рыбак рыбака чует издалека. Или муха знает, на что садится...

Блин! Не было печали... И что я теперь должен делать? Звонить в местное отделение ФСБ? Мол, так и так, под вашим носом разгуливает американский шпион. Срочно примите меры, мое вам почтение. Фамилия и адрес.

А если я своим звонком сорву какую-нибудь сложную оперативную игру, затеянную главной «конторой»? Местные борзилы рванут за шпионом, словно на буфет, – всем хочется отличиться, чтобы орден на грудь привинтить, и чтобы еще одна звезда на погоны раньше срока скатилась.

И попадут, как лом в дерьмо. Вот будет потеха...

Да, простому гражданину такая бдительность простительно. Что с него взять? Он неискущен в играх, которыми занимаются профессионалы плаща и кинжала.

Но вот товарищ Иво Арсеньев будет неправ. Очень неправ. Потому что история с янки вскоре в верхах забудется (мало ли какие проколы у контрразведчиков случаются; не ошибается лишь тот, кто ничего не делает), а у местных гэбистов память цепкая, хорошая, я в этом просто уверен.

Тем более на всякие провальные моменты. А вышестоящее начальство точно не погладит по голове местного шефа службы безопасности за срыв операции.

И начнут они потом прессовать бедного дурачка Арсеньева, да не просто так, нахрапом, а со всякими иезуитскими вывертами. И придется мне тогда рвать отсюда когти навсегда и подальше, чего очень не хотелось бы.

Где еще я найду такой благословенный уголок и такого друга, как Зосима?

Все эти мысли толпились у меня в голове, как очередь мужиков за пивом в советские времена. Это когда око видит, да зуб неймет.

На улице жара, на душе пожар, пиво ледяное, свежее, с плотной белопенной шапкой, но пока достоинься, дойдешь до заветного краника, вся твоя душа изматается, исстрадается, нальется совсем не присущей тебе яростной злобой на тех, кто пытается взять кружку-другую без очереди...

Змея все же нашлась. Та самая, толстая и злобная, как мифическая фурия. Едва поняв, что обнаружена, она бросилась на меня, словно из лука выстрелила.

Как бы не так. Мы на сей счет народ ученый. Тем более, что я наконец совладал со своими эмоциями и представлял поиск змеи как обычный тренировочный процесс. Не более того.

Треснув ее по башке все тем же безжалостным приемом, я запихнул гадину в целлофановый мешок для мусора и уже хотел с почестями вынести, но тут в моей башке словно что-то щелкнуло: а почему ты, мил дружок, так уверен, что змей было всего три?

Не откладывая дело в долгий ящик, я еще раз прошелся по избе, заглядывая даже под коврики. И наконец добрался до ванно-туалетной комнаты, которую сварганил себе по высшему разряду – как в хорошей городской квартире: везде импортный кафель, подвесной потолок, удобный шведский унитаз, финская ванная, душевая кабинка с разными прибабасами, зеркало, подсветка ну и так далее.

Люблю, знаете ли, комфорт. Даже в глуши. Конечно, на оборудование своего «бунгало» я угрохал кучу денег, зато теперь у меня все работало как часы.

Ну конечно же! Тот, кто позаботился о присутствии гадюки в моей постели, естественно никак не мог пройти мимо ванной. Очень удобный объект. Ядовитая тварь лежала, удобно свернувшись, на теплом мохнатом коврике, почти невидимая на его фоне.

Веселая была бы картина, не поленись я принять душ перед сном...

Когда я возвратился в избу, после того, как закопал свои «трофеи» подальше от двора, внутри у меня все кипело. Попадись мне сейчас тот, кто сделал такую пакость, клянусь, я бы порвал его на мелкие кусочки.

Каждый мой нерв был возбужден до крайности, а сердце колотилось, словно бычий хвост. Усталость куда-то испарилась, и сон улетел так далеко, что теперь его можно было догнать разве что к утру.

Тем более, что я не был уверен в стопроцентной очистке избы от змеиной семейки. Какой уж там сон... Теперь хоть просить к бабке Дарье в квартиранты.

Пойду к Зосиме, решил я, немного успокоившись. Сунув в карман бутылку водки (без хорошей дозы допинга мне точно кранты; вон, даже руки начали дрожать...), я запер дверь на ключ, приклеил контрольную ниточку (обжегшись горячим молоком, на холодную воду будешь дуть), и потопал по улице, весь на взводе.

Может, взять канистру с керосином и навестить избу Киндея? Хорошо запыляет... А если еще и двери бревном подпереть...

Стоп! Иво, не буди в себе зверя без нужды. Ты не на вражеской территории. Будь человеком. Придет время, и тот, кто придумал трюк со змеями, за все получит сполна.

Тряхнув головой, прогоняя садистское наваждение, я подошел к избе Зосимы и хотел уже постучать в дверь, но тут же осекся – мой добрый друг был не один. Кто это там у него гостит?

А что если это гости, но не званые? Притом, «редиски»? Я похолодел. В голову тут же полезли дурные мысли и я, не в силах сдержать их порыв, с силой рванул на себя дверную ручку (дверь была, как мне и думалось, не заперта), и стремительно влетел в избу Зосимы.

Глава 14

О, милый, патриархальный уклад жизни! С древней старины он благополучно перекочевал в советскую действительность, и только нарождающийся капитализм американского образца начал душить его на корню.

Теперь и в деревнях уже не устраивают посиделки, такие привычные еще каких-то двадцать-тридцать лет назад. Нынче люди по вечерам, забившись в свои клетушки, жадно прилипают к голубым экранам телевизоров, и бурно соперничают дону Педро, который нечаянно совратил донну Педрилью, и теперь никак не может соединиться с ней в единую дружную семью из-за козней паршивки Хуаниты, которая к тому же еще и лесбиянка.

Все, кончился патриархат. Наступила эра всеобщего оглупления и потери исконных ценностей, без которых народ не может называться полноценной нацией. Глобализация, мать ее...

Все должны думать строем, начиная с одной ноги, для чего в мозгах требуется оставить лишь одну извилину; все должны есть одну и ту же суррогатную пищу быстрого приготовления, расфасованную в пакетики, и обедать в «Макдональдсах» гамбургерами и чизбургерами; все обязаны идти на выборы президента, которого давно уже выбрала так называемая «элита» – толстосумы и масоны, и кричать «ура», когда того потребует главный дирижер какого-нибудь примитивного праздника ряженных «под старину». Мрак!

Яду мне, яду! – так кричал один персонаж, уж не помню какой драмы или трагедии. Не хочу я жить в запрограммированном обществе. Скоро идентификационные номера нам начнут выкалывать на руках, как в концлагерях фашистской Германии.

А что, в паспорта уже вставили чип, в памяти которого хранится не только твое имя-фамилия, где родился, где крестился, но и сколько раз в сутки ходишь по нужному делу, химический состав мочи и крови, цвет радужной оболочки глаз, и главное – лояльный ли ты человек по отношению к власти или нет.

(Правда, об этом пунктике власть предрержающая ни гу-гу. Простому народу положено знать только то, что ему ничего не положено).

Вот так-то. Допрыгалась дарвиновская обезьянка. Окуклилась, затем вылезла из кокона, и превратилась, увы, не в красивую беззаботную бабочку, а в примитивное тягловое животное – двуногое, прямоходящее, жвачное и с клеймом. Вот и весь прогресс...

Такие мысли пронеслись в моей голове, когда моему взору предстала во всех отношениях приятная картину вечернего застолья в избе Зосимы. За накрытым столом сидел мой друг и Кондратка, который, и, разговаривая, жевал непрестанно. Ну и проглот...

Нужно сказать, что изба Зосимы была с интересной биографией. В свое время родители Зосимы, чтобы уберечь хотя бы часть нажитого от ретивой голытьбы, записавшейся в коммунары для поправки личного финансового состояния, передали половину своей шестистенки почтовому ведомству.

Когда колхоз, вечная ему память, приказал долго его помнить, а деревенский народ разбежался кто куда, почту тоже убрали. За бывшее имущество своей семьи Зосиме пришлось выдержать несколько серьезных баталий с районным начальством.

Но в конечном итоге он все-таки вернул себе на законных основаниях половину избы, а впридачу получил огромный письменный стол, сломанный телеграф военной поры, несколько стульев и старинное пресс-папье с царским орлом, которое по цене, как я предполагаю, стоило больше, чем вся изба Зосимы.

Но главное заключалось в другом – Зосима сумел отстоять телефонную точку, установленную в здании бывшего почтового отделения. Поэтому деревенька имела связь с внешним миром, что в такой глуши дорогого стоило – до появления мобильных телефонов.

Была у Зосимы еще и верная подруга, рыжая кобыла Машка, низкорослая и мохнатая, похожая на якутскую лошадь, обладающая таким же независимым характером, как и ее владелец. Она совсем не переживала из-за того, что хозяин неделями пропадает на охоте.

Машка была на свободном выпасе – и летом, и зимой, добывая себе корм из-под снега тебеневкой. Где она шаталась, никто не знал и не мог ее отыскать. Но стоило Зосиме появиться в деревне, как Машка тут же вырастала перед ним словно из-под земли. Ну прямо тебе Сивка-бурка, вещая каурка.

Зосима работал в деревне своего рода экспедитором. Раз в неделю он загружал телегу собранными односельчанами дарами лесов (сушеными грибами, ягодами, целебными травами и кореньями), а также птицей и бараниной, и вез все это добро на базар, где сдавал оптовым торговцам.

На обратном пути Зосима покупал для своих клиентов – деревенских пенсионеров – все, что они заказывали, а по приезду отдавал им остаток денег, при этом не забывая вычесть из общей суммы свою «церковную» десятину – за труды.

А труды эти были немалые. Дорога до станции вела через такие хляби, что только Зосима знал, где находится более-менее проходимый путь. Лишь зимой, когда болото замерзло, можно было ехать, не опасаясь, что провалишься вместе с телегой в тартарары.

Правда, у Машки на этот счет было просто звериное чутье. Чаще всего она выбирала дорогу сама, особенно на обратном пути, когда Зосима, разморенный стаканчиком беленькой и двумя бокалами пива, выпитыми в станционном буфете, дремал на охапке перепревшего сена, брошенного в телегу года два назад.

Стол, на котором разместилась немудреная снедь, был тот самый, реквизируемый Зосимой у почтового управления. Может, не шибко богатые почтовики и забрали бы его, да не на чем было вывезти.

Теперь эта казенная почтовая принадлежность исправно служила пиршественным столом, на котором запросто можно было поместить целого быка, запеченного на вертеле.

На данный момент бык не наблюдался, но закуска была на уровне: вяленая лосятина и рыба, розоватое на срезе сало, зелень – петрушка, укроп и лук, свежие огурцы, маринованные грибы и большая сковородка жареной картошки. Венчала этот натюрморт четверть самогона двойной очистки, настоящего на целебных травах – личный рецепт Зосимы.

И он, и Кондратка уже были на хорошем подпитии. И когда только успели? Мне казалось, что я совсем недавно распрощался с Зосимой.

– Иво! – радостно вскричал Зосима, заведя меня в дверном проеме. – Как здорово... Дык, это, я тут сижу и мыслю, пойти за тобой или нет. Думал, что ты уже спишь.

– Уснешь тут... – Я невольно содрогнулся, вспомнив свою постель. – Здрасьте вам, – сказал я, обращаясь к Кондратке.

Тот степенно кивнул и продолжил жевательные упражнения. Верблюд, право слово.

– Присоединяйся, – пригласил Зосима, суетливо подсовывая мне чистую тарелку, вилку и граненый стакан.

– По какому случаю сабантуй? – спросил я на всякий случай, когда стаканы были наполнены.

– Дык, это, собрались... – ответил Зосима несколько смущенно. – Просто так. По-дружески.

– Понял. На посиделки. Ну, за дружбу! – поднял я вверх свой стакан и махнул его одним глотком.

Самогон упал в желудок как раскаленный шар. Жидкость внутри вскипела, и винные пары начали быстро распространяться по жилам, пока не дошли до головы. Она сразу же приятно опустела и отправилась путешествовать в открытый космос.

Есть мне не хотелось – перед глазами все еще ползали змеи; отвратительно, бр-р! – поэтому на закуску я жевал лишь зелень. И не очень внимательно прислушивался к Зосиме, который соловьем заливался, рассказывая Кондратке какой-то случай из своей длинной жизни.

Однако постепенно самообладание и трезвый анализ начали возвращаться на положенные им по ранжиру места. Я неожиданно понял, что Кондратка сильно пьян, а значит, есть шанс его разговорить. Ну не шпион же он, в конце концов. Это только рыцарей плаща и кинжала (да еще дипломатов) учат держать язык за зубами даже в невменяемом состоянии.

– Кондратий Иванович! – Я решил не мудрствовать лукаво, а спросить напрямик. – Скажите, если это не большой секрет, в чем заключаются ваши научные изыскания на данный момент?

Уж не знаю, что его так польстило в моих речах. Скорее всего, фраза «научные изыскания». Он вряд ли имел какую-нибудь ученую степень, а примкнуть к сонму олимпийцев от науки ему явно хотелось. Очень хотелось.

Что, в общем-то, вполне понятно. Почти любой человек стремится себя реализовать. А если эта реализация приносит ему еще и общественное признание, а значит, более высокий гражданский статус по сравнению с основной массой населения, то он счастлив вдвойне.

– Я ищу рукописи монаха Авеля, – брякнул, не задумываясь, Кондратка.

И тут же прикусил язык, поняв, что проговорился по пьяной лавочке.

Монах Амель! Слыхали мы, слыхали... Как же. Правда, давно. Кажется, это монах-провидец, который жил в девятнадцатом веке и якобы предсказал судьбу российской державы, вплоть до расстрела царя-батюшки Николая II.

Что-то я этим предсказателям мало верю. В том числе и «великому» Нострадамусу. Вот уж наклепал этот братэла всякой чуши! До сих пор разобраться не могут, что он там выдумал – человек явно был под «мухой». Поэты тоже часто этим грешат – пророчествуют и напускают

туману.

Теперь многие современные умники все домысливают да фантазируют. Некоторые ловкачи даже умудряются по Нострадамусу диссертации защищать.

Все эти «научные труды» напоминают мне теологические споры средневековья, когда католические попы рвали на себе тельняшки и мочили друг друга по полной программе, пытаюсь сосчитать, сколько чертей и чертенят поместится на кончике иглы. Суший бред!

Дело, в общем, понятное: у католиков есть Нострадамус, решил в свое время Синод на тайном собрании, а мы чем хуже? Вот и придумало чье-то воспаленное воображение монаха-прозорливца Авеля.

Это не какой-то там поздний Распутин, а человек благочестивый, истинно верующий, подвижник...

– Я так понимаю, – сказал я вежливо, – господин Апель приезжал сюда на пленэр, чтобы насладиться видом окрестных болот. На Валааме таких красот, конечно, не сыскать.

– Не нужно шутить... так, – мрачно ответил Кондратка. – Это великий человек.

– Кто спорит, – согласился я охотно. – Только мне одно непонятно, что он здесь забыл? Как могли попасть какие-то его рукописи в наши палестины? А если и попали каким-то чудом (бывает; все бывает; в особенности, когда это касается истории нашей страны, которая является сплошным ребусом), то они вряд ли сохранились. Тут вам не сухие пещеры среди пустыни, а влажные леса и болота. В наших краях металл сгниет за год-два, не то, что бумага за полтора столетия. Ладно, пусть даже пергамент.

– Вы не понимаете... – Кондратка начал заводиться; он даже есть перестал – Есть у меня сведения, – достоверные сведения! – что здесь он скрывался некоторое время от преследований царского режима. Именно здесь!

Для большей убедительности Кондратка ткнул пальцем в не очень чистый пол. Генеральной уборкой Зосима занимался, по моим наблюдениям, три раза в год: на Пасху, в праздник Ивана Купала (это когда пол застилают свежескошенной травой) и под Рождество.

А в обычные дни все ограничивалось дежурной фразой «Надо бы убрать...» Иногда к нему приходила бабка Дарья – он время от времени подбрасывал ей после охоты кусок дичины, и тогда его жилище на некоторое время становилось похожим на больничную палату, что безалаберного Зосиму нервировало.

Но большей части в избе моего доброго друга царил рабочий беспорядок и неухоженность охотничьей избушки, что Зосиме весьма импонировало.

– Допустим. Ну и что?

– Как это – что!? – Кондратка нервно поправил свои круглые очки в безобразной оправе; такую теперь можно сыскать разве что в музее или на свалке. – В письме к Параскеве Андреевне Потемкиной он писал, что сочинил для нее несколько книг и собирается выслать ей в скором времени. Он так выразился (говорю по памяти): «Оных книг со мною нет. Хранятся они в сокровенном месте. Оные мои книги удивительны и преудивительные, и достойны те мои книги удивления и ужаса. А читать их только тем, кто уповает на Господа Бога». Каково, а?

– Сильно сказал. Хороший слог. Сразу чувствуется незаурядная творческая натура. Но причем тут наша деревня? Он что, отсюда родом?

– Нет.

– Тогда я ничего не понимаю...

– Да все же ясно, как в божий день! – горячо воскликнул Кондратка. – Здесь когда-то был старинный скит. Очень святое место. Там просто огромная энергетика. Я проверял... у меня есть прибор, его сконструировал мой приятель. Авель знал, что скит буквально фонтанирует энергией, которая нужна была ему для провидческих предсказаний. Скит находился на участке некоего крестьянина Киндея. Который и позволил Авелю пожить там некоторое время, пока он работал над своими книгами пророчеств. Теперь дошло?

Так значит, вот кого пустил себе на постой хитроумный Киндей! Интересно...

– Почти. – Я закурил. – Допустим, это так. Предположим, Авель и впрямь квартировал у Киндея...

– Никаких сомнений! Я раздобыл архивные материалы, подтверждающие эту версию. Могу показать, у меня есть копии.

– Я вам верю, – успокоил я Кондратку. – Но почему вы думаете, что свои рукописные предсказания он оставил именно здесь?

– Все очень просто. – Лицо Кондратки пылало вдохновением. – Ему было приказано держать язык за зубам, и больше не заниматься предсказаниями, но он не послушался, и в царствование Николая Павловича кто-то на него написал донос. По приказу Синода от 27 августа 1826 года Авеля изловили и заточили для смирения в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь. Где он и умер в 1841 году.

– И что это доказывает?

– Дело в том, – торжествующе сказал Кондратка, – что тогда нашли его именно здесь, в этой деревне. Здесь! Он жил в древнем ските у Киндея. И при обыске никаких рукописных книг, про которые Авель упоминал в письмах к Потемкиной, обнаружено не было. Вот так-то.

– Сильный аргумент. – Я рассмеялся. – Контраргументы принимаются?

– Конечно... – Кондратка расслабился и снова принялся жевать вяленую лосятину, по-волчьи отрывая большие куски своими желтоватыми, но крепкими зубами.

– Но для начала еще несколько вопросов. Про Киндея вы прочитали в архивах?

– Его имя не упоминалось. Просто какой-то крестьянин, приютивший беглого монаха. Так написано в официальных бумагах. Но я отыскал протокол допроса некоего Самуила Ашкенази, ювелира. (Правда, бумага была сильно подпорчена, и некоторые места мне прочитать не удалось). Так вот он купил по случаю какую-то древнюю реликвию из золотого сплава. И продал ему этот раритет как раз Киндей.

– Это все? Не вижу связи. Про Киндея и его золото мы слыхали. И про ювелира тоже. Знаем, что Киндей и впрямь пустил к себе на постой какого-то монаха. Вот только имя его со временем здесь забылось. Почему вы думаете, что Авеля забрали с этой деревни? И что забрали именно его? И что квартировал у Киндея провидец Авель, а не какой-нибудь другой монах? Это вы тоже нашли в архивных документах?

– Но ведь все и так ясно! – Кондратка торжествующе ухмыльнулся. – Однако, тому есть и документальное подтверждение. Во время допроса ювелир признался, что сумел разговорить продавца вещицы, хотя тот был очень осторожен и не назвал ему свое имя. Понятно – дело-то тайное. Уже тогда действовали жесткие законы, направленные против грабителей

древних захоронений. Так вот, продавец смутно намекнул, что место, где лежит еще много таких дорогих и красивых вещиц, открыл ему монах, очень умный человек, который какое-то время был у него на постое. В принципе, понятно, почему Киндей доверился этому Самуилу Ашкенази. Ему нужен был надежный скупщик на долговременную перспективу. Ведь Киндей не сомневался, что еще не раз обратится к ювелиру. А про монаха он ляпнул, чтобы придать своим утверждениям должный вес. Одно дело, когда раритетная находка – случайность, самодеятельность безграмотного крестьянина, и другое – когда существование древнего клада подтверждено авторитетным суждением хорошо образованного человека, коим Авель являлся вне всяких сомнений.

– Опять-таки, я не вижу никакой документальной связи между Авелем и Киндеем. Ведь имя монаха в протоколах допроса не упомянуто. Не так ли?

– Так. – Кондратка снова показал свои желтые лошадиные зубы, которыми запросто можно было колоть грецкие орехи вместо щипцов. – Но ювелиру попался дознаватель больно ушлый. Похоже, служивый был большим педантом, и старался все расставить по полочкам.

– То есть, был настоящим профессионалом своего сквалыжного дела...

– Точно. Он быстро связал концы с концами и вычислил, что самым известным на всю волость монахом, который оставил яркий след в воспоминаниях крестьян и тогдашних правоохранительных органов, был как раз Авель. Оно и понятно – не каждый день в глухую провинцию прибывает царский конвой с сановником высокого ранга, чтобы задержать беглого монаха. Наверное, все местное начальство на ушах стояло. Такое не забывается.

– Еще бы... – подхватил я злободневную тему. – У нас и городской голова, что архангел. А уж если прибывает сам господин президент, то это событие по значимости можно приравнять разве что к сошествию с небес самого Господа. Чиновники едва не языками лижут мостовую и тротуары. Российская традиция.

– Ага. Потемкинские деревни...

Мы понимающе улыбнулись друг другу. Приятно иметь дело с грамотным, начитанным человеком. Лишь Зосима, которому наши разговоры тоже были интересны, посмотрел на нас с недоумением.

Что с него возьмешь? Он хорошо знал лишь слово «показуха», что идентично выражению «потемкинские деревни».

Придется в свободное время или на охотничьем привале, что скорее всего, рассказать ему несколько поучительных историй из самодержавной российской старины...

– Так вот, – продолжил Кондратка, – сей педантичный чиновник поднял бумаги, касающиеся этого дела, и определил, что монах по имени Авель жил у некоего крестьянина Киндея, деревня такая-то. Все, круг замкнулся.

– Об этом тоже написано?

– Да. Черным по белому. Но в других документах, которые я раскопал совсем недавно.

– Что ж, с этим вопросом все ясно. У Киндея действительно квартировал Авель. И жил монах в древнем ските – кстати, и впрямь необычном сооружении, если верить местным краснобаям...

Я бросил выразительный взгляд на Зосиму. Он независимо пыхнул трубкой и укрылся от моего взгляда за густым облаком ароматного дыма.

– Не исключен вариант, что свои рукописные книги-предсказания Авель спрятал в тайнике, который находился в деревне, – развивал я дальше свою мысль. – Где мог быть тайник? А что тут долго гадать – конечно же, в самом ските. Где теперь это скит? Его развалили большевики. До основания. А основание скита, то бишь, фундамент и опорную стенку, разобрали по камешку местные аборигены. Кто на забор, кто на гнет, чтобы капусту солить. Спрашивается в задаче: что могло случиться с бумагами, которые нашли во время разрушения скита? Ответ: или использовали на самокрутки (что вернее всего; во времена революции бумага ценилась очень высоко и была в большом дефиците), или отнесли в сортир. Тогда, знаете ли, и туалетной бумаги не было. Не думаю, что в деревне нашелся грамотей, которого заинтересовали каракули монаха. Есть возражения?

– Есть! – Кондратка мимоходом тяпнул стаканчик, не дожидаясь общего согласия на эту приятную процедуру, и быстро загрыз лучком. – Авель был ПРОВИДЦЕМ. А это значит, что он ЗНАЛ, какая судьба ожидает не только страну, но и скит, в котором Авель занимался пророчествами и излагал свои мысли на бумаге. Не исключено, что и бумага у него была какая-то особенная, возможно даже пергамент, который гораздо прочнее бумажных листков. А может, Авель вырезал откровения на камне...

– Ага. Скрижали. Господни заповеди. Кондратий Иванович, эк вас занесло. Не надо фантазировать, вы ведь серьезный ученый... – Сукин ты сын, Иво Арсеньев! чертов льстец. – Под рукой у Авеля могла быть только бумага, которую легко спрятать от посторонних глаз на теле или в монашеской суме. Так что его предсказания, «страшные и ужасные», как он писал этой даме... как ее?... а, ну да, Параскеве Потемкиной, если они даже и были, канули в лету. Все, абзац. Нет здесь никаких бумаг. Как говорят горячо любимые мною хохлы, не тратьте, куманек, силы, спускайтесь на дно.

– Вы не поняли меня. Я уверен, что Авель, который предрек судьбу страны (а значит, и деревни этой, и судьбу самого Киндея, и скита), хорошо позаботился о своих бумагах. Он был ученым человеком, и знал, как можно уберечь бумагу от сырости и тления. А уж спрятать на наших просторах можно что угодно, да так, что никто и никогда не отыщет.

– Позвольте возразить! – воскликнул я с горячностью; меня разбирало все больше и больше; похоже, стресс оказался чересчур сильным. – Боюсь, что вы не понимаете психологии творческого человека. Или упускаете этот момент.

– Вы о чем?

– О тайнике, который якобы соорудил Авель. Да так, что его уже столько лет никто не может найти. Если и впрямь все было так, как вы предполагаете, то тайник должен быть где-то рядом, неподалеку. Но не на подворье Киндея! Я почему-то уверен, что Авель просто МЕЧТАЛ, чтобы его пророчества стали известны широкой публике. А иначе, зачем же он столько лет трудился и страдал, изводил себя постами и молитвами?

– Должен признаться, в ваших словах есть доля истины, – согласно закивал Кондратка. – Одно из предсказаний Авеля, сделанное им Павлу I, было записано, вложено в конверт и опечатано личной печатью императора. Царь собственноручно написал на конверте: «Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины». Этот документ хранился в особой комнате Гатчинского дворца. Все российские самодержцы знали о его существовании, но никто не осмелился нарушить волю предка. 11 марта 1901 года царь Николай II со свитой прибыл в Гатчину, и, после панихиды по императору Павлу, вскрыл пакет, где и узнал о своей тернистой судьбе.

– Вот видите, оказывается, ларчик просто открывался. Все свои предсказания Авель вручил Павлу. А сам, после трудов праведных, приехал сюда на отдых. Надоели ему, наверное, мрачные монастырские кельи.

И тут я вдруг осознал, что в этой деревеньке явно что-то есть. Что-то такое, эдакое... Которое притягивает к себе со страшной силой. Вот и этот монах, Авель...

Мне вспомнилось, как я подыскивал себе жилье-дачу после выхода на пенсию. Каким образом я здесь очутился, убей Бог, не помню. Меня словно кто-то взял за руку и привел. А я остался. Хотя были и другие, весьма привлекательные предложения. Чудеса...

Может, и мне заняться пророчествами? Обстановка и моральный настрой подходящие. Прозрения из меня так и валят... как из кобылы Машки зеленые катышки.

Например, я точно знаю, что этому черноризному гаду, который так плохо со мной «пошутил», долго в деревеньке не жить. Я накормлю его рагу из змей, окуну в сортир, изваляю в перьях и пинками выгоню за околицу.

– Это было бы чересчур просто... – Кондратка снисходительно улыбнулся. – Дело в том, что, как я предполагаю (у меня есть на то основания), Авель предсказал не только судьбу государства российского, но и судьбу ВСЕГО мира. Представляете? Вот мне и хочется найти его книги. Очень хочется!

– Зачем?

– Что значит – зачем?

– Зачем вам нужно знать судьбу всего мира?

– Ну как же... – Кондратка набрал воздуха полную грудь, чтобы выдать какое-нибудь более-менее приемлемое объяснение – и смешался; но все-таки сумел собраться с мыслями и ответил: – Если людям станет известно, что грядет какой-то кризис, то они могут если и не избежать его, то по крайней мере смягчить.

– Чушь собачья! – фыркнул я горячо, как молодой конь; нет, пора завязывать с водкой, на сегодня хватит. – Никакой реакции на откровения Авеля не будет. Человечество ничему не учится и не извлекает никаких уроков из трагедий прошлого. Американцы сбросили атомную бомбу на головы мирных японцев, произошли страшные разрушения, люди умирали от лучевой болезни, как мухи... И что? Какие-либо разумные выводы были сделаны из этого факта? Ни хрена подобного! Наоборот – самые сильные и богатые государства мира, вместо того, чтобы навсегда похоронить саму идею вселенского оружия и жить в мире и согласии, словно с ума сошли, начали клепать атомные бомбы, как гвозди. Где логика? Нет ее. И не может быть. Мы запрограммированы на самоуничтожение. И плевать на все умные пророчества. Или вы крайне хотите прославиться? Тогда понятно.

– Нет, но... – Кондратка напоминал ерша, выброшенного на берег.

– Есть предложение прекратить прения на эту тему. – Я демонстративно закурил. – Ежели вы хотите и дальше проводить свои изыскания, то советую вам больше к избе Киндея не соваться. Там опасно. И вы знаете, почему. Тайник находится в другом месте. Где? Это пока вопрос. Если у вас появится такое желание, помозгуем вместе. Делать тут все равно нечего. Убьем время. И Зосима нам поможет. Нет возражений? – посмотрел я на своего друга.

– Дык, мы завсегда...

– Вот и я об этом.

– Спасибо вам, – сердечно поблагодарил довольный Кондратка, который, как мне показалось, наконец наелся.

– Не за что. Это вам мы должны благодарить за интересный экскурс в прошлое. Даже Зосима

не знал ничего про Авеля. А теперь он думает, в каком виде преподнести эту историю старикам Коськиным.

– Что ты!? – обиделся Зосима. – Им тока скажи...

– Правильно мыслишь. Нужно некоторое время подержать язык за зубами. Мало ли чего...

«Уж не бумаги ли монаха Авеля приехал добывать янки? – мелькнула у меня мысль. – А что, версия вполне... Чтобы, значит, американский сенат и президент могли строить свою политику, сообразуясь с точным прогнозом будущего. То есть, они мечтают дожить до конца света в полном довольствии и благоденствии. Блин! Опять хотят на горбу русского мужика в рай въехать... Как в годы второй мировой. Орут сейчас на всех телевизионных каналах – мы пахали, мы немцев замочили, все победы одержали... А русские где-то на задворках ошивались. Что с этих славян взять – варвары...»

Нет, с американцем не все так просто. В болоте бумаги не ищут. Клад – возможно. Но почему тогда черноризец со своей сектой облюбовал именно избу Киндея?

Загадка...

Кондратку мы выпроводили где-то во втором часу ночи. Мне нужно было хотя бы немного поспать, так как на завтра я намеревался проехаться вместе с Зосимой на станцию – там у меня уже наметились кое-какие делишки.

Зосима тоже клевал носом, поэтому я не стал нарушать его сонное состояние и не рассказал о нашествии змей на мою обитель. Не к спеху. Да и язык не очень хорошо мне повиновался.

То, что я остался ночевать у него, Зосиму не удивило. Мы и раньше засиживались в уютной хибаре моего друга далеко за полночь, и я предпочитал упасть там, где упражнялся со стаканом, нежели по дороге домой свалиться по пьяной лавочке в невидимую в темноте канаву с полной вероятностью сломать себе шею.

Уснул я быстро. А проснулся еще быстрее. По крайней мере, мне так мне показалось. Мигнул раз – еще темно, мигнул второй раз – уже светает.

Глава 15

Для Зосимы запрягать кобылу Машку, значило выполнить целый ритуал. Я любил наблюдать за тем, как он управляется со своенравной дамой о четырех копытах. Это был целый концерт.

– Где ты бродишь, старая б... ды!? – Так приветствовал бойкую, несмотря на возраст, животину Зосима, когда она, как собака, достаточно быстро прибежала на его разбойничий свист. – Не докличешься... Принцесса. Час ее нужно ждать... Отдам когда-нибудь на скотобойню. Ей-ей, отдам. Пусть колбасу сделают. Толку с тебя все равно никакого. Тпру! Что ты вертишься, как вшивая сучка!? Стой, кому говорю! Ах, тебя слепни закусали... Хвостом отмахивайся, не ленись. Да не от меня отмахивайся! Тпру! Чтоб тебя, старую деву, жеребец елдой по голове съездил. Сдай назад... Назад сдай, скотина! А теперь стой. Смирно стой! Тпру, тпр-р-ру!...

Машка живо реагировали на непристойные речи Зосима. Казалось, что она понимает человеческую речь. И что ее непокорность – всего лишь игра. Чтобы угодить хозяину, который, намеренно грубо ругаясь, тешил себе душу.

В общем-то, они любили друг друга. Зосима привык к Машке, как некоторые городские обыватели привыкают к собаке. У моего же друга собак отродясь не водилось, как это ни странно. Он говорил, что собаки только мешают охотиться.

А все потому, что зверь слышит запах псины издалека, и бежит с пути охотника куда подальше. Даже запах человека его не так пугает. Это только глупой птице безразлично, кто как пахнет. У нее с обонянием туго.

Зосима принципиально не желал заводить цепного пса. Сам человек свободный, он не хотел лишать бессловесное животное свободы, посадив его на привязь.

– Ты бы свежего сена на телегу подбросил, – сказал я, критически осмотрев нашу «карету». – Это уже слежалось и стало жестким, как корж. В нем, мне кажется, даже мыши завелись.

– Какие мы нежные, – буркнул Зосима, но мое замечание учел.

Когда мы собрались рассестись по местам, я спросил:

– Ружьишко не берешь?

– А надо? – вопросом на вопрос ответил Зосима, пытливо посмотрев на меня остро блеснувшими глазами.

– Умгу. Да патроны возьми не на бекаса, а снаряженные картечью. Мало ли чего...

– Ну да... С тобой никогда не знаешь, какая оказия может по дороге приключиться.

Я лишь невесело ухмыльнулся. Зосима был прав. У меня судьба такая – притягивать к себе все мыслимые и немыслимые неприятности.

Взять хотя бы мою женитьбу. Ну, жил я и жил себе спокойно в этой деревеньке, вдали от мирской суеты, залечивал душевные травмы, нанесенные мне неблагодарным военным ведомством.

Еще год-два, и с новыми силами, поздоровевший и посвежевший, я возвратился бы в город и начал заниматься карьерой. Я ведь еще не стар. Да и котелок вроде варит. Грамотный...

И тут на тебе – когда я спокойно сидел на берегу своего озера и рыбачил, мне на голову (в буквальном смысле этого слова) падает моя суженая, которая на мотодельтаплане убегала от одного хмыря, да ее транспортному средству горючего не хватило. Это что, рок, фатальное совпадение?

Ладно – упала, так упала. Вытащил из воды, накормил, напоил – и помашите, мадмуазель, дяде ручкой. Как бы не так! Вместе с Каролиной прилетели такие приключения на мою бедную и глупую башку, что и во время службы со мной не часто случались.

И что в итоге? Меня захомутали, окольцевали и превратили в диванную принадлежность. А затем выкинули, как старый прикроватный коврик. Мол, извини, милый, я в тебе ошиблась. Оказывается, ты совсем не такой розовый и пушистый, как мне грезилось в моем девичьем одиночестве.

Хорошенькое дельце!

Такие мысли роились у меня в голове, пока Машка преодолевала расстояние от деревни до станции. Именно расстояние, а не дорогу, потому что по этому пути ездил только Зосима, и колея то скрывалась в высокой траве, то петляла между деревьями, а иногда и вовсе уходила под воду, где лежали окаменевшие от времени бревна-мостики.

Как Машка находила дорогу, уму непостижимо. Наверное, и сам Зосима уже понятия не имел, где она находится, так как индифферентно лежал на телеге с сигаретой в зубах и даже вожжами не шевелил, а смотрел на небо.

В конце концов, успешно преодолев по пути все препятствия в виде кочек, колдобин и грязи, мы выбрались на столбовую дорогу, и спустя полчаса оказались в большом пристанционном поселке городского типа.

– Теперь куда? – спросил Зосима, очнувшись от своего летаргического состояния.

Он был доволен, дальше некуда. Оно и понятно: на нас никто не наехал, никто не стрелял из-за кустов, и не пришлось пускать в ход заряженное ружье, которое лежало у меня под рукой.

Но самое главное ждало Зосиму впереди – пивная со свежим пивом, своего рода приз за мужество. В общем, награда дождалась бойца...

– Рули к своему любимому питейному заведению, – ответил я, спрыгивая с телеги. – Жди меня там. Не торопись – меня не будет как минимум часа два-три. Так что пей пивко в свое удовольствие, благо ты, как я вижу, прихватил связку тарани. Да не раздай ее всю своим случайным корешам! Оставь и мне.

– А ты куда?

– Хочу пройтись по местам боевой и трудовой славы, – сказал я загадочно, помахал Зосиме, несколько обескураженному моим ответом, рукой, и неторопливо пошагал по уже горячему от солнечных лучей тротуару в центр.

Да, в этом году лето удалось...

Ресторан «Золотой орел» (ни больше и не меньше!) был самым центровым. И я хорошо знал, кто его под себя подмял, приобрел за бесценок.

Удивляюсь я нашим олигархам, которые на каждом углу кричат, какие они честные, порядочные и умные. Хотя бы перед собой богатеи ведь должны давать отчет в том, каким образом сливки общенародного достояния оказались в их большом хрустальном стакане.

Хозяином «Золотого орла» был местный авторитет Лагин, который носил почти детскую кличку Чиж. Но дела у него были совсем не детские. За что однажды он и схлопотал от меня по полной программе. Вместе со своей братвой.

Теперь я шел заключать мировую. А что нам делить? Мне хотелось думать, что Лагин не держит на меня большого зла за то мордобитие, которое я устроил ему со товарищи. Дело житейское...

Все-таки Чиж наш, русский человек, а значит, кровную месть не приветствует.

От Зосимы я узнал, что штаб-квартира Чижа находится именно в «Золотом орле». Это было большое двухэтажное здание советской постройки конца эры «развитого социализма».

Поэтому фасад ресторана был спроектирован не без претензий на архитектурный изыск – в те времена еще надеялись во всех отношениях догнать и перегнать Америку; даже в строительстве общественных зданий.

В общем, как для поселка городского типа, «Золотой орел» был просто шикарным заведением.

В ресторане приближалось время обеда. У входа в «Золотой орел» стоял на страже «орленок» – битюг под два метра ростом, совсем юный парень, у которого еще и борода не росла, а кудрявился золотистый пушок, не знавший бритвы.

– Вам куда? – спросил он, стараясь придать себе солидности.

Для этого парнишка надул щеки и попытался грозно нахмуриться. Едва сдерживая смех, я ответил:

– Не куда, а к кому, если быть точным. Куда – это и козе понятно. Вон там, – показал я на вывеску над головой, – все написано.

– Вы, это... говорите по существу, – хмуро сказал парень.

Судя по его сузившимся глазам, я не понравился ему с первого взгляда, и он уже мечтал почесать о меня свои кулаки. Такие идиоты и со мной вместе служили, несмотря на очень тщательный отбор, – сначала что-то делают, а потом думают.

У любого нормального мужика должно быть железное правило – уважай противника. Даже маленький, но хорошо обученный, шкет может запросто завалить любого бугая. А во мне сейчас было девяносто кэгэ веса, рост тоже, слава Богу, не маленький, и на моих широких плечах едва не трещала по швам рубаха.

Все остальное было скрыто под одеждой. Но, смею уверить, на пляже пока могу раздеться без смущения, хотя, надо признаться, животик уже начал обрастать жирком. Что поделаешь – сладкая семейная жизнь... чтоб ей!...

– Ну, а если по существу, то я хочу видеть Чижа.

Парень нервно вздрогнул. Понятное дело – босс для таких, как он, святее и выше папы римского.

– Вам назначено? – спросил он с преувеличенной предупредительностью.

Надо же, охранника вовсе не смутило, что его босса называют по кличке. А ведь я уверен, что бизнесмен Лагин хотел бы ее забыть. И чтобы остальные не помнили, кто он, что он и как начинал свой бизнес.

Увы, увы, черного кобеля не отмоешь добела...

– Нет, не назначено.

– Ну, тогда... – Парень развел руками. – Никак нельзя.

– А ты доложи ему, доложи. Скажешь, что в гости пожаловал Иво Арсеньев. Он лично выйдет меня встречать. Уж поверь мне.

– Что тут за базар? – раздался резкий неприятный голос сзади.

Я обернулся и увидел коренастого парня, которого знал под кличкой Керя. Мне когда-то называли и его фамилию, да я уже забыл. Он был правой рукой Чижа. Этот «орел» тоже ходил в моих «крестниках».

– Здравствуй Керя! Как поживаешь?

– Вы!? – Керя инстинктивно сделал шаг назад; наверное, вспомнил, как я его оприходовал. – Откуда?...

Соображалка у него по-прежнему работала худо. Он настолько растерялся, что его словарный запас, и так не шибко большой, уменьшился до примитивного мычания.

– Мне нужно поговорить с твоим боссом.

– М-м... Какие проблемы... Пойдемте.

Парень даже не посторонился, а отшатнулся в сторону под свирепым взглядом Керя. Я понимал ход мыслей своего «крестника»: не обидел ли меня этот дебил-охранник?

А то, как я умею расправляться с обидчиками, Керя уже знал. И возможно, до его ушей дошла история моего маленького сражения с одной очень нехорошей группировкой, возглавляемой иностранными шпионами (после которого бабка Дарья и поставила мое фото на иконостас), когда мне пришлось изворачиваться и отмахиваться изо всех сил.

Мы вошли в кабинет Чиж без доклада. Это Керя дал маху. Он так растерялся, что даже не заметил отсутствия в приемной секретарши.

Когда я открыл дверь кабинета, моему взору представилась прелестная картина – красный, разгоряченный Лагин на кожаном диване с полуобнаженной девицей, которой едва минуло восемнадцать, на руках. Ну прямо тебе картина какого-нибудь средневекового фламандского живописца.

– Какого хрена!... – заорал было Чиж, но тут он рассмотрел, КТО его посетил, и девушка взлетела с его коленей как ракета – вертикально.

Хорошо, что эта милая малышка приземлилась не на пятую точку, а на две свои главные опоры. Я отношусь с симпатией к наивным дурочкам. Мне умные женщины уже осточертели.

– Здравствуй, дорогой! – сказал я фамильярно. – Можно?

– О чем базар! – с фальшивым энтузиазмом воскликнул Лагин. – Проходите, пожалуйста, Иво Константинович, сюда...

Надо же! Он знает и мое отчество. Такой большой человек...

Чиж как-то неуверенно протянул мне руку, но я с подкупающей искренностью крепко пожал ее и приветливо улыбнулся. Мол, чертовски рад встретить боевого друга. Сколько лет, сколько зим...

– Присаживайтесь... – Он заботливо пододвинул мне кресло.

– Спасибо. – Я продолжал играть роль вежливого джентльмена. – Как поживаешь? Как дела?

– Да в общем...

Чиж быстро переглянулся с Керей, который стоял, как изваяние, возле двери, куда белкой шмыгнула секретарша, умудрившаяся одеться за пять секунд; что значит большая практика; и это в такие молодые годы...

– В общем, нормально, – закончил он фразу.

– Я рад. Чертовски рад. Хорошо, когда у человека все нормально...

Я сделал многозначительную паузу. Мой визави затаил дыхание. Он понимал, что я пришел не просто чай гонять, а по какому-то важному делу. Но вот что оно собой представляет, Чиж понятия не имел. И боялся даже предполагать, зная, что я за штучка.

Может, он думает, что я полномочный представитель конкурентов?

Это, конечно, смешно, но не для Чижа. Потерять то, что он накопил за десять или пятнадцать лет жесточайшей борьбы, значило для него моральную смерть. Которая для такого человека, как он, хуже физической.

Можно, конечно, снова устроить своим конкурентам кровавую баню, да времена сейчас стали другими. Подметут, и охнуть не успеешь. И не помогут ни деньги, ни связи, потому что высокопоставленные покровители и сами трясутся от страха – а ну как президент скажет «Ату их»?

И покатаются чиновничьи плешивые головы в корзину. Притом пачками.

Всех свалят в одну кучу – и виновных, и не очень, и вообще ничем не замаранных (такие белые вороны тоже иногда встречаются среди чиновного люда; но редко). Если уж в России начинается кампания, то она перерастает в абсурд.

Как-то один высокопоставленный московский начальник в провидческом порыве охарактеризовал подобную инициативу. Он сказал «Хотели, как лучше, а вышло как всегда».

Совершенно точное определение. Не будь он чиновником, быть бы ему великим мыслителем, почти Спинозой. Чувствуется мощное нестандартное мышление.

– У меня к тебе есть дело, – продолжил я свое выступление. – Личного характера, – поспешил я успокоить Чижа, который начал бледнеть. – Сугубо личного, – подчеркнул я с нажимом.

Лагин облегченно вздохнул. И сразу же посветлел лицом. Теперь он готов был меня расцеловать.

– Понял. Нет проблем. Но нам не мешало бы отметить нашу встречу... Как вы?

Отказаться, значить обидеть человека. А у меня ведь было к нему серьезное, много значимое для моих дальнейших планов дело.

Что ж, придется похмеляться. Никуда не денешься. В этом и состоит горькая мужская участь. Женщины этого не понимают. У них, наверное, никогда голова после пьянки не болит.

Это же ужасно: утром тебе на спиртное и глядеть не хочется, а пить эту горькую вонючую гадость надо, потому что она уже не яд, а лекарство. Если не подлечишься таким образом, весь день промаешься.

Нет, женщинам наши утренние похмельные муки никогда не понять...

Надо отметить, что во рту у меня и впрямь пересохло, и я с удовольствием попил бы холодного пивка. Топая по тротуарам на встречу с Чижом, я мысленно корил себя за то, что не поехал вместе с Зосимой к пивной. Кому нужна такая спешка?

Стол был накрыт словно по мановению руки. Молоденькие официанты порхали как мотыльки. Явно чувствовалась иноземная выучка.

Неужели Чиж сподобился на такой дорогой сервис? Ведь обучение за рубежом обслуживающего персонала стоит немалых денег. Это я точно знал.

Каролина посылала своих оборотов учиться в Англию, на какие-то курсы. Бабок было угрохано не меряно. А толку получилось маловато. Наверное, прохиндеи больше сидели в лондонских пабах, пропивая командировочные, нежели на лекциях.

Чиж, заметив мой благожелательно-удивленный взгляд, с которым я наблюдал за работой obsługi, поторопился подтвердить мои умозаключения:

– Во Франции учились. В лучшей школе. Теперь не стыдно больших людей у себя принимать.

– Да, молодцы, парни. Это вам не хухры-мухры...

Мы приятно улыбнулись друг другу. Хороший контакт налаживался прямо на глазах.

Чиж изменился удивительным образом. Теперь передо мною сидел не бандитистый с виду малый с приклатненными ухватками, которого я знал еще совсем недавно, а серьезный бизнесмен в строгом костюме с уверенными движениями знающего себе цену человека. У него даже лицо стало как бы крупнее и значимей.

Пиво известной зарубежной компании и ледяная финская водка оказались не просто лекарством, а бальзамом на мою похмельную головушку. Не говоря уже о свежайшей черной икре, которую я очень любил, но ел не часто – из принципа. Чтобы не сильно объедать мою бизнес-женушку.

Насытившись, – во время застолья мы болтали ни о чем; пустой треп, не более того – я устроился поудобней, закурил и завел разговор о деле, ради которого я и приехал сюда.

Но начал я издалека:

– Ты там в МОЕЙ, – это я сказал с нажимом, – вотчине причал и беседку построил...

Чиж забеспокоился:

– Ежели вам мешает, то это я мигом...

– Нет-нет, – успокоил я своего собеседника. – Наоборот – спасибо. Очень хорошая идея. И сделано все на высшем уровне. Теперь есть где укрыться от дождя, когда рыбачишь. И для встречи с друзьями место отменное.

Лагин расцвел от моей похвалы. Уважает... Но нужно брать быка за рога. Время самое то. Клиент в расслабухе, нужно его дожать.

– Но вот беда, – продолжал я, мгновенно посуровев. – Нехорошие людишки появились в нашей деревне...

Я умолк, ожидая реакции Лагина. Он вдруг поскучнел, нахмурился и ответил:

– Да знаю я, знаю...

– Не много ли нас там стало на один квадратный метр? – забросил я удочку с подковыркой.

– Многовато, – буркнул Чиж, пряча от меня глаза.

Что это с ним? Он даже в лице изменился.

– И каков вывод? – спросил я напрямую, жестко и требовательно.

Лагтн помялся немного, но все же ответил так, как я и ожидал:

– Надо принимать меры.

– Так в чем дело? Принимай. Люди у тебя есть, авторитет тоже немалый...

(Лесть в таких случаях не помешает. Главное, не переборщить. Иначе клиент может поднять хвост, уверовав в свою большую значимость).

– Не могу.

– Не понял... Почему? Ты что, каких-то сектантов боишься?

– Никого я не боюсь! Да только нет мне резона с ихним проповедником связываться. Себе дорожке выйдет.

– Ого, даже так... – Я и впрямь был озадачен. – Он что, имеет серьезную поддержку во власти? – брякнул я наугад.

И попал, что называется, в «яблочко».

– Еще какую. Мне прямо и откровенно сказали большие люди, чтобы я к нему даже не рыпался.

– И кто эти большие люди?

– Фамилию не могу сказать. Надеюсь, вы понимаете...

– Понимаю.

– В общем, мент предупредил, при серьезных погонах. Специально из области приехал. А мне связываться с милицией как-то не по фарту. Я им плачу, чтобы они меня не трогали, и все довольны. У них своя свадьба, у меня своя. Вот бизнес хочу расширять, строю большую птицефабрику по зарубежной технологии. Оборудование будет все импортное, самое современное. Мясо буду поставлять в самую Москву. Уже есть договоренность. Зачем мне цапаться с властью имущими?

– Согласен. Незачем. С фабрикой это ты здорово придумал. Поздравляю. М-да... Проблема...

– Иво Константинович, хотите добрый совет?

– Люблю советы. Иногда они помогают осознать, что не все в мире так плохо и что еще остались добрые люди, искренне радеющие за ближнего. Однако, как говорится, совет – это хорошо, но лучше помогите деньгами.

– Не нужно шутить. Это очень серьезно. Не связывайтесь вы с этими сектантами. Живут они тихо, мирно, никому не мешают. О них вообще мало кто знает. Только местные. Даже районное начальство как будто понятия не имеет, что там у вас творится. А это что-нибудь да значит. Кто-то им здорово глаза замылил.

– Да уж...

– И самое главное... – Чиж перегнулся ко мне через стол и заговорил едва не шепотом: – Не связывайтесь вы с главой этих сектантов. Он страшный человек. Люди говорят, что ведьмак. Понимаете – ведьмак! Запросто может порчу навести. А зачем вам это?

– Незачем, – машинально ответил я, и с горечью подумал: «Какая нелегкая дернула меня приехать сюда именно в тот момент, когда эта черноризная тварь шлялась по лесу?»

Не встретить я его тогда, не вступи с ним в конфликтный разговор, гляди, и не было бы у меня никаких проблем. А теперь они появились, и их нужно решать, притом основательно, вспомнил я американца – большого «любителя» российского искусства.

– Что ж, – сказал я, поднимаясь, – за угощение спасибо. Шикарный стол. Теперь с меня причитается. Приезжай как-нибудь, порыбачим вместе. Только без телок! В мужской компании гораздо приятней.

– Обязательно приеду! – горячо откликнулся совсем повеселевший Чиж. – Как только немного раскручусь, так и... Но вы уж извините, что на данный момент ничем не могу вам помочь. Какое-нибудь другое дело сварганить – с дорогой душой. Только свистните.

– Буду иметь ввиду. Да, еще одно. Мне нужен на часок компьютер с выходом в Интернет. Где я могу найти?

– Господи, какие проблемы!? Это как два пальца... пардон. Я тут недавно открыл Интернет-кафе, аппаратура новейшая, так что милости прошу. Не волнуйтесь, вас туда отвезут. Керя!

Керя нарисовался в кабинете, будто проявился на фотографии – из пятна, почти бесформенной кляксы, быстро превратился во внушительную фигуру с бычьей шеей. Похоже, он стоял в приемной, под дверью кабинета, со столом в руках – на всякий случай.

– Керя, отвезешь Иво Константиновича в Интернет-кафе. И пока он будет работать на компьютере, чтобы там не было ни одной шавки! Понял?

– Ну... – Керя взглянул на меня исподлобья.

Наверное, он до сих пор не может сообразить, как это я смог в свое время так быстро его отоварить. Его, крутого донельзя парня.

Пацан... Меня учили не просто бить, а убивать. И скажи спасибо своей фортуне, что тогда она над тобой сжалилась.

Глава 16

Вопреки похвальбе Чижа, Интернет-кафе было так себе. Элементарный сарайчик, которому сделали евроремонт.

О, эти наши евроремонты! Без слез на них не взглянешь.

Считается, что если ты наклеил импортные обои, поставил металлопластиковые окна, двери из прессованного картона и прицепил примитивный подвесной потолок, то твоя совковская хаза, где все комнаты узкие и прицеплены друг за дружкой «вагончиком», сразу же превращается если и не во дворец, то в виллу какого-нибудь крутого западного буржуя – точно.

Так было и с Интернет-кафе. За одной разницей – аппаратура и впрямь оказалась не из худших. А все потому, что невыгодно сейчас ставить компьютеры поплоче. Через год-два их придется менять, так как разные электронные штуки очень быстро устаревают.

Несмотря на мои протесты (правда, слабые), Керя выполнил приказ Чижа без колебаний. Пацанов и парней постарше будто ветром сдуло, едва он молча указал всем на выход. Ордунг, подумал я по-немецки. Порядок. Что-что, а порядок наши «новые» и «новейшие» сумели наладить на своих предприятиях.

Никуда не денешься, звериный оскал капитализма, как говаривали первые энтузиасты

разрушения устоев общества поработителей...

Монаха Авеля я нашел быстро. Все-таки, какая великолепная штука эта современная техника! Ткнул пальцем в кнопку – и наслаждайся информацией, которую в прежние времена можно было откопать разве что в центральной московской библиотеке, и то если у тебя был спецдопуск; к тому же, ты мог потратить на ее поиски месяца два.

Некий С.А. Нилус писал, ссылаясь на рассказ монаха из Оптиной Пустыни, с которым он разговаривал 26 июня 1909 года: «Во дни великой Екатерины в Соловецком монастыре жил-был монах высокой жизни. Звали его Авель. Был он прозорлив, а нравом отличался простейшим, и потому, что открывалось ему духовное око, то он и объявлял во всеуслышание, не заботясь о последствиях. Пришел час, и стал он пророчествовать: пройдет, мол, какое-то время, и помрет царица, – и смертью даже указал какою. Как ни далеки были Соловки от Питера, а дошло все-таки вскорости Авелево слово до Тайной канцелярии. (Понятное дело, подумал я. На каждого Авеля обязательно найдется хоть один Каин. Это аксиома). Запрос к настоятелю, а настоятель, не долго думая, Авеля в сани – и в Питер. (Большим любителем был этот монах кататься за казенный счет, опять мелькнула у меня мысль. Из нашей глухомани, если верить Кондратке, его тоже под конвоем провожали). А в Питере разговор короткий: взяли и засадили пророка в крепость... Когда исполнилось в точности Авелево пророчество, и узнал о нем новый государь Павел Петрович (через князя Куракина; чай, хотел выслужиться князюшка, мелькнула в голове мерзкая мыслишка), то, вскоре по восшествии своем на престоле, повелел представить Авеля пред свои царские очи. Вывели Авели из крепости, и повели к царю.

– Твоя, – говорит царь, – вышла правда. Я тебя милую. Теперь скажи: что ждет меня и мое царствование?

– Царства твоего, – бесстрашно ответил Авель, – будет все равно, что ничего: ни ты не будешь рад, ни тебе рады не будут, и помрешь ты не своей смертью.

Не по мысли пришлись царю Павлу Авелевы слова, и пришлось монаху прямо из дворца опять сесть в крепость. Вот и верь после это большим начальникам. Дело знакомое...

Им думается, что они держат ответ только перед Господом, а потому начальственное слово не стоит выеденного яйца. Сам дал, сам и забрал его обратно. Своя рука – владыка. Что касается совести, то эта нравственная категория в высших сферах не котируется.

Но след этого пророчества сохранился в сердце наследника престола Александра Павловича. Когда сбылись и эти слова Авеля, то вновь пришлось ему совершить прежним порядком путешествие из крепости во дворец царский.

– Я прощаю тебя, – сказал государь. – Только скажи, каково будет мое царствование?

– Сожгут твою Москву французы, – ответил Авель.

И опять из дворца угодил в крепость. Москву сожгли, сходили в Париж, побаловались славой... Опять вспомнили об Авеле и велели дать ему свободу. Потом снова о нем вспомнили, о чем-то хотели спросить, но Авель, умудренный опытом, и следа по себе не оставил; так и не разыскали пророка.

(Надо же, поумнел страстотерпец! А мог бы и раньше сообразить, что нечего с царями связываться. Умишком-то мужик явно был не обижен)».

На этом Нилус свое повествование закончил, а я жадно припал к другому источнику информации. Из копии следственного дела 1796 года я узнал, что крестьянин Василий Васильев (так в миру звали пророка) родился в 1757 году в деревне Окулово, Алексинского

уезда, Тульской губернии (между прочим, в день Иова Многострадального), а умер в суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре в 1841 году. До монашества был коновалом.

(Нет, точно, лошадь весьма благотворно влияет на человека, вспомнил я еще одного долгожителя Зосиму и его Машку. И Авель, и мой добрый друг от долгого общения с лошадьми приобрели философическое направление характера).

С юных лет Авель начал странствовать по Руси. В 1785 году Авель принял постриг в Валаамском монастыре, где и получил свое монашеское имя, но предпочел жить отшельником. Будучи насельником Николо-Бабаевского монастыря, что в Костромской епархии, составил первую свою книгу пророчеств. В ней же он написал и о царской фамилии.

За свою долгую жизнь Авель просидел в тюрьмах за свои предсказания 21 год. (Ни фига себе! А говорят Сталин был зверь – лагеря, этапы, пересылки и все такое прочее... Цари-батюшки тоже, оказывается, были не такими уж сусальными, как нам теперь втюкивают в головы новоявленные монархисты).

Его сажали в казематы и просвещенная Екатерина, и Павел-самодур, и Александр I, свойский мужик, не дурак выпить, рубака и победитель французов, и Николай I, который уже мог бы убедиться, что Авель – честный человек и всегда пророчествует чистую правду. В общем, святой человек.

Ан, нет. Оказывается, святым самое место в тюрьме. Чтобы не смущали своей правдой глупый народ. Высшую правду должны знать только верхнюки-главнюки. Так сказать, последняя инстанция перед божественной канцелярией.

Ладно, катим дальше...

Ага, вот. По-моему, то, что мне и нужно. Оказывается, многострадальный Авель недолго хранил молчание. Он что-то там напроорочествовал и в царствие Николая Павловича. Который, как видно из указа Синода от 27 августа 1826 года, приказал изловить Авеля и заточить его для смирения в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь. Во как!

А изловили Авеля в какой-то деревеньке... название утеряно, забыто... уезд?... Есть уезд! Наш! Так что же получается – Кондратка не фантазирует? Не знаю, не знаю... Возможно, элементарное совпадение. Тем более, что деревня не названа.

А уж про Киндея и подавно никто не упоминает. Крестьянин, мелкая сошка, крохотный винтик в большой и громоздкой государственной машине. Разве все запчасти запомнишь? Тем более, какие-то там крохотные винтики-болтики, которые всегда покрыты ржавчиной.

Нашел я также историю о запечатанном пакете с предсказанием судьбы Николая II, которую рассказал мне Кондратка. Пишет все тот же С.А. Нилус: «В гатчинском дворце была одна небольшая зала, и в ней посередине стоял большой узорчатый ларец с затейливыми украшениями. Ларец был заперт на ключ и опечатан. Вокруг ларца на четырех столбиках, на кольцах, был протянут толстый красный шелковый шнур, преграждающий к нему доступ. Было известно, что в этом ларце хранится почта, которая была положена вдовой Павла I, императрицей Марией Федоровной, и что было завещано открыть ларец и вынуть в нем хранящееся только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины императора Павла I, и притом лишь тому, кто в этот год будет занимать царский престол России.

(А вот здесь у Кондратки вышла неточность. Конвертик с предсказанием положил на хранение не сам Павел I, а его супруга. Похоже, император не поверил Авелю. Это понятно. Как поверишь бредням какого-то заскорузлого отшельника в обносках, когда вокруг все сверкает и пахнет розами, а придворные наперебой соревнуются в гибкости спины. А вот Мария Федоровна оказалось очень даже неглупой, прозорливой женщиной).

Но самое основное, то, ради чего я шастал по Интернету часа два с хвостиком, в большой массе информации мне повезло откопать совершенно случайно – Авель все-таки написал свой главный труд о грядущем приходе антихриста! Свидетельства тому были.

Увы, эту книгу его апокалипсических пророчеств так и не нашли.

И слава Богу! – подумал я, выходя на улицу, и облегченно вздохнул. Когда не знаешь о часе своей кончине, как-то легче живется. Даже планы какие-то лазурные строишь.

Растиражируй книгу мудрого Авеля, и сразу наступит сплошной мрак и полное непотребство. Это и ежу понятно. Меньше знаешь, крепче спишь. И разная чушь в голову не лезет...

Зосима страдал. Он совсем замаялся меня ждать. Правда, «страдал» он вполне с комфортом. На его столике уже мозолил глаза пустой двухлитровый кувшин для пива, и Зосиме как раз принесли второй, поменьше – литровый.

Графинчик с водкой стоял не тронутый. Зосима упорно не хотел пить беленькую в одиночестве. Одно дело – утолять жажду, а другое – совершать священнодействие. В одиночку пьют только алкоголики и запойные пьяницы.

– Ну, наконец... – Зосима облегченно вздохнул и сразу же разлил водку по стопкам. – Закуска, конечно, не очень, да что поделаешь – город...

Город! Ишь ты... Привык, понимаешь, к свежатине, а тут какие-то сырки, увядший еще вчера овощной салат, и порезанная на кусочки колбаса, на которую страшно смотреть; наверное, ее делали из тухлятины.

Единственным «деликатесом», на котором можно было остановить взгляд без боязни оцарапаться, была вяленая рыба, которую Зосима привез с собой. Она аж светилась серебристым светом.

– За что пьем? – спросил я, улыбаясь; Зосима любил разные тосты.

– Дык, это, за нее...

– За удачу?

– Ну...

– Присоединяюсь. Она мне нынче очень нужна.

Мы выпили, потом повторили, затем мне принесли пиво, и я отдал должное вяленой рыбке... Так мы просидели в пивной часа полтора, пока Машка не напомнила, что пора и честь знать.

Она подошла прямо к окну пивной и требовательно заржала.

– Вот прошмандовка! – взвился Зосима. – Отвязалась...

– Крепче надо было вязать.

– Дык, этой скотине любой узел нипочем. Как она это делает, ума не приложу.

– Что ж, труба зовет. Сейчас расплачусь, и поедем.

– Ты денежки-то спрячь. Сегодня я угощаю.

– Ого... Неужто выиграл в лотерею?

– Пенсию получил. Много. Президент личным указом повысил ветеранам довольствие почти в два раза. Хороший человек.

– С чем тебя и поздравляю. И мне хорошо – будет у кого занять.

– Хе-хе... Шутишь...

– У каждой шутки есть доля правды. Все, пойдем. Иначе Машка разнесет эту халабуду. Она не любит ждать.

– Убил бы заразу...

Я только ухмыльнулся. Как же – убил бы... Весь оставшийся хлеб со стола по карманам рассовал, сейчас будет кормить. Машка к белому хлебу неравнодушна...

Обратная дорога показалась мне гораздо приятней и веселее. Оно понятно – на финскую водку высшей очистки, которой угощал меня Чиж, пролилась еще и наша, местная. При смешении получилась адская смесь, напрочь лишившая меня обычной осторожности и благоразумия.

Мы ехали и болтали. О чем? Какой тут секрет – конечно же, о делах деревенских; разговоры о политике не любят ухабов и колдобин, от которых мысли в голове бултыхаются, словно жидкость в миксере. Проблемы мирового значения мы с Зосимой обычно обсуждаем на охоте, когда наступает время привала.

Я наконец рассказал Зосима, почему пришел к нему ночевать.

– Что ты говоришь!? – испугался и одновременно сильно удивился Зосима. – Змеи в избе... Да такого отродясь в нашей деревне не водилось. Ужи иногда заползали – да, было. Так ведь они мышей ловили, у нас никто их не боялся. Даже прикармливали – блюдечко с молоком возле порога ставили. Но чтобы змеи... ни-ни! В наших краях их не так уж и много. Ты сколько раз встречал гадюк, когда охотился?

– Не помню такого случая. По-моему, ни разу. Ужи попадались.

– Вот-вот, и я об этом. У гадюк с ужами вражда. Где много ужей, там змеям делать нечего. А тут... поди ж ты...

– Как думаешь, почему их потянуло в мою обитель?

Я намеренно не высказал Зосима свои предположения. Меня интересовало его мнение.

– Дык, мне кажется, все это неспроста... – осторожно ответил Зосима.

– Ты не вилай, говори прямо.

– Его шулки, – уверенно заявил Зосима, не называя имени; он знал, что я пойму. – Говорил я тебе – ведьмак он. Ведьмак! Ох, чужало мое сердце недоброе...

– Придется сразиться с нечистой силой, – заявил я бодро, хотя на душе вдруг стало муторно.
– А что поделаешь? Выход какой-нибудь есть из создавшегося положения?

Зосима немного помыслил, затем обругал Машку, – отвел душу – и ответил:

– Не вижу выхода. Не знаю, что и думать...

– Может, батюшку из района пригласить? Пусть окропит углы моей избы свяченой водой, молитвы почитает...

– Поможет эта вода тебе... как дураку припарка, – сердито пробурчал Зосима.

Он не очень жаловал попов. Его нелюбовь к святым отцам зиждилась на коммунистических представлениях о церкви, которые большевики буквально вдавливали в головы крестьян в двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия. Пропаганда была, будь здоров.

Но больше всего Зосиму отвратил от священнослужителей случай из его личной жизни. Об этом Зосима не любил говорить, но я выпытал все у бабки Дарьи.

Оказывается, какой-то бравый поп Тимошка увел у Зосимы, когда ему было двадцать годков, любимую девушку, красавицу, как доложила мне по секрету бабка Дарья. Потому Зосима так долго и ходил в холостяках.

Что ж, я его понимаю...

– Тогда мне остается взять ствол и положить на хрен всю эту черную роту – всех до единого, – сказал я сердито. – Во главе с ведьмаком. Для него я специальную пулю отолью. Не пожалею для такого дела и дареной серебряной ложки, которая дорога мне как память.

– Не дури, – строго сказал Зосима. – Еще чего... Жизнь на свободе надоела?

– Так ведь не дают спокойно жить.

– А не надо было ходить там, где не нужно.

– И от кого я это слышу!? Ты сам наведни говорил мне, что ходил тайком к избе Киндея. И не только ты. Вон и у Коськиных рыльце в пушку, а может, и еще кто-то полюбопытствовал. Но им почему-то змей не подбрасывали. А вот мне подкинули. Со знанием дела, между прочим. Все психологически выверено до тонкостей.

– Потому, что только ты представляешь для них опасность.

– То есть, этот черноризец-ведьмак не успокоится, пока не выживет меня из деревни...

– Похоже на то.

– Вот падло!... – Я добавил еще несколько крепких словечек. – Не было печали... Других проблем по самое некуда, а тут еще черный хмырь вырос в моем огороде как гриб-поганка.

– Надо что-то придумать...

– Конечно, надо. Но что? Мне почему-то не хочется менять место жительства. И уж тем более я не спешу к праотцам. Как к этому ведьмаку подступиться? Я тут кое с кем потолковал, так мне прямо сказали, что в области у него имеется мощная волосатая лапа. Все, приплыли. Как говорится, против лома нет приема.

– Да-а... – задумчиво протянул Зосима и потянулся за сигаретами.

Я последовал его примеру. Какое-то время мы ехали молча, с отрешенным видом созерцая окрестные пейзажи, а затем я изменил тему разговора, чтобы не бередить себе душу:

– А мальчонка-то, оказывается, и впрямь здесь был.

– Ась? – встрепенулся Зосима. – Какой мальчонка?

– Это я про монаха Авеля говорю. Иносказательно. Похоже, Кондратка не фантазирует.

– Ну и пусть его... Тебе-то что до этого Авеля?

– Да понимаешь, мне кажется, что вся эта каша заварилась именно из-за его рукописной книги.

Зосима недоверчиво фыркнул.

– Кому она нужна? – Зосима сплюнул. – И где ее искать?

– Наверное, некоторые штатские знают где. Ишь, по болотам каждый божий день строем вышивают.

– Хе-хе... Пусть ищут. Если на болотах и были какие-нибудь бумаги, то их Машка уже давно сожрала. Она большая любительница жевать, что ни попадя. А по болотам ходит, как Христос по воде. Прямо удивляюсь... Но я так думаю, что ведьмак на золотишко, на Киндеев клад нацелился. Не зря он на его избу глаз положил.

– Может быть и так. Поди знай. А спросить – руки коротки. Пока коротки... – Я поймал на лету стрекозу и залюбовался ее ажурными крылышками. – Но это еще не все, – сказал я после некоторых колебаний. – Сдается мне, что американец, который водил команду ведьмака по болоту, состоит на службе в одной очень известной «конторе», называющейся кратко и емко – ЦРУ.

– Ох ты, боже мой! А им-то что здесь нужно?

– Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, – ответил поговоркой преферансистов. – Им во всем мире что-то да нужно. Везде свой нос суют.

– И ты не сказал мне, кто он таков... – В голосе Зосимы явственно прозвучала укоризна.

– Да как-то времени не было...

– Ну да. Совсем не было.

– Не обижайся. Пока это просто догадка. Правда, вполне обоснованная. У меня на таких фраеров нюх – как у тебя на глухарей. Остается открытым лишь твой вопрос: что забыло ЦРУ в нашей тмутаракани? Я почему-то не думаю, что у них появились проблемы с золотым запасом, и ЦРУ послало своего сотрудника поправить финансовое положение Америки за счет Киндеева клада. У «наших американских друзей», как говорит наш президент, хитро улыбаясь, сейчас главная проблема Ирак, который ну никак не хочет ложиться под дядю Сэма.

– Может, и впрямь ищут книгу этого Авеля?

– Я уже об этом думал. Не исключено. Но зачем она нужна американцам?

– Дык, это, дорогая, наверное...

– Да уж, не дешевая... если толкнуть ее с аукциона. Допустим, мотив, которым руководствуется ведьмак-черноризец, разыскивая рукописную книгу провидца Авеля о пришествии антихриста, более-менее понятен. Он ведь сатанист, судя по всему. То, что этот сукин сын стакнулся с американцами, тоже не удивительно. Знать, янки пообещал ему за книгу большие бабки. С рукописи ведь можно сделать копию, большего для сектантов и не надо. Для них главное знать, когда наступит конец света. Чтобы повеселиться всласть и сплясать на костях истинно верующих канкан. И все же, все же...

– Что тебя смущает?

– Все тот же американец. Ну нечего ему здесь делать, нечего! И книга, и мифический клад –

все это семечки, возможно, блеф. А ЦРУ, что ни говори, «контора» серьезная, зря своими сотрудниками рисковать не будет. Тем более, где – на территории России. Это какой же скандал поднимется, если этого янки поймают на горячем. А он уже преступил закон. Не думаю, что у него есть разрешение заниматься археологическими раскопками, да еще в нашей глубинке.

– Надо заявить, – не очень решительно предложил Зосима. – Там разберутся.

– Тебе хочется в район на допросы к гэбистам ездить через день?

– Нет! – быстро ответил Зосима.

– Мало мы прошлый раз помаялись... Едва под фанфары не загремели. Хорошо, что нашлось кому нас прикрыть своим прочным щитом. «Конторе» только попади на зубок. А если все то, о чем мы сейчас тут треплемся – плод нашей фантазии? Что если американец и впрямь ищет вместе с черноризцем клад Киндея, притом вполне официально, с нужными бумагами? У нас можно выправить любые документы, плати только бабки.

– Да, такое может быть...

– Вот и я об этом. Поиски клада – это не криминал. А шпионскими штучками тут и не пахнет. Возможно, этот янки и впрямь сотрудник ЦРУ, но бывший, который загорелся идеей подлататься за счет России, на которой он в свое время все зубы съел. Получается двойная выгода: и здоровье можно поправить на природе, и, если повезет, набить карманы. То есть, с этой стороны все нормально. Книгу Авеля ищут? Трижды ха-ха! Трудно найти то, чего нет и в помине. Судя по информации, которую мне удалось раскопать, его книга пророчеств сродни апокалипсису: то ли он будет, то ли нет; то ли она и впрямь написана, то ли это байки дореволюционных обывателей и монашества.

– Дык, это, конечно... – соглашался Зосима.

– Что касается сатаниста, то в этом вопросе у нас вообще руки короткие. Официально его из деревни не выкурить. В этом я уже уверен. Это настоящая зараза, раковая опухоль на здоровом теле нашего райского местечка.

– Совсем плохо...

– Куда уж хуже. Мне, конечно, хочется немного попартизанить, чтобы прижать эту черную роту к ногтю, и я бы это сделал, да вся беда в том, что меня хорошо знают местные органы, которые, случись какое-нибудь ЧП с членовредительством, первым же делом начнут трепать нервы бедному Иво Арсеньеву.

– Это понятно. К Дарье не пойдут...

– И к тебе тоже. Разве что за самогоном.

– Тебе что, не нравится мой самогон? – с легкой обидой спросил Зосима, решив, будто я на что-то намекаю.

– Нравится. Только после него утром голова чугунная, а глаза оловянные. В общем – полный маразм. Бестолковка в ауте. И ноги тряпичные.

– Надо настоять на других травках, – озабоченно хмурясь, сказал Зосима.

– А этот замес ты что, готовил не для питья, а для травли тараканов?

– Дык, кто же знал, что ты приедешь? Для нас и такой самогон сойдет, а вам, городским,

подавай чистую слезу. Вы там к этой... виске американской привыкли и теперь свое, родное, не так пахнет.

– Не заводись. Считай, что я пошутил. Просто вчера мы все-таки несколько переусердствовали. Это нас Кондратка завел.

– Он такой... – Зосима оттаял.

На этом наши разговоры и закончились, так как дорога пошла совсем отвратительная, и нам пришлось слезть с телеги, чтобы помочь Машке выбраться из очередной линзы, заполненной доверху липкой грязью.

В деревню мы въехали на закате.

Глава 17

Нельзя сказать, что ночью я спал как убитый. Воспоминания о мерзких ползучих тварях все время будоражили мое сонное воображение, и я время от времени (наверное, через каждый час) подхватывался как ошпаренный.

Я решил ночевать дома. Никак нельзя было показывать черноризному ведьмаку, что в моем сердце поселился страх. Запуган – уже побежден.

И все равно назойливая, как пьяная проститутка, тревога не покидала меня весь вечер, а затем и ночь. Есть такое выражение – на душе кошки скребут. Так вот, они у меня не просто скребли-царапали, а рвали когтями по живому, до крови.

Прежде чем выполнить команду «отбой» я перетряхнул все свои вещи, обшарил (в который раз!) все углы и потаенные места в избе. Я должен был точно знать, что в моем бунгало, кроме меня, нет ни одной живой твари. (Паучки не в счет; я к ним относился достаточно благожелательно, а поймав, осторожно, чтобы не покалечить, выбрасывал на улицу).

Убедившись, что все чисто, я потушил свет, выглянул в окно (на дворе было видно, как днем, потому что наступило полнолуние), и лег в постель с таким чувством, словно нырнул в прорубь.

Обошлось. Никто меня не потревожил и не укусил. Впрочем, теперь змеи мне были уже не страшны. Так сказать, в принципе.

Дело в том, что, покинув Интернет-кафе, я по дороге к пивной сначала зашел в больницу и выцыганил у девчат-медсестер (понятное дело, не задаром) три ампулы сыворотки.

Змей и впрямь в нашей местности было немного, но все равно иногда грибки попадали в неприятные истории с укусами ползучих гадов. Поэтому запас сыворотки в райбольнице был, и она не считалась большим дефицитом.

Но даже защищенный таким образом от летального исхода, я все равно чувствовал себя как в разведке. И это в своем доме!

Мать бы его так, этого ведьмака...

Следующее пробуждение – где-то в четвертом часу – было ужасным. Я открыл глаза, посмотрел на окно – и едва не спрятался, как в детстве, под одеяло, укрывшись с головой.

Во дворе творилась самая настоящая чертовщина. Там кривлялись и безобразничали какие-то полупрозрачные светящиеся амебы. Они то опускались к самой земле, то взмывали вверх, где их растворял лунный свет.

Что это!? Чувствуя, как мои волосы на голове встали дыбом, я собрал остатки мужества, встал, и на нетвердых ногах подошел к окну.

Нет, мне ничего не привиделось. Безумный хоровод призраков продолжал кружить в фантазмагорическом танце. Мало того – амебы начали приближаться к избе с угрожающей настойчивостью.

Я пребывал в шоке. Можно сколько угодно быть атеистом и не верить в потусторонний мир, но когда на твоих глазах рушатся устои здравого смысла, и ты понимаешь, что не все в этом мире так просто, как кажется с первого взгляда, то поневоле перекрестишься и уверуешь.

Сил перекрестить у меня не было. Мои руки стали такими тяжелыми, словно налились свинцом. У меня было состояние как во время дичайшего похмелья: голова ничего не соображала, в горле пересохло, в глаза словно песка насыпали, а по телу будто каток для укладки асфальта проехал.

Но и это было еще не все. То, что произошло дальше, совсем меня доконало. Нечаянно оглянувшись (мне трудно было оторвать взгляд от картины за окном), я вдруг увидел, что светящиеся амебы начали проникать в избу!

Они появлялись прямо из стен, и, вырастая в размерах, начали циркулировать по горнице вместе с потоками воздуха. Это уже было выше моих сил. Издав нечленораздельный крик, я выскочил на улицу (при этом едва не выломал дверь) и бросился бежать, не разбирая ни дороги, ни направления.

Ужас гнал меня минут пять. Я бежал с большой скоростью (вернее, мне так хотелось думать), но все равно казалось, что ноги двигаются недостаточно быстро. Я словно плыл по воздуху, перебирая ногами, а не бежал – как во сне.

Опомнился я уже в воде. Что меня толкнуло прыгнуть в озеро – не знаю. Но холодная вода мигом остудила мою голову и вернула способность более-менее здраво мыслить.

А потом я начал рвать, как после отравления. Меня выворачивало наизнанку минут пять. Хорошо, что воды было под рукой – хоть залейся. Вырвав, я начинал жадно пить воду, затем опять рыгал, потом снова пил...

В конце концов, мой желудок очистился как те самые Авгиевы конюшни, над которыми упирался Геракл, пустив в них воду из реки через вырытый им канал. Голова просветлела и мысли, наконец, обрели способность выстраиваться в логический ряд.

Действительно, что это было? Бред, навеянный стрессовым состоянием?

То, что появление змей было для моих нервов серьезной встряской, не секрет. Нервов, которые и так порушены «безмятежной» семейной жизнью и эмоционально тяжелым прессом большого города, задыхающегося в выхлопных газах, запахах плавящегося на солнце асфальта и миазмах, исходящих от мусорных баков.

Но если это не бред, то что?

Выбравшись на берег, я рухнул в траву совершенно без сил. Сейчас меня мог бы придушить даже младенец. Одной рукой. У меня было состояние как после тяжелой болезни. Словно я провалялся в коме месяца два.

Я лежал, глядел на светлеющее небо, и вяло размышлял. Ведьмак, думал я, это все он. Уверен. Это его штучки. Но как он смог вызвать столько призраков? Да и вообще – существуют ли призраки на самом деле?

А то как же. Ты сам только что видел. И бежал от них, как заяц.

Нет, это невозможно! Нет никакой мистики! Все это чушь собачья! Тебе все привиделось. Меньше пить нужно.

Заметано – с завтрашнего (пardon – сегодняшнего) дня только пиво. Самогон и виски предназначены для настоящих мужиков. Таких, как Зосима. А ты, Иво Арсеньев, слюнтяй, ипохондрик, почти шизофреник и вообще слабак.

Но как же хочется спать. Глаза слипаются. Спать... Спа-а...

– Загораете?

Я подскочил, словно ужаленный. Надо мною голубело небо, солнце уже вышло из-за дальних лесов, а в озере плескалась рыба, доплясывая зорьку.

Голос доносился откуда-то сверху. Я ошалело покрутил головой и наконец заметил возле себя пару сандалий как минимум сорок седьмого размера. В них торчали ноги без носков – тощие и волосатые, которые тянулись вверх как два столба.

Я поднял голову – и увидел улыбку Чеширского кота. Надо мною парило лицо Кондратки, которое лучезарно и одновременно загадочно улыбалось.

Только встав на ноги, я заметил, что на мне, кроме спортивных хлопчатобумажных трусов, ничего нет. Да и те были изгвазданы в иле до непотребного состояния. Ну и видик...

– В общем... да, – ответил я, с трудом выдавив из себя ответную улыбку.

– Отличная погодка, – бодро заявил Кондратка.

– Не то слово...

Кондратий Иванович был одет в рубаху-гавайку невысказанно яркой и пестрой расцветки (наверное, привез ее из дальних странствий) и выдавшие виды коротенькие шорты, которые, похоже, сохранились у него еще со студенческих лет.

– А я вот рыбку решил поудить, – сказал Кондратка.

– Хорошее дело...

– Главное, полезное, – снова заулыбался Кондратка. – Рыба – богатый источник фосфора. А он благотворно влияет на мышление. Рыба для человека науки – это Клондайк, золотая жила творческих замыслов и новых открытий.

С какой это стати у него такое отменное настроение? Неужели ненасытного Кондратку кто-то успел накормить до отвала прямо с утра? Если это так, то тут без Зосимы точно не обошлось.

Что же это он, старый хрыч, нашу охотничью добычу так разбазаривает!? Непорядок. Надо сделать внушение.

– Вы знаете, какая штука случилась ночью? – понизив голос и оглядываясь по сторонам, едва не шепотом спросил Кондратка.

– Откуда? – Вопрос был, что называется на засыпку, и я решил прикинуться шлангом. – Я, знаете ли, по ночам... сплю.

– Я тоже. Но тут такое...

Блин! Кондратка снова улыбнулся – с совершенно счастливым видом. Неужто ночные призраки подбросили ему рукопись монаха Авеля? Облагодетельствовали хорошего человека.

– Тут такое было, – продолжал Кондратка. – Вся деревня взбудоражена.

– Из-за чего?

Меня все больше и больше начал разбирать интерес к его таинственно-счастливому виду. Куда он клонит?

– Здесь появились призраки!

Ага! Значит, ночные видения – это не моя личная галлюцинация. Значит, в этом что-то есть.

– Допустим. Но вы-то чему радуетесь? Какая вам от них корысть?

– Позвольте – вы что, не удивлены!? – Кондратка даже подскочил на месте. – Даже самую малость?

– Мил человек... – Я позволил себе снисходительно улыбнуться, хотя губы почти не растягивались. – Я не верю в призраки и всякую чертовщину. Может, это были огни святого Эльма. Это когда болотный газ начинает ночью гореть. А у нас тут кругом одни трясины и бездонные бочажки.

– Нет, это призраки! – настаивал Кондратка.

– Вы их сами видели?

Кондратка смешался, но все-таки ответил правду:

– Нет, мне рассказывали.

– Кто? Неужто Зосима?

– Старики... как их... Ну эти... которые живут там... – Он махнул в сторону деревеньки, словно пальцем в небо попал.

– Коськины, – сказал я с полной уверенностью.

– Да-да-да! Они.

– Мать моя женщина... Нашли кому верить. Это самые большие балаболки на всю округу. Для них сотворить «сенсацию», что вам сходить в туалет по маленькому.

– Пусть так, – не сдавался Кондратка. – Но об этом говорят и другие. И не только местные, но и приезжие – дачники.

Нужно сказать, что постепенно, год за годом, пустующие избы начали заполняться городским народом. Происходила встречная миграция: деревенские рвались в благодатный, по их разумению, город, к теплым сортирам, а горожане стремились прикупить себе дачку на природе, чтобы отдохнуть от суматошной индустриальной жизни.

Зимой дачники в деревню почти не заглядывали. Ну разве что очень немногие – на Новый год и на Рождество, чтобы отвести душу стрельбой, пусками ракет, катанием по льду озера и распитием огромного количества спиртного, что в городе невозможно в принципе – крышу сорвет.

А на природе ничего, пей, хоть залейся; даже похмелье не такое жестокое. Наверное, чистый лесной воздух способствует быстрой перегонке спирта внутри организма на разные отходы.

Летом же владельцы некогда пустующих изб приезжали сюда почаще; нередко и со своими малолетними отпрысками. Иногда их бывало так много, что мы с Зосимой, не сговариваясь, уходили в леса недели на две – чтобы не оглохнуть от детского гвалта.

Но такие беспокойные моменты на моей памяти случалось редко. Два года назад, когда я съезжал отсюда вместе со своей будущей женой Каролиной в город, большая часть пустующих изб была еще не продана. Сейчас картина изменилась – чужих людей появилось значительно больше.

Одна радость – сюда приезжал в основном люд небогатый, тихий, спокойный, который любил природу не за то, что можно безнаказанно творить всякие безобразия, а за ее неповторимую красоту, приносящую облегчение исстрадавшимся душам, и за возможность уединения, что в нынешнем мире дорогого стоит.

В общем, новых деревенских сидельцев я практически не знал и не видел. Интеллигентный народ – в друзья не набиваются...

– Ну, если уж и дачники говорят... Значит, в этом что-то есть. Но я хочу вернуться к моему вопросу: что вас так обрадовало? Ведь появление призраков, если верить английским легендам, не сулит человеку ничего хорошего.

– Глупости! Это всего лишь легенды, притом заграничные. У славян все наоборот: появился призрак – жди чего-нибудь необычного, возможно, какой-нибудь прибыли.

– Например, кто-то даст ночью по башке, – подхватил я с иронией. – Или нечистая сила понесет на болота, где сплошные трясины. А там и каюк. Вот и вся прибыль. Необычное не значит доброе, хорошее.

– Вы не понимаете!... – горячился Кондратка. – У меня есть данные, что книгу пророчеств Авеля охраняют духи.

– Ну и что? Пусть себе охраняют. Вы ведь еще не нашли ее. А значит, духи-призраки могут пока быть спокойны.

– Да, пока не нашел. Но, судя по реакции потусторонних сил, подошел к этому моменту очень близко. У меня, знаете ли, есть своя метода... – начал было Кондратка, но тут же прикусил язык.

Бойтся, что я опережу его, мелькнула мысль у меня в голове. Я рассмеялся – на этот раз не натянуто, а с непонятным облегчением и совершенно искренне.

– Кондратий Иванович, позвольте вам доложить, что я не горю желанием отыскать записки Авеля. Мне они ни к чему. Так же, как и сомнительная (уж извините, я так думаю) слава человека, который выставит на всеобщее обозрение финишную ленточку для народов всего мира. Вы считаете иначе – это ваше право. Дерзайте. Но я вам не конкурент. И не помощник; это к слову.

– Извините, я просто... кх-кх! – смущенно прокашлялся Кондратка. – Знаете, всякие люди бывают...

– Бывают. Еще как бывают. Я понимаю вас и не обижаюсь. Но повторяюсь – мне до лампочки ваш монах. Меня совершенно не интересует ваш метод поисков рукописи. Я приехал сюда отдохнуть от мирской суеты. И не более того.

– Спасибо! – неизвестно за что поблагодарил меня Кондратка с проникновенным видом. – Вы хороший человек. Мне так и Зосима говорил. Вам можно верить.

– Хороший человек – не профессия. И даже не призвание. Это рок. Хороший человек – это тяжкий груз, большой недостаток. Иногда очень хочется стать хотя бы на короткое время плохим, чтобы наказать еще более плохого, а совесть связывает руки и затыкает рот. Вот и борись потом с врагами, когда внутри тебя сидит такой «крот».

Говоря это, я принял эффектную с моей точки зрения ораторскую позу, но тут вовремя спохватился, что стою перед Кондраткой весь помятый, практически голый – в одних грязных трусах, и быстро закруглил свои «умные» речи.

– Извините, мне надо домой... позавтракать, – буркнул я смущенно и быстрым шагом направился к своей избе.

Мое жилище встретило меня распахнутой настежь дверью и мертвой тишиной. Это когда «и покойнички с косами стоят», вспомнил я фильм «Неуловимые мстители». Жуть.

Потоптавшись с минуту в нерешительности возле порога вместе с молодым ежиком, который оторвался от родителей и отправился в самостоятельное путешествие, я все же собрался с духом и зашел внутрь.

Все было на прежних местах. В том числе и моя смятая постель. Я созерцал свое бунгало с каким-то мистическим чувством. Я, конечно, прагматик и в какой-то мере атеист, но вчерашние события несколько поколебали мою уверенность в том, что все рассказы о встречах с потусторонними силами – бред сивой кобылы.

А вдруг?

Я стоял и думал: смеяться мне сейчас над своими страхами или быстренько одеться, снова захомутать Зосиму с его ненаглядной Машкой, и привезти из района батюшку, как я уже намеревался ранее, после случая со змеями, чтобы он побрызгал, где надо, свяченой водой. Вдруг поможет.

В голове не было ни одной толковой мысли. Только какая-то зажатость. Нет, не страх – чего бояться человеку, который ходил со смертью под руку лет десять?

Но одно дело, когда тебя поражает благородный металл (для солдата свинец самый уважаемый и почитаемый металл), а другое – когда одолевает аморфная неосязаемая нечисть, посягающая не на тело, а на твою бессмертную душу.

И все равно надо было что-то предпринимать. И кстати, позавтракать. Любовь – любовью, страх – страхом, а кушать хочется всегда. Тем более после такого нервного стресса.

Но прежде чем приступить к водным процедурам, а затем стать возле кухонной плиты, я снова тщательно обшарил всю избу – в поисках ползучих гадов, которые теперь мерещились мне на каждом шагу.

Все было чисто, я принял душ (никогда с таким остервенением не тер тело мочалкой – словно хотел содрать кожу), и начал колдовать над сковородкой – готовил жаркое.

Стук в дверь застал меня настолько внезапно, что я даже шарахнулся в сторону – словно ждал, что сейчас в горницу забросят гранату. Да что же это со мной творится!? Нервы до

такой степени натянуты, что вот-вот на хрен порвутся.

Нет, так дело не пойдет! Надо что-то предпринимать.

В избу ввалились старики Коськины. Баба Федора была как с креста снятая: взгляд безумный, волосы под сбившимся набок платком всклокочены, а рот ритмично открывается-закрывается – словно у выставочного робота, которого забыли озвучить.

– Что с вами? – воскликнул я с фальшивым удивлением.

Мог бы и не спрашивать. Похоже, ночью на них тоже наехала нечистая сила. Дела-а...

– Ва-ва... Ву-ву... – Баба Федора пыталась выпалить целую речь за две-три секунды – как специальное шифровальное устройство-передатчик, но ее переклинило.

– Замолкни! – вдруг подал голос обычно пребывающий на вторых ролях дед Никифор. – Я шшас все объясню. У нас тут плохи дела, Иво. Нечистая сила объявилась. Страху ночью натерпелись... – Он истово перекрестился на угол, где должны были находиться иконы. – Спаси нас, Господи.

– Вы верно сказали. Если деревню и впрямь посетила нечистая сила, то это не в моей компетенции. В таких случаях только высшие силы помогают. Я так понимаю, вы пришли ко мне за помощью?

– Ага, ага! – дружно закивали Коськины.

– Вот я и ответил вам. Но мне хотелось бы послушать, как все было. Интересно, знаете ли...

Рассказывала баба Федора, которая наконец пришла в себя. Похоже, мое бунгало подействовало на нее как успокоительное лекарство. Видела бы она гадюк, которые совсем недавно устроили здесь пикник...

У Коськиных была такая же картина, как и та, что я наблюдал. Бесформенные светящиеся амебы заполнили весь двор, а затем начали заползать в избу. Старики даже убежать были не в состоянии; они лишь с испугу забились под кровать, где и потеряли сознание.

Очнулись дед и баба только утром, когда взошло солнце. Их тоже, как и меня, рвало.

– ... Матерь божья, не оставь нас в своих милостях! – закончила свое повествование причитанием баба Федора.

Но креститься не стала; наверное, по запарке забыла. А может, из-за отсутствия у меня иконостаса.

– А вы вчера, случаем, не того?... – Я выразительно щелкнул себя пальцем по горлу. – Иногда, знаете ли, такие глюки бывают...

– Господь с тобой! – воскликнула баба Федора. – Да когда же такое с нами было!?

В конец фразы вкрались фальшивые нотки, я мысленно рассмеялся (было, было, даже на моей памяти...), но все равно поверил ее рассказу на все сто процентов. Симптоматика была схожей.

– Допустим, все происходило так, как вы сказали...

– Точно, точно, так все и было, право слово! – в один голос воскликнули старики.

– Да верю я, верю. Но чем же я могу вам помочь? С нечистой силой ни пулями, ни сталью не

справиться.

– Иво... – Бабка испуганно оглянулась, словно за ее плечами стоял кто-то незримый и страшный. – Иво, это все ведьмак... – продолжила она свистящим шепотом.

– Кто таков? – прикинулся я несведущим.

– Ну, из этих, что у Киндея. Главный... – Бабку вдруг затрясло и она начала заикаться. – О-он с-страшный... Высокий т-такой, ростом с тебя. Глаза г-горят. К-как глянет, н-ноги подгибаются. Одно слово, в-ведьмак.

– Успокойтесь. Все, что вы тут наговорили, не более чем домыслы. Это ваше пугало – просто руководитель секты. Плохой секты – факт. Но не более того. А то, что он надувает щеки с грозным видом, это всего лишь блеф. Просто ему хочется выглядеть более значимым, чем на самом деле. Чтобы его все боялись. Ну, есть такой бзик у человека, что с этим поделаешь. К тому же положение обязывает. Смотрите на него как на мрачного клоуна. Пусть себе смешит публику разными ужасиками. А что касается светящихся призраков, то, скорее всего, это какая-то физическая аномалия. Такое случается. Особенно в отдаленных от города местах. Я сам в газете читал...

Я болтал, как попугай, стараясь успокоить бабушку Федору и деда Никифора, и сам себе не верил. А что тогда говорить про стариков. Они тупо заглядывали мне в рот, словно ожидали, что оттуда вылетит, по меньшей мере, птица-феникс и защитит их от всех напастей.

Но уже в изрядно выцветших от времени стариковских глазах стояли смертная тоска и неверие, несмотря на мои ссылки на газеты, которым дед и баба все еще продолжали доверять, приученные к этому бывшим коммунистическим режимом.

Вот гад, этот ведьмак! Таких людей может угробить за здорово живешь...

Старики как дети – непосредственные, добрые, хотя и капризные. Но они имеют право на капризы, заслужили всей своей жизнью. И к этому нужно относиться снисходительно, по-доброму, а не брызгать пеной изо рта, доказывая, что они не правы и что их место на полатах в темном углу.

Коськины ушли, что-то озабоченно бубня себе под нос. Я тяжело вздохнул им вслед и продолжил занятие стряпней.

Меня обуревали темные мысли, которые заполнили всю голову, словно монтажная пена, не оставив ни единого светлого пространства.

Глава 18

Явился Зосима. Он вошел в своих бахилах как статуя Командора, но, заметив мой строгий взгляд, которым я одарил его, не проронив ни слова, поздоровался вежливо, сел у порога на специально поставленный там для него табурет, и, кряхтя, снял свою обувь.

Он имел такую привычку – чапать в своих грязных сапогах по моему полированному деревянному полу, который стоил дороже всех изб в деревне; по крайней мере, мне строители предъявили счет за полы на такую сумму, что я потом полдня икал от изумления.

– Варганишь обед? – поинтересовался Зосима, заглянув в сковородку из-за плеча.

– Завтрак, – ответил я коротко.

– Да ну? – удивился Зосима, посмотрел на часы, а затем, для верности, еще и на солнце, выглянув в окно.

Солнечный диск и впрямь уже докатился почти до зенита. Это все Коськины. Они так могут заболтать человека, что он забудет, где у него правая рука, а где левая. Ну, а про время и говорить нечего.

Как-то в городе мне довелось увидеть рекламу пива, где было заявлено, что с каким-то пивом время летит незаметно; сел пить его летом, а поднялся из-за стола под Новый год. Кажется, так, или что-то в этом роде.

В отличие от остальной массы населения нашей страны, я поверил рекламе сразу и бесповоротно. Нет, не во вкусовые качества суперпива, как их расписывали составители рекламных текстовок, а в то, что время – понятие весьма относительное; в тот момент я как раз вспомнил о стариках Коськиных.

Я сам несколько раз подпадал под их дьявольское обаяние, особенно сначала, когда только купил свое бунгало. Как-то совершенно случайно я сел слушать их бесконечные байки в обед и очнулся только вечером. Прошло часов пять-шесть, а мне показалось, что минут двадцать. Меня словно заморозили.

Факир занимается тем же, что и старики Коськины, только без слов, – водит туда-сюда своей дудочкой перед носом кобры, и змея поневоле впадает в транс.

– Есть будешь? – спросил я, установив сковородку с жарким посреди стола.

Тарелки в горке стояли у меня лишь для вида. Как только я подумаю, что их надо будет еще и мыть, у меня сразу отпадает охота корчить из себя воспитанного человека – всякие там судки, тарелочки, вилочки, ножи, бокалы, салфетки, полевые цветы в вазе...

Это все хорошо, когда у тебя есть прислуга. Иди жена. А холостяку такие заморочки нужны, как зайцу стоп-сигнал. В этом и заключается одна их главных прелестей холостяцкой жизни: хочу – ем из кастрюли или сковородки, хочу – стоя или лежа, а стол застилаю старой газетой, исполняющей роль одноразовой скатерти...

И никто меня не упрекнет, что накрошил в постель, что не помыл ложки-плошки, что выпил больше, чем нужно, и не по расписанию. И не благородное сухое вино из далекой Франции, а русскую самопальную водку, которая проникает даже в кость, после чего можно выпасть с пятого этажа без ущерба для здоровья – сам читал о таком случае.

– Дык, это... – Зосима поискал что-то глазами.

– А не рано ли? – пронял я, о чем говорит его ищущий взгляд.

– Нам, пенсионерам, все равно, – с подковыркой ответил Зосима.

Нам! Чертов дед! Да я по сравнению с ним сущий младенец. Интересно, на что это он намекает?

– И то верно, – согласился я без лишних прений.

Посмотрим, что этот вредный старик дальше запоет...

Достав из холодильника остатки «городской», я разлил водку по рюмкам и сказал с сожалением:

– Маху мы с тобой дали...

– Ты о чем? – забеспокоился Зосима.

– Все о том же. Надо было, когда ездили на станцию, прикупить ящик беленькой. Эта бутылка, между прочим, последняя.

– И мне нужно бражку заводить, – мрачно сказал Зосима. – Весь самардык вышел. В избе шаром покати. Это все Кондратка. Неумный в этом деле человек. Пьет, как моя кобыла воду. А главное – почти не пьянеет. И ты, кстати, мало привез. Поленился?

– Я же не Машка. Это она может полтонны тащить.

– Ну да... Чижело.

– Пей... страдалец. Не тяни время. У меня уже кишки марш играют.

Только сейчас, глядя на сковородку с мясом, густо пересыпанным луком, я понял, что зверски голоден. Еще бы – все содержимое моего желудка еще ночью благополучно пошло на корм озерной рыбе.

Мы ели в полном молчании, что само по себе удивительно. Обычно за обедом у нас всегда находится какая-нибудь злободневная тема, которую мы неторопливо обсасываем со всех сторон; а куда спешить?

Насытившись, я потянулся за сигаретами и спросил:

– А ты почему не рассказываешь о ночных призраках? Коськины уже отметились с утра пораньше.

– Что за призраки? – встревожился Зосима.

– Ты что, ничего не знаешь?

– Дык, это, я совсем не в курсе...

– Понял. Ты и вчера с Кондраткой гужевал.

– Ну... так получилось...

– А потом дрых без задних ног. Когда ты спишь, то тебя и с пушки не разбудишь.

– Так ведь здоровый сон – лучшее лекарство от всех немочей.

– Что верно, то верно... – Я вспомнил свои ночные приключения, и у меня снова мороз побежал по коже.

Теперь точно крепкий и здоровый сон надолго оставит мое бунгало. Такие стрессы даром не проходят. Уж я-то об этом знал. Несколько моих товарищей по оружию, возвратившись после выполнения одного экстремального задания, почти год лечились у психиатра.

Хорошо, что в тот момент я сидел сначала на гауптвахте за оскорбления вышестоящего начальства, а потом меня понизили в звании и на некоторое время отстранили от работы «в поле».

– Расскажи, что там случилось, – попросил сильно встревоженный Зосима.

– Не где-то там, – поправил я своего друга, – а здесь, у нас...

И я вкратце рассказал ему про свои ночные злоключения и о том, что мне поведали старики Коськины.

Зосима был сильно напуган. Он даже в лице изменился. Таким я еще его не видел.

– Э-э, дед, ты чего!? – Я тряхнул его за плечи. – Приди в себя. Подумаешь, какие-то пузыри летали. Это же не снаряды. И вообще – тебе-то чего бояться? Ты сам говорил, что с детства замороженный, что тебя никакая зараза не возьмет.

– Я так и знал... – Зосима едва шевелил побелевшими губами. – Мне ДЕРЕВО сказало. Не будет нашей деревни, изничтожат ее.

– Кто?

– Темные силы. Те, что когда-то выпустил князь. Они долго томились под заклятьем в Пимкином болоте, но теперь кто-то их освободил. Горе нам...

– Мать моя родная! Что я слышу!? Опомнись, Зосима. На дворе двадцать первый век. Какие темные силы, какой князь? У нас сейчас нет ничего темнее и страшнее международных террористов. Это точно злой джин, которого некие силы выпустили из бутылки. Я даже знаю, кто эти нехорошие господа. Теперь они изображают повышенную активность в борьбе с этим вселенским злом. Кто громче всех кричит «Держи вора!». Верно – сам вор.

– Плохо, Иво, совсем плохо... – тянул свое Зосима, раскачиваясь со стороны в сторону, как медитирующий буддист.

Поняв, что в таком состоянии до него не достучишься, я налил ему полный стакан водки (от сердца оторвал, ей-ей; последняя ведь) и сказал:

– На-ка, хлебни чуток. Может, полегчает.

Зосима хлебнул. Одним богатырским глотком. И этот человек боится каких-то там темных сил? Не верю!

– Ну что, оклемался? – спросил я участливо.

Зосима посмотрел на меня больными глазами и ответил:

– Помрем мы, Иво... Все помрем. Эта нечисть нас не отпустит.

– Конечно, помрем. Но в свое время. А пока нужно разобраться во всей этой истории. Что-то тут не так. Нутром чую.

– Надо сходить к ДЕРЕВУ, – каким-то безжизненным голосом сказал Зосима.

– Давай завтра, а? Сегодня дел невпроворот.

– Сам пойду. Мне нужно одному...

– Камлать будешь? Перестань. Ты бы лучше сходил к Идиомычу, да пузырь у него выпросил взаимы. Он только тебе и даст. А то, знаешь ли, душа успокоения просит. Да и мысль нужно раскрепостить.

Идиомыч – еще одна примечательная личность нашего Близозерья. Близозерье – это когда-то так обозначалась на карте наша деревенька. Теперь ее название осталось лишь в памяти аборигенов.

Приезжие и жители близлежащих населенных пунктов прозвали несколько изб у моего озера

Плешкой. Почему именно Плешкой, уже никто не помнит. Но я не любил это слово; от него веяло старостью и унынием. То ли дело – Блиозерье. Звучит как название какого-нибудь поселения хоббитов в романе-фэнтези.

Так вот, что касается Идиомыча. Он был вроде блажного. Более странной личности я в жизни не встречал. Мало того, никто в деревеньке не знал ни его имени, ни фамилии.

А прозвище сообщил какой-то заезжий профессор, знакомый Идиомыча, который приезжал на пленер с юной студенткой – подальше от глаз старой, изрядно поднадоевшей, жены. Мы с ним маленько приняли на грудь, и молодящийся мужик с ученой степенью, который явно сделал себе операцию по подтяжке лица, рассказал, что работал вместе с Идиомычем в каком-то исследовательском институте.

(Это когда для профессоров еще находилась работа и они были востребованы. То есть, в советские времена. Тогда были настоящие, не липовые, профессора. А сейчас любой жулик может назвать себя даже академиком. И ксиву себе запросто выправит со всеми печатями о присвоении такого высокого звания. Да что ксиву – ордена покупают! Плати деньги – и все дела. А я, дурак, сколько раз жизнью рисковал, чтобы получить несколько цацек на грудь).

Нужно сказать, что профессор отзывался об Идиомыче с большим уважением. Он поведал мне, что его прозвище произошло не от бранного «идиот», а от греческого слова «идиома» (то есть, Идиомыч – человек своеобразный), и что в свое время новый жилец нашего Блиозерья выдавал на гора совершенно гениальные идеи и слыл ходячей научной энциклопедией.

А потом, когда развалился Союз, все как отрезало. Идиомыч оставил работу, где ему почти год не выдавали зарплату, ушел из семьи, чтобы не быть ей обузой и лишним ртом, а затем вообще куда-то исчез лет на пять. Потом появился, но уже здесь, в нашем захолустье, и даже при деньгах.

Уж не бомбу ли атомную Идиомыч помогал клепать иранцам или кому там еще?

На этом наш разговор о личности Идиомыча закончился, и мы продолжили трепаться о других, более приятных, вещах. Например, о женщинах. Коллега Идиомыча был в любовных делах был докой.

Идиомыч был, как говорится, тише воды, ниже травы. О том, что он дома, в своей избе, мы узнавали только вечером, когда Идиомыч зажигал свет.

Иногда в своих охотничьих походах мы с Зосимой встречали его в лесу или на болотах. Не узнать его мы никак не могли. Он всегда был в одной и той же выцветшей ветровке, изрядно потертых джинсах, китайских кедах размера на два больше (чтобы можно было носить толстые шерстяные носки) и с тощим рюкзаком за плечами.

Раза два или три мне довелось стать невольным свидетелем занятий Идиомыча. Однажды я простоял в кустах добрых полчаса, наблюдая за тем, как он, сидя на поваленном дереве, пристально изучает строение какого-то растения.

Идиомыч держал эту травку на уровне глаз, не меняя позы, все то время, что я за ним подглядывал. С ума сойти... Ему бы в снайперы податься. Там тоже нужна нечеловеческая выдержка, особенно когда сидишь в засаде. Не дай Бог шевельнуться; тогда пиши пропало.

У Идиомыча всегда был изрядный запас спиртного, хотя этим делом он и не увлекался. Мы с Зосимой, уж не помню как, провели о таком неиссякаемом источнике, и время от времени пользовались своим знанием, подшакаливая у бывшего гения бутылочку-другую; естественно взаимно.

Но потом мне надоело побираться, а также ждать милостей от Зосимы, который все ленился заколотить бражку, и я завел себе личный погребок. На этом наши отношения с Идиомычем и закончились.

– Не-а, – отрицательно мотнул головой Зосима. – Не пойду. Надо подумать...

С этими словами Зосима натянул на ноги свои утюги и вышел на улицу. Я проводил его до калитки, а потом долго смотрел ему вслед. (Долго – это минуты две, пока Зосима не скрылся за поворотом).

Куда и девалась его по-особенному легкая и мягкая охотничья походка. Зосима брел, как столетний старец, едва переставляя ноги. Вся его согбенная фигура выражала отчаяние.

А может, и вправду нам всем придет быстрый кырдык? Ну нет, я так не согласен! Вот ей болт, этой нечистой силе! Нужно срочно найти место, откуда она выползает. И залить его хлоркой вместе с известью. От этой гадости сам нечистый будет чихать и плакать.

Одевшись, я пошел по дачникам. Мне хотелось добыть побольше информации о событиях прошлой ночи.

Оказалось, что ночное представление призраков видели не все. И самое интересное – светящихся амёб наблюдали только очень впечатлительные.

Народ был в шоке. Кое-кто уже засобирился покинуть Близозерье и паковал вещи. Я их не осуждал; сам такой. Было бы куда ехать... Еще один ночной «концерт» такого плана – и все мои представления о мироздании рухнут. Точно придется уйти в пустынь, грехи замаливать. А их у меня, ох, сколько накопилось...

Наконец я дошел и до избы Идиомыча. Зайти к нему или не стоит беспокоить ТАКОГО человека по пустякам?

А, зайду. Что мне терять? Вдруг у бывшего ученого информация о ночном происшествии более толковая. А то до сих пор я слышал только «охи» и «ахи» совсем сбрендивших дачников.

Я осторожно постучал. В ответ тишина. Неужели Идиомыч опять где-то шастает? Вполне возможно. Я постучал громче – так сказать, на посошок. Объявится Идиомыч – хорошо, нет – ну и ладно.

– Входите, открыто, – вдруг раздался глуховатый голос.

Он звучал не из-за двери, а откуда-то сбоку. Я повернул голову и понял, что голос вылетел из открытой форточки.

Я вошел. До этого я еще ни разу не посещал жилище Идиомыча. Обычно водку он давал нам с порога.

Его изба была совсем небольшой, раза в два меньше, чем моя. Ну просто монашеская келья.

Красный угол занимали иконы. Много икон. Притом все старинные; даже древние – это я определил сразу.

У Каролины одно время было хобби – собирать разное старье, в том числе и иконы. К нам приходили эксперты и оценщики антиквариата, и в процессе их переговоров с женой я кое-что намотал себе на ус. Теперь я и сам с достаточной точностью могу определить и «школу», из которой вышел иконописец, намалевавший икону, и время ее изготовления.

Я всегда придерживался мнения, что лишние знания за плечами не носить...

Остальные стены были увешаны связками лекарственных, как я понял, трав и корешков. Из мебели в избе находились деревянная металлическая кровать – та самая, с медными шишечками, которую когда-то в кино показывали, стол, деревянная скамейка, табурет и вешалка из художественно обработанных корневищ.

Русская печь была аккуратно побелена, на полу лежал домотканый полосатый коврик, а в углу, возле двери, стояла деревянная кадушка с водой для питья, и висел на гвозде ковшик с длинной резной ручкой.

Ничего особенного, обычная обстановка деревенской избы; ну может, не двадцать первого века, а где-то начала двадцатого. Кстати, и в нынешние времена есть любители посконной старины, которые обустраивают свои жилища по древним канонам.

И только одна деталь буквально выпирала из общего деревенского колорита. Слева, рядом с печью, в достаточно обширном закутке, стоял лабораторный стол со всякими там колбочками, пузырьками, спиртовками, змеевиками, небольшой муфельной печкой, флаконами с химикалиями и прочей дребеденью. А над столом была прибита полка, на которой теснились технические справочники.

Что ни говори, а настоящий ученый и в отшельничестве остается ученым. Для таких людей, как Идиомыч, занятие наукой – неизлечимая болезнь.

– Здравствуйте! – сказал я и вежливо поклонился. – Меня зовут Иво... если вы забыли. Как ваше здоровье?

Идиомыч любил церемонии, это я точно знал. По его недоуменному взгляду я понял, что он и впрямь меня не помнит, хотя мы и виделись несколько раз. Но это было два года назад, а с той поры много воды утекло. Мало ли кто перед нашими глазами мелькает...

– Николай Карлович, – вежливо склонив голову, представился Идиомыч. – Добрый день. Присаживайтесь. На здоровье не жалуюсь. Чему обязан?

Коротко, сухо, деловито. Нет, водку у него точно просить не буду. Все-таки пошлю в бой Зосиму. Куда он денется, страстотерпец, пойдет за бутылкой, даже побежит, как миленький...

Я не стал ходить вокруг да около и сразу выложил ему все, что знал, о ночных событиях, и что мне рассказывали другие жители деревеньки.

– Вы это тоже видели? – спросил я, закончив свое повествование.

– Нет, – ответил Идиомыч с отрешенным видом.

Мне показалось, что мое сообщение его совершенно не впечатлило. Будто я рассказал ему не страшилку – правдивую страшилку, а обычную житейскую историю, в которой мужик поколотил свою бабу, наставившую ему рога. Что тут интересного? Сплошная проза. Обыденность.

– Ну и как вам эта чертовщина? – брякнул я, медленно закипая.

Я начал злиться – какого черта! Он что, не понимает о чем идет речь!? Скоро вся деревня разбежится, в город люди уедут. А ему хоть бы хны. Ну ладно дачники, у них имеются городские квартиры, а нам с Зосимой куда деваться?

Хотя... какое ему дело до других? Но ведь и его могут достать эти светящиеся амебы. С

нечистой силой шутки плохи.

Мать твою, что за мысли у меня в голове!? Атеист хренов...

– Никакая это не чертовщина, – спокойно ответил Идиомыч.

– То есть?... – Моему удивлению не было границ.

– Вы образованный человек, а верите во всякую чушь.

– Но я ведь сам видел, своими глазами!

– Возможно. Однако случаи массовых галлюцинаций и прочих видений в анналах истории не отмечены. Насколько я знаю. Единичные случаи бывали. Но этому явлению подвержены в основном экзальтированные личности.

– Я к таким не принадлежу.

– Это заметно.

– Интересно, по каким признакам? – не удержался я, чтобы не задать само собой разумеющийся вопрос.

– Наверное, вы единственный человек из всех жителей деревни, кто пытается прояснить ситуацию. В глубине души вы, как истинный прагматик, не верите в черта-дьявола.

– Что ж, может, это так и есть... А какой вывод вы сделали?

– Мистификация. Это элементарная мистификация. Правда, выполнена безукоризненно, естественно, человеком, скорее всего, не одним, а с помощниками, человеком, имеющим определенные познания в химии и естественных науках.

– Простите, Николай Карлович, но я немного не догоняю...

– Опыт. Есть предложение проверить наши догадки на опыте. Прошу сюда...

Идиомыч подвел меня к лабораторному столу, зажег настольную лампу – в избе было темно из-за разросшихся за забором деревьев, и начал колдовать со склянками и пузырьками разных форм и размеров.

Я стоял и молча наблюдал. В химии я был ноль.

Правда, я знал, как пользоваться весьма специфическими снадобьями, которые, например, развязывают строптивому пленнику язык. Однако дальше практического применения готовых форм, залитых в одноразовые шприцы, мои познания по части химической науки были представлены у меня в голове всего двумя формулами – воды и спирта. Это я запомнил накрепко.

– Что ж, попробуем, – сказал Идиомыч, взболтав в склянке какую-то смесь. – Вы пускали в детстве мыльные пузыри?

– Приходилось, – ответил я сдержанно.

Мое детство само по себе было мыльным пузырем, который нес меня по жизни. Его тонкая оболочка никогда не спасала и не защищала от обид, детских и юношеских, как это делает семья во главе с отцом.

– Тогда дуйте.

Идиомыч всучил мне длинную стеклянную трубочку и показал на склянку с жидкостью.

– Зачем? – спросил я недоуменно.

– Увидите свои светящиеся амебы, как вы выразились.

– Да?

Я начал вспоминать, как выдувать пузыри. Это со мной было так давно, что казалось неправдой. Но память не подвела, и уже через минуту-две у меня начало что-то получаться.

По избе поплыли мыльные пузыри. Я называю их мыльными по привычке – в растворе, который заколотил Идиомыч, мыла не было и в помине. Он применил что-то другое.

Выдув с десятков пузырей, я поднял голову – и ахнул. Они начали светиться! Пузыри не были похожи на те, которые я видел ночью ни по размерам, ни по яркости свечения, но все же пузыри здорово смахивали на «амеб», едва не доведших меня до сумасшествия.

– Ну как, вы довольны? – насмешливо спросил Идиомыч.

– Д-д... доволен.

Я даже заикнулся от волнения.

– Вот и вся разгадка вашей «большой тайны»... – Идиомыч смотрел на меня с каким-то странным выражением – словно соображал, можно мне довериться или нет.

– Все это так, но мои пузыри такие маленькие по сравнению... – Я показал руками размеры амеб.

– Большие пузыри могут выдувать лишь те, кто набил на этом деле руку. Фокусники, например. Все зависит от концентрации раствора. И от профессионализма, естественно.

– Но ведь пузыри-амебы, что я видел, были, в отличие от этих, не сферической формы.

– Это сделать сложнее, но тоже можно. Повторяю – все дело в профессионализме мистификатора.

– А свечение? Как оно получается?

– Чего проще... – Идиомыч слегка улыбнулся. – Можно применить фосфор или другие химикалии. Сейчас много чего выдумали. Кстати, о ваших «амебах». Фосфоресцирующий состав может окрашивать пленку пузыря изнутри неравномерно. А поскольку наблюдатель видит в основном свечение, то и пузырь кажется ему бесформенным, быстро меняющим свои очертания.

– Ладно, допустим это так. Какой-то сукин сын развлекался ночью, пугая честной народ мыльными пузырями. Но я не могу понять, как они проникали в избе. Через стену!

– Любая задача имеет решение, – ответил Идиомыч. – Кроме не решаемых.

Надо же... Он пытается шутить. Похоже, моя тупость его развлекает. Ладно, я готов быть кем угодно, даже шутом, лишь бы докопаться до истины.

– Хотите сказать, что мне нужно хорошо подумать...

– Именно, – кивнул Идиомыч. – И не спешите с выводами. Спешка – это свойство дьявола.

– Сие мне известно... – Я достал носовой платок и вытер руки. – Что ж, спасибо за консультацию, Николай Карлович. Всего вам доброго.

– Вам больше ничего не нужно?

Идиомыч смотрел на меня так, будто видел насквозь. Сукин сын! Неужто проник в мои мысли? Нет, водку просить не буду. Это решено твердо. Иначе я просто потеряю лицо, как говорят японцы.

– Нет, – ответил я гордо и независимо, хотя мой несдержанный глупый язык едва не начал рулить мозгами.

И вышел, пригнувшись, – чтобы не удариться головой.

Входная дверь в жилище Идиомыча (избе было никак не меньше восьмидесяти лет; когда-то такие раритеты называли «ровесницами Октября») осталась с прежних времен. Уж не знаю, по какой причине, но тогда дверной проем делали высотой метр семьдесят, а то и меньше. А у меня рост, как говорится, дай Бог каждому.

Возможно, в старину таким образом уменьшали потери тепла, или чтобы гость, заходя в избу, поневоле кланялся; а может, раньше люди были низкорослыми – не знаю. Но когда треснешься башкой о притолоку, легче не становится от большой осведомленности в строительных технологиях наших дедов.

Я пришел к берегу озера, сел напротив своей избы и задумался. Все выходило на то, что светящиеся амебы – это проделки ведьмака.

Но как, все-таки, он (или его подручный-фокусник) умудрился запустить эти «призраки» в избу!? Трудно сказать. Задача не для среднего ума. После всех этих перипетий голова вообще отказывается варить.

Мысли, какие-то тупые и примитивные, роились в голове как мошкара...

Хорошо, допустим это сделал ведьмак – тем способом, что показывал Идиомыч. (А кто еще?) Но тогда ситуация резко меняется. Значит, нет здесь никакой мистики, а всего лишь фокус. Цирк. Будем считать, что на душе полегчало.

Если бы не одно «но» – зачем он это сделал? Понятно, зачем, – чтобы напугать меня (и не только) до смерти и заставить покинуть Близозерье. Черноризцу нужно, что ему не мешали и не путались под ногами. Как говорится, меньше народа – больше кислорода.

И он почти достиг своей цели – топя обратно, я увидел телегу Зосимы, на которую кто-то из дачников грузил свой скарб.

Значит, народ все же съезжает. А Зосима случай хорошо подзаработать, естественно, не упустит, несмотря на неважное моральное состояние; он еще больший прагматик, чем я. Тем более, что теперь ему заплатят еще и за срочность.

(И кстати, благополучно, без заимствований, решается проблема со спиртным. Надеюсь, Зосима не забудет по запарке, что наш винный погребок пуст).

Нет, брат, шалишь! Меня испугать можно, но запугать – никогда. Испуг – это моментальная реакция на сильный внешний раздражитель. А вот запугивание – это нечто иное. В этом случае нужен твердый характер.

Меня, конечно, Каролина немного укатала, но что-то мужское, прежнее, во мне все-таки осталось. Будем сражаться!

На этой, несколько экзальтированной, ноте я и завязал с мыслительным процессом, чтобы заняться домашними делами. Это тот случай, когда начинаешь вспоминать свою семейную жизнь с легкой ностальгией.

Да, жена все-таки иногда нужна...

Глава 19

Вечер у меня выдался каким-то очень длинным и тоскливым. Не с кем было даже словом перемолвится, так как Зосима еще не вернулся со станции – он уже делал туда, мне кажется, третью ходку.

Думаю, что после такого надругательства над лошадиной личностью Машка точно уйдет в леса минимум на двое суток. Она не привыкла к столь жестокой эксплуатации. Обычно Зосима делал одну или две ходки на станцию в неделю. А тут сразу такая нагрузка.

Я всегда удивлялся, почему Машку до сих пор не задрали волки. Но потом Зосима как-то объяснил мне причину ее феноменальной везучести.

Обычно зимой далеко от Близозерья Машка не уходила. У нас тут кругом некошеной травы, спрятанной под снегом, хоть завались.

Поэтому, как только появлялись серые разбойники, Машка, обладающая поистине фантастическим чутьем, мчалась к избе Зосимы с громким ржаньем, а тот в свою очередь хватал ружье (так как знал, что за знак подает ему кобыла), и волкам приходилось уходить, не солоно хлебавши.

Летом дело обстояло иначе. В теплое время года Машка сама разбиралась с хищниками. Она настолько хорошо знала окрестные болота, что заводила чересчур азартных волчар в топи, откуда они не могли выбраться, как это ни смешно.

Хитрая Машка таскала волков по болоту несколько часов. А потом, заведя их, как Иван Сусанин поляков, в сердце самой коварной топи, вдруг делала сногшибательный прыжок, преодолевая протоку, и спокойно уходила, куда ей нужны.

Хищники, пытающиеся перебраться вплавь через неширокий с виду гнилой болотный ручей, погибали в считанные минуты. Коварная трясина, едва-едва прикрытая тонким слоем воды, засасывала их с потрясающей быстротой.

В конце концов, как рассказывал Зосима, волки оставили Машку в покое. Зауважали, значит. Умные звери... Мало того – серые разбойники вообще начали обходить деревню стороной. Похоже, Машка преподала им жестокий, надолго запоминающийся урок.

Промаявшись без дела часа два, я включил свет (в избе сильно потемнело, так как солнце спряталось за зубчатый забор лесного разлива) и начал читать какую-то книгу. У меня была библиотека, которую я не стал забирать в город.

Книги в ней имелись самые разные – от Ницше до современной сочинительницы женских детективных опусов Дуси Пупкиной, ваявшей свои нетленки со скоростью механизма для лепки пельменей.

Нельзя сказать, что я был любитель читать запоем. Этот бзик у меня прошел еще в глубокой юности, когда я перечитал всю детдомовскую библиотеку, а затем добрался и до районной. Мои библиотечные формуляры были толщиной с роман какого-нибудь классика.

А потом как отрезало. Да, иногда читал – что-то там. Но что именно, почти сразу же забывал. Наверное, из-за того, что в детские и юношеские годы я перелопатил почти всю классическую литературу, в том числе и приключенческого плана.

А всякие полуграмотные сочинения авторов «новой» волны меня за душу не трогали. Впрочем, как и книги некоторых советских писателей, нареченных партийным официозом классиками.

Книга не принесла желанного успокоения. В голову лезла разная чертовщина, я вздрагивал от малейшего шороха (мыши подлые!), и везде мне чудились змеи.

Я ходил по своему бунгало как по минному полю – глядя себе под ноги и ступая с напряженной осторожностью (чтобы мгновенно отпрыгнуть в сторону, если вдруг откуда-нибудь на меня бросится ползучая тварь). В общем, мне было совсем нехорошо. А тут еще выпить нечего...

Швырнув книгу на пол, я вышел на улицу.

Уже совсем стемнело, на небе посеялись звезды, где-то в деревне занудливо брехал глупый цепной пес, изнывающий от безделья, а в лесу время от времени ухал филин, вылетевший из дупла на ночную охоту. А вокруг ни единого столба с фонарем, ни единой машины, ни одного ресторана, где можно убить время.

В общем, мрак и жуть.

Для цивилизованного городского человека, привыкшего к теплому сортиру и утреннему кофе в постель, только первая неделя в провинциальной глуши кажется истинным раем, непознанным миром, в котором все видится новым, загадочным, интересным. А затем неприглядная реальность деревенского бытия начинает бить сначала по глазам, а потом и по мозгам.

Я знал это и раньше, потому постарался сделать свое пребывание в отшельническом уединении как можно комфортней. И тем не менее, сейчас мне все равно чего-то не хватало.

Наверное, меня развратила Каролина своими привычками к барству, подкрепленными большими финансовыми возможностями. Раньше я был не таким.

Раньше... Когда это было? И было ли вообще? Мне кажется, что еще позавчера я носил форму суворовского училища и бегал на свидание к девицам сомнительного поведения (кадетик, не угостите ли даму папироской?), которые обучили меня некоторым интимным тонкостям личной жизни.

А вчера гулял на офицерском балу, и мне строила глазки дочь генерала... как там ее?... Женись я тогда на ней, гляди, сидел бы сейчас в Москве, в каком-нибудь козырном штабе. И была бы у меня московская прописка, квартира недалеко от центра, двое-трое детишек, полковничья папаха на вешалке, машина заграничная под балконом... и животик с одышкой.

Ан нет, меня потянуло грудью родину защищать. От всяких там внешних врагов. Чтобы штабным крысам было за что ордена и повышения по службе получить.

Сварганил какой-нибудь толстозадый штабник планчик спецоперации, пробил его в верхах – и вперед братва полевая. Или грудь в крестах, или голова в кустах.

А потом вернешься (если вернешься) – и к кассе. А там шиш с маслом. Все верно – патриотизм нельзя оценить. Он дешевый до неприличия. Так же, как и человеческая жизнь.

По крайней мере, так считают зажавшиеся армейские боссы. И политики, которым вообще наплевать на все и вся...

Какого черта! Лезет в голову разная чушь... Ты еще сам себе лекцию прочитай о международном положении. Нет, с этим надо что-то делать. До встречи с черноризцем голова у меня была пуста, как космос перед началом творения Земли. А нынче в голове сплошной бедлам.

Ну, бегало там несколько мыслишек житейского плана – и все. А теперь какие-то воспоминания толпой поперли, сожаления о несбывшихся надеждах и чаяниях, и самое главное – мучительные потуги разгадать смысл событий, которые происходят со мной в последние дни.

Пнув ногой невинный забор – от накатившей на меня злости непонятно на кого, я возвратился в избу. Надо уснуть. Хватит прессовать себя интеллигентскими страданиями. Утро вечера мудрее. Там посмотрим, что дальше будем предпринимать.

Я подошел к своему ложу, снял брюки, рубаху... и вдруг почувствовал, что засыпаю буквально стоя! Что-то ударило мне в голову, будто я принял большую дозу спиртного не внутрь, а мне сразу залили ее в вену – шприцом.

Только теперь я почуял какой-то посторонний запах. Или мне показалось? Не понимая, что со мной происходит, я попытался выйти на улицу, но не сделал даже шага. Ноги неожиданно стали ватными, в глазах все поплыло, и я рухнул на постель, уже будучи в полной отключке...

Мое пробуждение было потрясающим. Я плыл в голубом эфире среди мелких, ослепительно сверкающих кристалликов льда... нет, не льда, а чего-то другого, потому что кристаллики, попадая на кожу, не охладили ее и не таяли, вокруг меня возникали из ничего кусты роз, ландышевые луга, и какие-то совершенно экзотические растения, усыпанные соцветиями невысказанной красоты.

Мне было так хорошо, что не хотелось просыпаться. Я изо всех сил упирался возвращению к действительности, буквально цеплялся за что-то неосознанное, на котором, как на ковче-самолете, парил в небесах.

Неожиданно рядом возникла Каролина – в соблазнительном неглиже, вся свежая, душистая, будто на сусальной картинке. Она глупо хлопала длинными ресницами, словно кукла Барби, и безмолвно тянула ко мне руки. Ее взгляд молил: «Приди ко мне, любимый, возьми меня. Как я по тебе соскучилась...»

Призыв Каролины подействовал на меня и без слов. Я бросился ей навстречу, жадно обнял... и проснулся. Все еще во власти фантастического сна, я сначала с недоумением посмотрел на окружающую меня обстановку (полная луна светила как раз в окна), затем понял, все-таки, где нахожусь, и вдруг сообразил, что кого-то обнимаю!

Неужели Каролина приехала! Эта мысль еще билась в моей голове, а ноги уже несли меня прочь, подальше от постели, на которой лежала не соблазнительная женщина, а страшная баба-яга, которая под лунным светом была словно бледная поганка.

Я вновь, как совсем недавно, выскочил на улицу в одних трусах, но к озеру уже не побежал, а вцепился в калитку, будто она была плотом, на котором мне приходилось преодолевать стремнину.

Стоп! Нужно успокоиться. Это прежде всего. Похоже, у меня галлюцинации. Не может быть в моем бунгало никакой женщины, ни молодой, ни старой. Не может! Откуда ей взяться, когда я точно помню, что запираю входную дверь? Нет, нет, это исключено.

Значит, бред. Приехали вы, Иво Арсеньев, пора слезить. Похоже, сказываются старые ранения и травмы. У людей моей профессии такое случается.

Нужно утром запрягать Машку и пусть Зосима везет меня в больницу. Душу лечить. И голову. Сейчас много придумали разных лекарств. Гляди, помогут. А если нет...

Тогда запишусь добровольцем в какую-нибудь «горячую» точку. Там меня точно вылечат. Не пулей, так гранатой.

Ночная прохлада немного остудила голову и успокоила сердечный ритм. Я начал думать более обстоятельно и толково.

И первой моей здоровой мыслью была следующая – нужно проверить, действительно в мою постель проникла какая-то дама (а такое в молодости со мной случалось), или это игра больного воображения?

Легко сказать – проверить. Ноги отказывались нести меня к входной двери, и все время норовили повернуть обратно.

Я шел будто по дну озера, преодолевая напор воды. Но в конце концов, мелкими шажками, титаническим усилием задавив в себе паническое чувство страха, я все-таки дошел до двери, переступил порог горницы, и зажег свет.

Картина, которая предстала перед моими глазами, повергла меня в шок. На постели, широко раскинув руки, словно собравшись полетать, лежала баба Федора! Она спала мертвым сном и при этом храпела как трактор.

Не будь этого зверского храпа, я бы решил, что нашему деревенскому «информбюро» пришли кранты – лицо бабки Федоры было бледным, как у покойницы.

Твою мать!... Я не знал, что и думать. Налицо был факт, которому я не мог дать толкового объяснения. В голове стоял туман, в висках стучало, и меня снова начало тянуть на сон.

Я схватил свои шмотки, обувь и выскочил во двор. Надо бежать к Зосиме, решил я после некоторого колебания. Случай и впрямь не тривиальный. Может, старый хитрец чего-нибудь и подскажет.

К тому же тащить сонную бабку Федору на закорках через всю деревню при полном лунном освещении мне было как-то не с руки. Что могут подумать люди, можно было только догадываться. А если еще, не дай Бог, бабка откинет копыта...

Мама миа! Тогда мне точно полный звездеч. Ушлые репортеры напишут, что озверевший в глуши маньяк и садист, бывший военный, которому пришлось повоевать в «горячих» точках (понятно, по какой причине у него поехала крыша), сначала поглумился над семидесятилетней старухой, затем придушил ее и носил по деревне как переходящее красное знамя ударников коммунистического труда.

Зосиму я разбудил с трудом. Он настолько устал после эпопеи с бегством в город морально неустойчивых дачников, что уснул прямо в одежде.

Правда, это случалось с ним довольно часто. Он любил все нестандартное. Зосима и свою походную амуницию стирал весьма оригинальным способом.

Окунувшись в озеро с головой (естественно, дело происходило в теплое время года), он выбирался на берег, тщательно намыливал свои шмотки прямо на себе, а затем полчаса энергично плавал и нырял, изображая из себя стиральную машину.

– Иво? Ты чегой это? – удивился Зосима.

Он стоял на пороге, придерживаясь за дверной косяк, и пошатывался; похоже, его язык работал сам по себе, автономно, а в голове еще гуляли сны, которые по-прежнему командовали телом.

– У меня проблемы, – сказал я коротко. – Одевайся, поможешь.

– Понял, – ответил Зосима. – Заходи, я сейчас...

– Я здесь подожду, на свежем воздухе.

– Ну, как знаешь.

Что мне нравится в Зосиме, так это его безотказность. Для него оказать помощь любому человеку, это все равно, что выпить рюмку водки – в удовольствие. Помогает он чаще всего бескорыстно и без лишних сетований.

Конечно, иногда Зосиму приходится упрашивать, но только в том случае, когда дело касается каких-нибудь глобальных проблем; например, съездить в райцентр, до которого пилить и пилить по бездорожью. Тут уж его добрый отзывчивый характер вступает в противоборство с ленью.

На обратной дороге я рассказал Зосиме о бабке Федоре, которая невесть как очутилась в моей постели. Зосима слушал с видом человека, который идет на казнь. Он совсем упал духом. Честно говоря, я уже пожалел, что решил воспользоваться его помощью.

Но ведь шила в мешке не утаишь. Проснется бабка Федора, и тогда начнется звон во все колокола. Естественно, моя ночная история дойдет и до Зосимы. Тогда он еще и обидится на меня, спросит, почему не рассказал ему лично.

Дверь моей избы была не заперта – я не стал закрывать ее на ключ. Чего ради? Как я уже говорил, воров в Блиозерье отродясь не было. Даже новые жители, к радости аборигенов, попались порядочные и на сей счет не шалили.

Было и еще одно соображение: вдруг бабка проснется в мое отсутствие, может, сама домой почапает, чтобы нам с Зосимой не утруждать себя. Я очень на это надеялся.

Не без внутреннего сопротивления я поднялся на крыльцо и вошел в избу; за мной тащился и вялый Зосима, который что-то быстро бормотал себе под нос – наверное, старинными заклинаниями отгонял нечистую силу.

Свет по-прежнему был включен. Я посмотрел на постель – и невольно ахнул. Она была заправлена, будто я и не ложился спать, а посреди моего ложа, сверкая изумрудными глазищами разлегся здоровенный черный котяра!

Увидев нас, он подскочил, зашипел, обнажив зубы как у доброго кобеля, и рванул на выход, едва не свалив Зосиму с ног. Увидев кота, Зосима тоже ахнул, а затем медленно сполз по стенке на пол, глядя на меня безумным взглядом.

Я оцепенел. В голову сразу хлынули литературные образы разных эпох – от ведьмы-кошки, фигурировавшей в произведении гениального Гоголя, до кота Бегемота из романа любимого мною Булгакова.

Увы, иногда большая начитанность может сослужить плохую службу. Я вот иногда завидую тем, у кого всего одна извилина, да и та прямая и на заднем месте. Они не страдают мнительностью и угрызениями совести. Им всегда легко, они всегда смеются, даже когда режут горло другому человеку.

– Это... что было? – наконец прорезался голос у Зосимы.

Наверное, я был в ступоре минуты две-три, потому что не заметил, когда он очнулся от своего полубморочного состояния.

– Это был кот, – буркнул я, переводя дыхание.

– Ты завел кота?

Зосима, кряхтя, поднялся, опираясь на мою руку, – я поспешил ему на помощь.

– Нет. Приблудился, наверное... – Я пытался объяснить сложившуюся ситуацию, и сам себе не верил, так как она стала еще более запутанной.

– А где Федора? Ты говорил...

– Шутка, – ответил я быстро. – Я пошутил.

Я довольно неуклюже попытался перевести разговор в другое русло. Мне просто хотелось уберечь Зосиму от еще больших треволнений. Пусть лучше думает, что я неудачно пошутил. На меня иногда находит всякая дурь, он это знал.

Зосима, конечно, здоров не по возрасту, но годы все равно берут свое. Не хватало еще, чтобы из-за меня у него приключился сердечный приступ.

– Не ври. Ты сказал правду, – настаивал Зосима. – Я тебя знаю.

– Ну, а если знаешь, то нам неплохо бы полечиться от стресса. Ты «лекарство» со станции привез?

– Дык, это, понятное дело... А иначе зачем было туда ездить?

– Что значит – зачем? Ты ведь шабашил до позднего вечера, народ возил, денежку зашибал.

– Какие там деньги... – смутился Зосима. – Наши дачники не любят широко открывать кошелек.

– Не вози. Пусть топают на своих двоих.

– Жалко...

– Жалко у пчелки. Капитализм на дворе, новая эра. Сейчас все только за бабки делается.

– А мне нет дела до капитализма, – сердито парировал Зосима. – Я буду жить, как и раньше жил. И вообще – сколько той жизни осталось?

– Понял. Согласен... – Про себя я облегченно вздохнул – все-таки Зосима повелся на мою нехитрую уловку и пришел в себя; ишь, начал заводиться; это хороший знак. – Так мы идем к тебе или нет?

– Идем.

– Тогда потопали. Вот только дверь замкну...

Сказал – невольно с языка сорвалось – и мысленно выругался. Идиот! Зачем акцентировать внимание Зосимы на этом факте? Ведь он знает, что я пользуюсь ключом только тогда, когда мы уходим на охоту.

Получается, что я тоже струсил. И что в моей избе по-прежнему хозяйничает нечистая сила. Зосима умный человек, он сразу сообразит, что дверь я замыкаю неспроста.

Но Зосима на мое заявление никак не отреагировал. Или сделал вид, что занят своими мыслями, или не придавал должного значения.

Спустя десять минут мы уже сидели в его избе за столом и потихоньку «лечились» отвратительным на вкус пойлом. Наверное, убегающие дачники и впрямь мало заплатили Зосиме, потому что он взял самую дешевую водку местного разлива.

Однако выбирать не приходилось, и мы просидели до самого рассвета, обмениваясь немногословными замечаниями. Но самое интересное – мы говорили о чем угодно, только не о таинственных событиях, взбудораживших все Близозерье.

Я лечил душу самым народным лекарством и размышлял. Почему этот ведьмак так взъелся на меня? Если, конечно, все это его проделки. (А чьи же еще?) Ведь мы ни разу не вступали в серьезную конфронтацию. Я не мешаю ему и его команде шарить по болотам, сижу тихо, не высовываясь.

У меня и впрямь появилась мысль убрать его шарагу из нашей деревеньки, но пока это всего лишь благие намерения, не более того. Ведь миром дело точно не решить, а вступить в прямое столкновение мне бы очень не хотелось.

Тем более, что за его спиной, как оказалось, маячат весьма серьезные фигуры. Не хватало мне еще поспорить с властью предрержащими. Тогда точно придется бежать в сибирскую тайгу.

Да ведьмак, наверное, уже и привык, что на его секту люди смотрят косо, чтобы не сказать больше. Всем рот не заткнешь.

Что он хочет? Выдавить меня из Близозерья? Зачем? Или у него появилась мечта увидеть Иво Арсеньева пассажиром медицинского фургона, одетым в смирительную рубашку?

Ну, сделать это, предположим, не так просто. Я, конечно, здорово струхнул, но не до такой же степени. Да и деваться мне некуда. (Правда, он об этом не знает).

И еще одно, на сегодня главное: баба Федора мне привиделась, или на самом деле она каким-то чудом попала в мою избу, хорошо выспалась на моей кровати, а затем втихомолку слиняла, даже не поблагодарив? А еще этот черный котище... бр-р!

Пусть простят меня защитники домашних животных, но к черным котам я отношусь отрицательно – мягко говоря. При виде черной кошачьей шкурки мои руки сами тянутся, чтобы схватить камень и точно попасть в цель.

А все началось с одного задания, когда нашей группе перешел дорогу тощий и завшивленный черный кот-бродяга. Где он взялся в той глухомани, куда нас забросили, ума не приложу.

Тогда задание мы не выполнили и вдобавок едва ноги унесли. Кроме того, двоим парням из нашей команды пули испортили шкуру. В том числе и мне. Так что до места сбора группы я шел на автопилоте – еле добрался.

С того времени я просто ненавижу черных котов. И вообще – если кот любой масти переходит мне дорогу, я разворачиваюсь и топаю в обратном направлении. В этом вопросе я суеверен

как старая бабка.

– Зосима, ты как-то хвалился, что у тебя есть сильная лупа. Это правда?

– Дык, это, конечно.

У меня вдруг появился план дальнейших моих действий. Что значит подогреть мозги спиртным. Такие фантазии можно увидеть... Не зря народ творческий – поэты, художники и прочая – так любят прикладываться к бутылке. Кое-кого это здорово стимулирует.

Если, конечно, не потерять чувство меры...

– Дай мне на время.

– Зачем?

– Надо. Потом расскажу.

– Ну, если надо...

Зосима с явной неохотой выбрался из-за стола, взял фонарик и полез на чердак. Ковырялся он там минут десять. А когда спустился вниз, то был весь в пыли и паутине. В руках Зосима держал настоящее произведение искусства – большую старинную лупу в бронзовой, художественно выполненной оправе.

Лупа была изготовлена, судя по всему, даже не в двадцатом, а в девятнадцатом века. В этом у меня практически не было сомнений – на таких вещах под руководством Каролины я, что называется, собаку съел.

– Ух ты! – невольно вырвался у меня возглас восхищения. – Не будь я уверен, что эта лупа дорога тебе как память, то непременно выпросил бы ее в качестве подарка или купил.

– Точно. Память. От деда.

– Он что, какими-то опытами занимался? – спросил я удивленно.

– Ага... – Зосима криво ухмыльнулся. – Опытами. Дело, конечно, прошлое, но прошу тебя, не говори никому. Обещаешь?

– Мог бы и не спрашивать. Железно. Я не болтун.

– Дедка мой иногда выходил на большую дорогу с топором. Уж не знаю, загубил ли он чью-нибудь невинную душу или просто грабил, но эту лупу дед отнял у заезжего купца вместе с кошельком. Больно, говорил, понравилась. Красивая. Вот ты сейчас возьми ее и почишь – знаешь, как засверкает? Тут тебе на ручке и ангелочки, и цветы заморские, а по ободку надпись не по-нашему... и еще много чего.

– Да, вещь стоящая...

«И все-таки, надо будет выцыганить ее у Зосимы, – подумал я, рассматривая лупу. – Эту «память» он держит, черт знает где, а у меня лупа будет красоваться над камином, на самом видном месте. Блеск! Действительно, красивая вещь. Супер. Раритет, я бы сказал...»

– Пойду я. Надо бы поспать... – Я поднялся.

– Надо, – откликнулся Зосима. – Ночь выдалась больно беспокойная...

Он уже начал клевать носом. Устал, дед.

– Бывай... – Я пожал ему руку и вышел на улицу.

Уже почти рассвело. Небо на востоке было нежно-розовым с золотой каймой. Напоенный лесными ароматами воздух сам, без особых усилий, вливался в легкие – не то, что в городе.

В отличие от Зосимы, спать мне не хотелось. Меня сжигала изнутри жажда действий. Пора, наконец, показать кое-кому, что Иво Арсеньев имеет острые зубы и не совсем уж глупую башку. Пора!

Глава 20

Первым делом я зашел к старикам Коськиным – чтобы проверить свое предположение. Обычно они поднимались очень рано – вместе с первыми петухами. Поэтому я сильно удивился, когда увидел, что дед Никифор и баба Федора преспокойно дрыхнут без задних ног.

Я вошел в избу после того, как выстучал на двери все барабанные марши, которые только помнил со своей суворовской поры. Получив в ответ (когда прислушался) лишь богатырский храп, я отворил дверь и решительно переступил через порог.

Что изба не закрыта на замок, меня не удивило. Старики Коськины часто забывали это сделать. Я имею ввиду в ночное время. А днем у них вообще все было распахнуто настежь – кроме сломанной швейной машинки «Зингер», в избе ничего более ценного не наблюдалось.

Ну разве что переносной японский радиоприемник, подарок сына; но они таскали его с собой почти всегда и везде – чтобы не пропустить ни одной новости, как международной, так и в масштабах страны, области и района.

– Ау, дед! Проснись! – громко окликнул я деда Никифора. – Проснись, уже солнце встало!

Я знал, что он спит более чутко.

Никакой реакции. В ответ снова раздался лишь один храп. Не хило... Воистину у стариков Коськиных сон богатырский.

– Горим! Пожар! Спасайся, кто может! – заорал я, что было мочи, и затопал ногами.

Дед открыл глаза и сел. Посмотрев на меня каким-то шальным взглядом, он сказал:

– Возьми ведра в сенцах. Пожар надуть заливать сверху...

И снова брыкнул на подушку. Мать твою!... Что это с ними такое!? Я подошел вплотную к кровати и начал трясти деда за плечо:

– Дед, пора вставать! Ты меня слышишь?

– Слышу... – не очень внятно буркнул дед Никифор, но даже не шевельнулся.

– Так какого хрена!... – взорвался я. – Вставайте, вас обокрали!

– А, что? – подхватила баба Федора. – Кого обокрали, где, когда?

– Церковь в райцентре, – брякнул я первое, что мне пришло в голову.

Наверное, потому, что недавно – нет, давно, в прошлой жизни, когда я еще был при жене – слышал подобную информацию по телевизору. Единственной моей мыслью тогда было следующее «Попадись мне эти воры-хриstopродавцы – собственноручно задушил бы».

– Да? – Баба Федора живенько встала на ровные ноги. – Надо к Дарье сбегать, рассказать.

– Деда поднимайте. С ним что-то не то.

– Ой, боженьки! – Бабка всплеснула руками. – Никифор, голубчик, ты чего!? Вставай, вставай, я сейчас кашку сварю... Ты меня слышишь? Людоньки, он помирает! Ой, мамочки, ой, Господи!...

Баба Федора запричитала так, что у меня в ушах звон пошел.

– Отставить! – гаркнул я, как заправский старорежимный унтер-офицер. – Живой он. И еще лет двадцать проживет. Нашатырь у вас есть?

– А как же... где-то здеси... – заметушилась бабка. – Вот! Нашла.

– Отлично.

Я намочил нашатырным спиртом какую-то тряпицу и ткнул ее прямо в нос храпящего деда.

Реакция на импровизированную «скорую помощь» превзошла все мои ожидания. Дед взбрыкнул, словно молодой жеребчик, резво соскочил с кровати и в одних подштанниках понесся на улицу. Я просто обалдел. Ни фига себе примочки...

Естественно, мы с бабкой в едином порыве ломанулись следом, едва не застряв в дверях. Может, дед сбрендил от нашатыря?

Картина, которая открылась нашим взглядам, была патриархально-обычной в деревенской глуши. Дед Никифор стоял под кустом бузины и с огромным наслаждением – со сладострастными стонами и довольным кряхтеньем – справлял малую нужду.

Да, видать деда здорово прижало...

Мы с бабкой потихоньку вернулись в избу. Спустя некоторое время к нам присоединился и дед Никифор. Когда он оделся (бабка спала в халате, в котором вышивала по деревне с утра до вечера), я спросил:

– Что это с вами?

– Голова болит, – ответил дед удивленно, щупая свою макушку. – Странно...

Еще как странно. Лицо деда было таким же бледным до синевы, как и у бабки Федоры, когда я увидел ее лежащей на своей постели.

Что-то здесь не так...

– Вы куда ночью из дому не выходили? – с деланной небрежностью спросил я бабку.

– Я?

– Ну да, вы.

– Христос с тобой, сынок! По ночам мы не шастаем. А что такое?

– Ничего. Мне почудилось...

– Что тебе почудилось? – не отставала бабка.

Ну все, попал я как кур в ощип. Теперь баба Федора от меня не отцепиться, пока я не придумаю ей какую-нибудь сногшибательную историю.

Но на посторонний мыслительный процесс у меня не было ни времени, ни желаний, поэтому я сделал старикам ручкой, сказал «Все вам доброго» и прытко выскочил на улицу – чтобы бабка за рукав не цапнула, и не тормознула меня на часок.

– Ты чего приходил, сынок? – прокричала мне вслед баба Федора, стоя на пороге.

– Соли попросить, – ответил я машинально.

– Так чего же не взял?

– Вспомнил, что у меня в кладовой есть еще одна пачка.

– Тогда конечно... Заходи, соколик, ежели что. Будем рады.

– Спасибо, как-нибудь...

Добрые люди... И какая-то тварь едва не отправила их на тот свет. Я теперь был совершенно уверен, что стариков усыпили каким-то газом. И это с их не очень крепким здоровьем...

А бабка Федора вовсе не ведьма, которая на метле прилетела в мою избу. Ее принесли и подложили ко мне в постель. Чтобы напугать меня до смерти. А потом вернули обратно, в свою избу, пока я пребывал в расстроенных чувствах.

И моя отключка, когда я вечером брыкнулся непонятно от чего, как бык на бойне, также с этой оперы. Меня тоже усыпили. Но как, каким образом? Это вопрос. Которым я сейчас и займусь.

Так думал я, озабоченно хмурясь и размашисто шагая по нашему деревенскому «Бродвею» – главной улице, название которой давно кануло в лету, представлявшей собой заросшую спорышом широкую тропу между избами.

Да и кто бы ее укатал? Машины и прочие механические транспортные средства к нам могли добраться разве что в зимнее время, и то не всегда – болота замерзали лишь во время сильных морозов, а нынче одни оттепели, климат поменялся, стал почти европейским.

А телега Зосимы с Машкой в запряжке ездил по улице так редко, что даже следов не оставляла.

Неожиданно меня будто что-то укололо под сердце. Повинуясь непонятному порыву, я резко поднял голову, посмотрел налево, и увидел, что из переулка на меня пристально смотрит ведьмак-черноризец.

Он стоял, опершись на свою клюку, неподвижный, как изваяние, сработанное искусным мастером-резчиком из черного эбенового дерева. Только покрытое загаром лицо было немного светлее. Наверное, этот черноризец загорал на болотах, когда искал фиг его знает что вместе со своей братией.

Наши взгляды столкнулись, и мне показалось, что воздух между нами заискрился. Я и не пытался скрыть ненависть, которая полыхнула во мне совершенно спонтанно. Я не боялся, я готов был к схватке, и ведьмак это, похоже, понял. Понял он и то, что я разгадал его игру.

Поединок взглядами длился считанные секунды. Но за это время мы оба поняли, что наша вражда – смертельная. И драка предстоит беспощадная.

Я вызывающе ухмыльнулся. Наверное, у меня получилась не улыбка, а злобный звериный оскал, потому что черноризец вздрогнул, круто развернулся и пошагал по переулку в сторону своего логова.

Сукин сын!

Тряхнув головой, чтобы изгнать его образ из моего внутреннего мира, я продолжил свой путь с твердым намерением разобраться до конца со всеми тайнами, которые нагородил этот ведьмак вокруг меня и моей избы.

Надо было только начать. А где та печка, от которой мне придется пуститься в пляс, я уже знал. Вернее, догадывался.

Мои примитивные «контрольки» – несколько тонких волосков, наклепленных на входную дверь, – были на месте. В мое отсутствие никто избы не посещал. Это меня несколько успокоило.

Но было еще кое-что, весьма опасное, поэтому я, распахнув все двери избы настежь, минут пять курил на улице, дожидаясь, пока проветрятся помещения.

А затем я начал изображать из себя сыщика позапрошлого столетия. Я ползал по стенкам, как муха, изучая с помощью лупы каждый квадратный сантиметр бревен, которые уложил в венец хороший мастер лет, эдак, семьдесят назад.

Это когда еще были живы так называемые кулаки – работающие люди, народные кормильцы, настоящие хозяева земли. Потом их благополучно перестреляли и погноили в лагерях полуграмотные комиссары в кожаных тужурках и шибко образованные большевики в пенсне.

Все было сделано в лучшем виде, констатировал я с удовлетворением, разглядывая стену через увеличительное стекло. Даже жуки-древоточцы не посмели попробовать на зуб древесные стволы, скорее всего, обработанные каким-то старинным антисептическим составом.

Нашел! Я с огромным удовлетворением мысленно погладил себя по голове – молодец, Арсеньев, башка еще варит. А это значит, что не такой уж я и пенсионер.

То приближая лупу к стене, то удаляя ее, я рассматривал ожидаемое открытие минуты две. Какая-то сволочь просверлила между бревнами отверстие диаметром примерно четыре-пять миллиметров. Оно находилось на полуметровой высоте от уровня пола.

Хитро придумано. Увидеть отверстие я не мог (разве что приблизившись к стене в месте засверловки вплотную, да еще и опустившись на корточки). К тому же, оно располагалось во впадине между бревнами.

Теперь мне стала до конца понятна техника производства светящихся «призраков». Некто, вставив в отверстие трубочку, выдувал в избы фосфоресцирующие пузыри, которые появлялись передо мной, подсвеченные полной луной, как бы из стены. А его напарник занимался тем же, но во дворе.

Материализация духов, мать его... А я, дурак, едва в штаны не наложил от страха. Тоже мне, герой невидимого фронта. До чего может довести нормального мужика семейная жизнь...

Я нашел еще три отверстия. Кто-то потруился на славу, не жалея рук. Вставив в отверстия тонкие прутики, я вышел во двор. И лишь покрутил головой, удивляясь предусмотрительности моих врагов.

Все отверстия снаружи были залеплены темным воском, совершенно не видимым на

почерневших от времени деревянных стенах. А стружки, оставшиеся от сверления, были тщательно подметены. Я не заметил ни малейших следов работы буравом.

Впрочем, я не сильно и присматривался. Мало того, я сделал вид, что просто прогуливаюсь по подворью. Вдруг кто-то наблюдает за мной из леска? А мне хотелось, что мои вражины даже не догадывались, что я раскрыл их фокус.

Теперь мне предстояла работа. Работа тонкая, кропотливая (чего я страсть как не люблю), да еще и с химическим уклоном. И ее нужно было сделать до вечера. В обязательном порядке.

Для начала я занялся слесарной работой. Во дворе у меня находились погреб, колодец и рубленая клеть, где я оборудовал мастерскую. Увы, в Близозерье мастера, чтобы он забил гвоздь – как это обычно практикуется в городе, не нанять.

Поэтому я, не долго думая, натащил в свою обитель разных железяк, инструментов, электрических механизмов, и переоборудовал клеть под весьма приличную мастерскую. Даже Зосима в охотку приходил ко мне поточить топор или нож, что раньше он обычно делал со скрипом, через не хочу.

Я нашел в мастерской медную трубку подходящего диаметра, отпилил от нее кусок нужной длины, и тщательно отполировал внутреннюю поверхность заготовки.

Затем со стальной проволоки я сделал два десятка игл с насечками у острия. Иглы получились у меня одно загляденье – ровненькие, блестящие. Я даже залюбовался своими произведениями и в который раз мысленно погладил себя по голове.

Теперь осталось всего ничего – превратить иглы в стрелки для духового ружья, найти составные части яда, приготовить его и смазать кончики стрелок.

Наверное, мало кто знает, что вокруг нас растут сплошь ядовитые растения. Даже невинный спорыш или лопух. Только нужно уметь извлечь из них яд. Вернее, это даже не яд, а просто субстанция. В принципе, можно преспокойно съесть салат из лопуха или спорыша и даже получить удовольствие.

Что и делают вегетарианцы. Они трескают все зеленое подряд. И им хоть бы хны.

Но когда набирается десятка полтора-два таких субстанций, и они смешиваются в определенных пропорциях, то получается яд, до которого по силе воздействия знаменитому кураре далеко.

Составлять яды нас не учили. Только объяснили, что такое возможно, и даже указали на некоторые растения, как нашей родной сторонки, так и других стран, которые употреблять в пищу нельзя ни под каким видом.

Однако я всегда отличался повышенной любознательностью, потому сумел подобрать ключи к странному человечку, живущему в отдельном коттедже на охраняемой территории нашего учебного центра.

Он был похож на средневекового монаха: обычно ходил в длинном коричневом плаще (всегда в одном и том же), в руках у него были четки, а на голове под солнечными лучами блестела тонзура; только он не выбривал ее специально, это его природа наградила такой лысиной.

Человечек – рост у него был полтора метра с кепкой на коньках – всегда держался в стороне, в том числе и от командного состава, но я заметил, что его не просто уважают, а даже побаиваются. В том числе и наш главный «пахан» – начальник спецучебки, а заодно и исследовательского полигона, на котором что-то постоянно испытывали.

Что именно, никто не знал. Это была тайна, о которой курсантам даже запрещалось говорить.

Этот мужичок-«монашек» как раз и прочитал нам несколько лекций о травах и прочих растениях. Но уклон этих лекций был не в сторону изготовления ядов из подручных средств, а на предмет выживания в любых климатических поясах и регионах.

От него мы много чего узнали (а потом закрепили наши знания и на практике, будь она неладна; я, например, употреблял съедобные траву и листья две недели и едва вообще не превратился в жвачное животное). Но вот вопрос по ядам меня здорово зацепил.

Уж не помню точно, на какой козе я к нему подъехал, но вскоре он пригласил меня к себе домой. Что ж, и отшельники иногда испытывают потребность общения с другими людьми.

Оказалось, что в коттедже находилась первоклассная химическая лаборатория. И наш «монашек» трудился в ней с раннего утра до позднего вечера. Естественно, с перерывами на лекции. Что касается обеда, то еду в это время ему чаще всего приносили прямо на дом.

Вот он и преподавал мне несколько уроков по части приготовления ядов из окружающих нас растений. Если честно, я просто обалдел от увиденного. И на некоторое время превратился в прилежного ученика.

Конечно, всего он мне не рассказал и не показал. Это уже было бы чересчур. Думаю, что в таком случае после окончания курсов меня могли напрямик направить в какое-нибудь закрытое учреждение, где я и сгнил бы заживо, так как до пенсии мне тогда было ой-ей сколько.

Впрочем, мы с «монашеком» старались наши отношения не афишировать...

Компоненты для приготовления яда я нашел быстро. Затем начался технологический процесс, больше напоминающий киношные страсти бабы-яги, которая готовила снадобье для своих черных дел. В маленькую кастрюльку с варевом я не бросал лишь сушеных лягушек и змеиные головы.

Поскольку приготовление яда было вовсе не безобидным процессом, мне приходилось возле плиты быть очень осторожным.

Во-первых, чтобы пары моей «стряпни» не попали в легкие, я, для очистки совести, надел марлевую повязку (которая помогла бы мне как мертвому припарка), а во-вторых, я просто задерживал дыхание, когда нужно было помешать варево деревянной палочкой.

Ну и, естественно, пока на плите потихоньку булькало, я торчал возле забора, а дверь в избу и форточки были открыты.

Яд получился – супер. Это я видел и без испытаний. А на ком испытываешь? Животных жалко, птичек тоже. Разве что на черноризце. Это единственная тварь, над которой я бы поставил опыт, не колеблясь ни секунды.

Что ж, проверка качества яда пройдет, так сказать, в боевых условиях...

Пока яд остывал, я прикрепил к стрелкам оперение. Я изготовил его из гусиных перьев -такого добра по берегам озера хватало.

Это адская работа: нужно было очень аккуратно приклеить волосок к волоску, дабы образовался плотный пучок, не пропускающий воздух во время выстрела – чтобы стрелка могла с большой скоростью вылететь из трубки.

Затем я немного потренировался в стрельбе из своего сумпитана (так азиаты называют духовое ружье), чтобы вспомнить навыки обращения с таким оружием. Делал я это в избе – чтобы не афишировать свои приготовления.

Ближе к вечеру я приступил к предпоследней фазе выполнения моего коварного (и жестокого) плана. Я смазал кончики игл ядом, подождал, пока они не высохнут, а затем осторожно уложил их в специальный кожаный чехольчик, сшитый загодя.

Осталось последнее и самое главное – дожждаться коварных «фокусников». Я почему-то был уверен (особенно после встречи с ведьмаком), что теперь они должны запустить в мою избу уже не относительно безобидный сонный газ, а что-нибудь покруче. Возможно даже яд.

И мне очень не хотелось бы испытать его действие на себе. Поэтому я первым делом забил просверленные отверстия деревянными пробками, посадив их на клей, но только изнутри. Пусть адепты ведьмака дуют, сколько им влезет, если я вдруг проморгаю их появление возле избы.

Когда совсем стемнело, и пришло время лечь на боковую, я надел черный комбинезон, взял вдобавок к сумпитану ружье, а также запас еды и воду, потушил свет, и, немного подождав, осторожно выскользнул из своего бунгало.

Для ночной засады идеально подходила лишь клеть. С ее двери отлично просматривалась та сторона избы, над которой славно потрудились черные сверлильщики.

Дверь клетки осталась старая, от прежних хозяев, то есть, была вся в щелях, – я поленился ее поменять. Поэтому мне хорошо был виден почти весь двор, и главное – подходы к избе.

Потянулись томительные часы ожидания. Я отдавал себе отчет в том, что, возможно, мои вражины сегодня и не появятся. Что ж, тогда останусь на всеношную завтра, послезавтра... – в общем, буду торчать в засаде, сколько нужно. Мне не привыкать. Все равно они придут, в этом я был уверен на все сто.

Месть – это такая сладкая штука. Но она требует от человека самосожжения. Мститель тратит на свою будущую жертву энергию своей души, и как раз в этом случае она не восстанавливается.

Создатель был очень мудр...

Я уже успел перекусить, затем мысленно прочитал наизусть почти все поэмы Пушкина и Лермонтова (которые знал) и добрался до английских поэтов-классиков девятнадцатого века (на часах была половина четвертого), когда обстановка во дворе изменилась. Это произошло так быстро и незаметно, что я даже опешил.

Две бесформенные тени словно материализовались в высокой траве подворья (которую мне все недосуг выкосить). Они слепились из мозаичных черных и серых пятен, нарисованных блеклой луной, и заскользили, заструились по земле в сторону избы.

«Хорошо плывет эта группа в полосатых купальниках», вспомнил я вдруг фразу из кинофильма «Полосатый рейс». Там были тигры, а здесь... здесь тигровые змеи.

Видно было, что непрошенные ночные гости отнюдь не новички в пластунском деле. Все они выполняли вполне профессионально. Время от времени «пластуны» замирали в полной неподвижности, и тогда очень трудно было различить их фигуры, одетые в камуфляж.

Наконец они подобрались вплотную к стене избы, где находились отверстия, и я услышал тихое шипение. Услышал и злобно ухмыльнулся. Это означало, что газ из баллонов с какой-то пакостью, которую они принесли с собой, не мог пробиться внутрь моего жилища.

Все, теперь моя совесть будет чиста. Кто к нам с мечом придет... В общем, понятно.

Слегка приоткрыв дверь клетки-мастерской, я тщательно прицелился и выпустил первую стрелку. Она попала одному из них точно между лопаток – промахнуться с такого небольшого расстояния просто нельзя. Раздался приглушенный вскрик, а затем послышалась тихая возня.

Я не стал мешкать. Перезарядив самопальное духовое ружье, я снова выпустил отравленную стрелку – теперь уже в другого «пластуна». Этот получил «подарок» в поясницу; а может, и ниже, в самый тыл. Он как раз в момент выстрела нагнулся, чтобы помочь товарищу.

А чем там поможешь? Я знал, что последует дальше, когда яд попадет в кровь. Боль от укола стрелки – это семечки.

Через две-три минуты начинается жжение во всем теле, которое спустя полчаса становится просто невыносимым. Тело человека покрывается волдырями, а затем струпьями, и все это происходит с потрясающей быстротой. Короче говоря, веселье еще то.

Должен признаться, я все-таки их пожалел, не добавил к снадобью еще две-три травки. Тогда этим парням точно пришел бы полный звездеч. А так через неделю-другую они выздоровеют. Даже без лечения.

Да и кто может вылечить человека, отравленного растительными ядами, которыми в средневековье практиковала известная отравительница госпожа Тофана? В наше время таких целителей можно посчитать по пальцам. К тому же они не дают объявления в Интернете о предоставлении подобных услуг.

Похоже, яд начал работать на всю катушку. Раздались стоны, затем сдавленный крик – наверное, кто-то из пластунов, в конце концов, нашел и вытащил стрелку, неглубоко вонзившуюся в тело.

А потом к ним пришло прозрение. Парни поняли, что они на мушке. Мало того, непрошенные гости сразу сообразили, что стрелки отравленные. Уже не таясь, оба пластуна вскочили на ноги и рванули со двора с потрясающей скоростью.

Да, бегать они умеют. Это я уже знал. Но только вряд ли им поможет ведьмак, к которому они помелись со всех ног, как вшивые бездомные кобели на запах вареной печенки.

Из предосторожности я просидел в клетке еще с полчаса – вдруг у «пластунов» есть боевое охранение? А что, вполне возможно. Народ, судя по всему, непростой, битый...

Остаток ночи я провел в полудреме. Это когда тело спит, а голова бодрствует. Нет, все-таки я уже далеко не тот Ястреб, который когда-то летал не только над своей огромной страной, но и в дальнее зарубежье.

Глава 21

Утром над нашей деревней несколько раз пролетел военный вертолет. Это было необычно. Что нужно военным в нашей глуши? Или генералы решили устроить здесь охоту?

А что, делать им сейчас нечего: армия дышит на ладан, техника практически не обновляется, врагов у нас нет – так заявляет сам президент. Конечно, кроме террористов. Но с ними могут справиться и менты.

Вот господа генералы и нудятся в своих кабинетах, составляя никому не нужные, а главное, нереальные планы модернизации армии и графики поступления в войска апельсинового сока и презервативов в будущем столетии, да клепают себе вполне конкретные дачки, используя солдат как рабсилу. А в перерывах между этими важными занятиями ездят на охоту и на рыбалку.

Людам ведь нужно отдохнуть после трудов праведных...

С такими злыми и немного ироничными мыслями о своих бывших начальниках я, как только рассвело, начал обследовать двор и то место, где непрошенные гости получили по иголке в тыл.

Увы, баллончики с газом «пластуны» унесли с собой. Все-таки выучка у них на высоте. А хотелось бы узнать, что там они для меня припасли.

«Ушла» вместе с ними и одна из стрелок. Уж не знаю, специально ли ее забрали (это весьма предусмотрительно; можно хотя бы попробовать определить, каким ядом смазано острие, чтобы найти противоядие) или она просто застряла в амуниции.

Впрочем, эти проблемы меня не беспокоили. «Пластуны» получили то, что заслужили. Не я первым начал боевые действия.

Меня волновало другое: что теперь предпримет ведьмак? И как мне поступить дальше – самому напасть или подождать развития событий?

Будь это задание с вполне конкретными целями, я бы не колебался. Распотрошить гнездо черноризца можно в считанные минуты. Даже используя подручные средства, которые я запросто отыщу в деревне. Остановить меня не смогут никакие ловушки.

Но я не на войне. И в принципе моими противниками являются мирные люди, пусть и не очень хорошие. Ведьмак мог подчинить своей воле этих парней, используя, например, гипноз и наркотики, чтобы управлять ими по своему усмотрению. Так чаще всего и бывает в тоталитарных сектах.

Под влиянием внушения и разных снадобий люди не ведают, что творят. В таком случае их вина минимальна.

Так что же тогда, грохнуть черноризца и дело с концом?

Иво, не будь наивным пацаном. Начнется расследование и сразу же след к тебе потянется. И начнется долгая раскрутка. А ты все это время будешь сидеть в СИЗО. Пока не отмажешься или не сядешь окончательно. Хорошая перспектива. Воодушевляющая.

Нет, на прямую конфронтацию идти нельзя. Буду играть в игру, предложенную ведьмаком. А там посмотрим, надолго ли у меня хватит терпения изображать из себя мишень.

Пришел Зосима. Он был сильно озабоченный и какой-то помятый.

– Ты что, опять всю ночь с Кондраткой квасил? – спросил я с осуждением, готовя удочки.

Нужно было пополнить запас рыбы. Судя по безветренной погоде с утра, клев намечался отменный.

– Нет. Вчера поздно вернулся со станции.

– Опять отвозил дачников?

– Отвозил.

– А почему такой грустный? Неужто не заплатили? Или что болит?

– Ничего не болит... только в суставах ломота, наверное, дождь будет. И деньги дали хорошие...

– Так чего же ты голову прямо с утра повесил?

– Дык, эти... опять летали.

– Кто такие «эти»?

– Ну, зеленые... С большими головами. По телевизору как-то показывали.

– Инопланетяне?

– Ага.

– Интересно, где ты нашел телевизор?

– А ты не знаешь, где?

– Да как-то не припоминаю.

– В пивной на станции стоит. На полочке. Только сейчас он не работает. Что-то там сгорело. А раньше включали. Интересно было...

– Теперь вспомнил... И куда эти инопланетяне летели?

– Над Пимкиным болотом кружили. Потом один исчез, наверное, садился. А затем они улетели. Очень быстро.

– И когда это было? В котором часу?

– Дык, это, примерно в полвторого ночи.

В это время я торчал в клетки, поэтому Пимкино болото было скрыто от меня избой.

– Может, у тебя была галлюцинация от переутомления? – спросил я осторожно. – Или ты был под мухой. Я почему-то уверен, что на обратном пути Машка завезла тебя в пивную.

– Ну был я там, заглянул на самую малость. Но выпил всего два бокала пива. И в дорогу взял еще две бутылки «Жигулевского». Оно хоть и не очень, однако, пить можно.

– Кто спорит... Но может это никакие не инопланетяне, а вертолеты, например? Один сегодня с утра летал. Военный. Возможно, у них учения какие.

– Я что, никогда вертолета не видел? – сказал Зосима с обидой. – Нет, это были инопланетяне, точно тебе говорю. Такие большие тарелки, светятся и мигают.

– Ты один их наблюдал? – спросил я по-прежнему с недоверием.

– Я не бегал по деревне и никого не расспрашивал, – сердито ответил Зосима.

– Ладно, ладно, не злись. Я мало верю в инопланетян и вообще в разную чертовщину, ты это знаешь. Уж извини.

– Знаю, – хмуро буркнул Зосима.

– Вот мы и договорились. Хрен с ними, с этими инопланетянами. Раньше летали, еще до революции, теперь летают – пусть их. Нам-то что? Мне, например, от этого ни холодно, ни жарко.

– Не к добру это...

– Что тебе сказать... Не исключено, что ты прав. Но человек слаб и незащищен перед ликом природы. А уж перед всякими там инопланетянами, обладающими потрясающей воображение техникой и технологиями, и нечистой силой мы и вовсе букашки.

– Душу надо спасать.

– Разумное замечание. Есть предложение начать спасательные работы прямо сейчас. Ты, случаем, не прихватил с собой бутылочку?

Зосима смущенно прокашлялся:

– Кх, кх!... Дык, это, как-то не догадался...

– Эх ты... Есть хорошая поговорка: с утра выпьешь, весь день свободен. В нашем случае это означает не только свободу, как таковую, а еще и внутренне раскрепощение, чтобы дурные мысли улетучились.

– Так ведь еще очень рано.

– Не смотри на меня с осуждением. Я не пью, а залечиваю душевную травму. И тебе, между прочим, нужно полечиться. А то эти инопланетные корабли дурно влияют на человеческую психику.

– Ну, недолго и сбегать...

Но сбыться его намерению было не суждено. В дверь кто-то постучал. Вопросительно подняв брови, я сказал, повысив голос:

– Входите! Не заперто.

Входная дверь, даже не скрипнув (вчера я хорошо смазал петли), отворилась и впустила в избу... Идиомыча! Вот так штука. Явление волхва народу.

Кого-кого, а уж профессора в гости я никак не ждал. И даже не мог предположить, что он когда-нибудь заглянет ко мне на огонек. Уж очень Идиомыч был сух при нашей встрече. Наверное, мой визит прервал нить его от философических размышлений.

Идиомыч был сильно встревожен.

– Исчез Кондратий Иванович, – заявил он сразу, без вступления и прочих интеллигентских шуточек. – Вчера ушел с утра на болота и до сих пор не возвратился.

Надо же! Оказывается, Кондратка сумел завести дружбу с нелюдимым Идиомычем. Интересно, на какой почве они стакнулись?

– Дык, это не новость, – опередил меня Зосима. – Он сутками в лесу попадает. Ему не впервой.

– На этот раз все не так, – сухо парировал Идиомыч. – Он в беде.

– Откуда это вам известно? – вступил и я в разговор.

– Вот... – Идиомыч положил на стол маленькую пластмассовую коробочку; это был примитивный футлярчик для украшений, который всучивают покупателям в ювелирных «шопах» дешевого пошиба.

Коробочка была плотно закрыта. В ее крышку был вмонтирован светодиод. И сейчас он часто-часто мигал тревожным красным светом.

– Что это? – спросил я недоумением.

– А вы не поняли? – не без иронии спросил Идиомыч.

– Навскидку – нет, – ответил я сердито.

Большие умники считают, что все вокруг должны так же быстро соображать, как и они.

– Это приемное устройство. А мигающий светодиод – сигнал радиомаяка, – сказал Идиомыч.

– Ух ты... – Я осклабился. – Не знал, что вы занимаетесь, кроме алхимии, еще и радиолюбительством. И что он вам маячит?

– Это совсем не смешно, уважаемый. – Идиомыч изобразил из себя оскорбленную в лучших чувствах невинность.

– Извините, – ответил я, спрятав свою дурацкую ухмылку. – Но я действительно не врубаюсь в ситуацию.

– Отправляясь на болота, Кондратий Иванович всегда брал с собой радиомаяк. По нашей договоренности, если с ним приключится что-то экстраординарное, он должен был его включить. И вот сегодня маяк сработал.

– Когда именно?

– Кгм!... – в некотором смущении прокашлялся Идиомыч. – Увы, не могу сказать точно. Дело в том, что это приемное устройство я нечаянно завалил бумагами... и вообще всякой всячиной. Оно ведь миниатюрное. И откопал только сегодня утром. Маяк уже работал.

– Тэ-экс... – Я задумчиво потер небритый подбородок. – Случайное срабатывание исключается?

– Да. Я так его спроектировал, что нечаянное включение невозможно.

– Вы это сделали по просьбе Кондрат... – Я едва не назвал прозвище нашего археолога-литературоведа, да вовремя спохватился, вспомнив, с кем разговариваю. – По просьбе Кондратия Ивановича?

– Именно так.

Вот тебе и Кондратка... Даже Идиомычу сумел в душу влезть со своим монахом-провидцем. Похоже, разлюбезнейший Кондратий Иванович только то и делал, что ходил по гостям.

У того позавтракал, у того пообедал, а на ужин – к Зосиме, у которого всегда наготове самогон с травками, дичь в печи томится, и связка вяленой рыбы над окном висит. Чем не ресторан. Неплохо устроился... мечтатель.

– Ну хорошо, допустим, с Кондратием Ивановичем и впрямь стряслась беда. Но чем мы можем помочь?

– Что значит – чем? Нужно идти к нему на выручку.

Зосима, сидевший до этого совершенно безмолвно, закричал и начал ерзать. Я понял его и без слов. Найти на болотах попавшего в беду человека сложнее, чем отыскать иголку в стог сена. У нас тут такие леса, что могут целую армию спрятать.

– Вы понимаете, о чем говорите? – спросил я сухо; не было мне печали по болотам болтаться, да еще и впустую. – Чтобы найти Кондратия Ивановича в этом море зеленом, разливанном, нужно как минимум полста человек. Притом опытных следопытов, кто хорошо знает местность. А где их взять?

– Не нужно полста человек. На поиски пойдем втроем – я, вы и Зосима. Найти Кондратия Ивановича несложно. Смотрите...

Жестом опытного фокусника Идиомыч достал из нагрудного кармана приборчик, смахивающий на небольшой калькулятор. Впрочем, так оно и было – корпус прибора точно был от японской считалки.

Но что касается начинки, то она была совсем другой. Это я понял по дисплею, который был гораздо больше, чем у калькулятора. А вместо цифирок в стеклянном окошке виднелась нервно подрагивающая стрелка.

– Извините меня за техническую необразованность, – сказал я, тщательно подбирая слова, – но я опять не могу сообразить, что это за штуковина.

– Определитель азимута, – коротко объяснил Идиомыч.

– Вот теперь я понял. И куда стрелка указывает в данный момент?

– Сейчас посмотрим... – Идиомыч что-то там понажимал – какие-то кнопки на корпусе приборчика, и начал медленно поворачиваться вокруг собственной оси, держа в руках свое изобретение как обычный компас. – Туда, – остановившись, махнул он рукой, указывая направление. – Кондратий Иванович находится в той стороне.

Я посмотрел на прибор – чуткая стрелка дрожала на красной черте, расположенной по центральной оси прибора. И продолжение этой черты уходило в Пимкино болото.

Мать моя женщина! Кондратку занесло в самые, что ни есть, гибельные места. Если прибор и впрямь не врет, то, похоже, Кондратию Ивановичу прикрутился полный пердомонюкль. Как его можно вытащить из владений самого лешего, если дорогу туда не знает даже Зосима?

– Насколько я понимаю, вы, как человек ученый, неплохо владеете пером... – Я смотрел на Идиомыча вопросительно.

– В некотором рода, да. А почему вас интересуют мои литературные способности? И какое отношение они имеют к поискам Кондратия Ивановича?

– Самое непосредственное. Идите домой, берите свое стило, и составляйте эпитафию на безвременно усопшего Кондратия Ивановича.

– Что вы такое говорите!? – возмутился Идиомыч. – Как можно?

– Можно. И очень даже запросто. Кто уходил в Пимкино болото, особенно в том направлении, куда указывает стрелка вашего определителя азимута, тот обычно домой не возвращался. Если не верите мне, спросите Зосиму. Он старожил и хорошо знает все обстоятельства, связанные с Пимкиным болотом.

– Дык, это, все верно, – сказал встревоженный Зосима. – Назад оттуда ходу нет. Леший всех подбирает.

– Глупости! – рассердился Идиомыч. – Нет никаких леших, водяных, русалок и прочая. Болото, оно и есть болото. И если Кондратия Ивановича не засосала трясина (а судя по тому, что ему удалось включить радиомаяк, он, скорее всего, жив), то есть возможность спасти его. И мы должны это сделать. Просто обязаны!

Зосима смолчал, лишь покривился неприязненно. И я знал, почему – моему доброму другу не понравились атеистические высказывания Идиомыча. Зосима верил и в лешего, и в русалок, и вообще считал, что природа – живой, мыслящий организм.

– Позвольте вас поправить, – сказал я не без иронии. – Не возможность, как вы выразились, а вероятность. Как там у вас, в научном мире: по статистике из сотни провальных экспериментов один обязательно должен дать какой-нибудь результат (который может быть и с отрицательным знаком). Так почему вы считаете, что Кондратий Иванович как раз та самая счастливая единица, которой выпало счастье вернуться из Пимкиного болота домой при памяти и в полном здравии? Не думаю, что до него в болоте сгнуло девяносто девять человек. Это первое. А что касается второго пункта, то должен вам доложить, что никому ничего я не обязан. Так же, как и вы. Вот и весь мой сказ.

– Вы как-то странно интерпретируете теорию вероятности. Если бы дело касалось лично меня, я бы обиделся и ушел, – нервно похрустывая пальцами, сказал Идиомыч. – Но погибает хороший человек. И кроме нас помочь ему не сможет никто.

– Почему никто? Позвоните в райцентр, в милицию, они могут прислать вертолет...

Я сказал это, уже зная заранее, что сморозил глупость. Чтобы наши районные менты выслали дорогостоящую вертушку на поиски какого-то сумасшедшего, которому вздумалось сунуться в гибельное болото... Это нонсенс. Никто даже не пошевелится.

Ну разве что пришлют участкового (которого я никогда здесь не видел; кстати, Зосима тоже не имел чести его лицезреть), который составит нужную бумагу и на том дело закончится.

В райотделе милиции тоже сидят неглупые люди. Им хорошо известно, что пропавших в Пимкином болоте граждан не находили никогда. Даже с помощью вертолета (такое случалось, еще при советской власти, когда показушная забота о простом человеке превалировала над здравым смыслом).

И уж тем более сейчас никто не решится дать команду сжечь за здорово живешь тонну-две горючки. Машины ДПС заправлять нечем. И кто за это заплатит? Теперь только так – плати деньги и летай, сколько душа влезет. Богатая душа. Я имею ввиду, материально. А у нашего Кондратки за душой ни гроша.

– Да, да, вертолет – это хорошо! – оживился Идиомыч. – Отличная идея! С моим азимутуказателем мы найдем Кондратия Иваныча в два счета.

– Вы так богаты? – Я все-таки не удержался от ироничной улыбки.

– При чем здесь богатство?

– Очень даже при чем. За «вертушку» нужно заплатить. Отдал бабки (лучше наличкой) – и можешь искать кого угодно, где угодно, и хоть до нового пришествия.

– Они обязаны!... – начал было Идиомыч высоким голосом, да вдруг поперхнулся.

Я быстро подал ему стакан кипяченой воды, который он и осушил до дна.

– Ничего и никому менты не обязаны, – сказал я, когда Идиомыч отставил пустой стакан в сторону. – Летать за каждым заблудившимся грибником или просто балбесом, которого

угораздило сходить на пленер в Пимкино болото, – никакой бюджет не выдержит. Вы это должны понимать.

– Да. Понимаю... – Идиомыч затих в горестной задумчивости.

Мы с Зосимой переглянулись. Он лишь молча развел руками. Я понял его без слов. Что поделаешь, идти не хочется, а надо. Вопреки здравому смыслу.

Кондратий Иваныч – неплохой человек. Энтузиаст, романтик. Такие люди должны жить. Их уже и так очень мало осталось в нашей стране. Вдруг нам повезет. Пардон – Кондратке.

– А если понимаете, так что же вы здесь расселись? – сказал я деловито, поднимаясь на ровные ноги. – Идите домой, Николай Карлович, собирайтесь. Да не мешкайте. Время поджимает.

– То есть, как?...

– Молча. Одевайтесь по-походному, берите запас продуктов дна на три, средство от комаров и мошкары – и вперед. Надо спешить, пока маячок Кондратия Ивановича не сдох. В нем ведь стоят не атомные батарейки.

– Не атомные, – механически повторил Идиомыч, все еще пребывая в большой растерянности.

Он уже предположил, что получил отказ. И приготовился (как я понял по гневному блеску в его глазах, который начал постепенно разгораться, как пожар в сухой степи), сказать нам с Зосимой громкое «фе» и заклеить нас позором в большой умной речи. Как же плохо этот ученый человек думает о простых нормальных людях...

– Я уже бегу. Бегу! – воскликнул обрадованный Идиомыч, и свалил так быстро, словно его корова языком слизала.

– Ну не дураки мы с тобой, а, Зосима? – спросил я, когда за Идиомычем хлопнула входная дверь. – Скажи мне, старче. Только правду. Как думаешь.

– Дык, это... Конечно, не с большого ума...

– Вот и я об этом. Хана нам придет. Это точно. Как подумаю, что нужно в грязь нырять... Бр-р-р! Нырять – ладно, как-нибудь. А вот вынырнем ли – это вопрос.

– Чижело будет...

– Ага. Еще как тяжело.

– Надо хорошие слезы вырубить, крепкие. Возле Пимкиного болота подходящих для этого дела деревьев трудно сыскать.

– Твоя правда. Этим ты и займись. На деревья твой глаз больше наметан. А я буду собирать сидор. Главное – не забыть котелок. Без горячей пищи плохо. Кстати, топор возьми мой. Он в сенцах. Его же прихватим и в дорогу...

Я знал, что топор Зосима точит только тогда, когда он превращается в тупой донельзя щербатый колун. Слегу – длинную ровную жердь, таким орудием труда не срубишь.

Идти по азимуту, это, конечно, хорошо, но только тогда, когда перед тобой степь, ровная, как стол. А лесные дебри и болота не очень способствуют прямолинейности маршрута. Поэтому мы с Зосимой решили поискать следы Кондратки, чтобы потом топтать по ним, как по ниточке.

Этот вопрос разрешился на удивление быстро. Кондратка хоть и худой, но лапти у него будь здоров. И ходит он по лесу, словно шагающий экскаватор, вытаптывая поистине слоновью тропу.

Поэтому, сделав по азимуту поиска несколько зигзагов, мы сразу же наткнулись на следы сандалий Кондратия Ивановича.

– Эге, да ведь он идет по Киндеевой тропе, – озабоченно сказал через некоторое время Зосима.

– Что за тропа, почему не знаю? – Мне и впрямь стало интересно.

– Ну, это давняя история... – уклончиво ответил Зосима.

Старый следопыт был сегодня не в своей тарелке – он почти всю дорогу молчал, лишь время от времени прокашливался. Его смущало присутствие Идиомыча, который пыхтел позади, как паровоз русского умельца Черепанова.

Да, господин профессор, в лес ходить не на прогулку, а по важному делу, когда нужно поторапливаться, это вам не детские опыты с мыльными пузырями разным штатским неучам показывать. Вот здесь мы и посмотрим, кто в жизни дока. Это только с кафедры хорошо рассуждать о трудностях земного бытия и о том, как понятны лектору беды и горести простого народа.

А ежели пешочком на пределе возможностей километров двадцать, да по бездорожью, да еще мордой в грязь несколько раз, зацепившись за корягу, а до горячей ванны, ох, как далеко... Вот тогда и начинаешь понимать, что все твои великие знания, весь твой звездный имидж среди живой природы до лампочки.

– А ты расскажи, – попросил я, протискиваясь меж двух толстых стволов.

Когда-то они были маленькими росточками, а теперь заняли по ширине полтропы, образовав калитку, ведущую неизвестно куда – дальше тропа резко сворачивала направо и исчезала в овраге. Можно было, конечно, обойти этих двух патриархов кустами, но я топал за Зосимой след в след.

Из предыдущего опыта наших совместных походов по лесам я мигом сделал однозначный вывод: если Зосима не сошел с тропы, значит, так надо, значит, в этом есть какой-то скрытый, потаенный смысл.

– Дык, что здесь рассказывать? – неохотно откликнулся Зосима. – Киндей тут ходил. Вот тропу и назвали его именем.

– Ты не темни. Выкладывай всю историю, без купюр. Нам еще топтать и топтать, так что можешь даже не рассказ, а целый роман нам сплести.

Зосима немного повздыхал, но, зная, что я все равно не отстану, начал:

– Говорю то, что мне дед поведал. По этой тропе Киндей ходил за своим золотом. А места тут еще со старых времен были заколдованными. Никто из деревенских носа сюда не казал. Правда, были смельчаки – два или три человека, да все сгнули. Ушли по этой тропе и не

вернулись. Но это было давно, очень давно, еще когда люди поклонялись Дажьбогу и Велесу. Еще за моей памяти старые деревянные идолы встречались на Взгорье – помнишь, мы там лося завалили?

– Помню, – ответил я.

Взгорье – это холмистая возвышенность среди лесов, заросшая высоким кустарником. Я, конечно, мало сведущ в археологии, но мне кажется, что там находятся захоронения древних славян, а холмики – это рукотворные курганы.

Почему я так думаю? Дело в том, что однажды мы с Венедиктом по пьяной лавочке съездили на раскопки; он хотел там по быстрому сделать несколько эскизов для какой-то картины. Так вот, та местность в точности напоминала Взгорье.

– Понятное дело, сейчас тех идолов нет и в помине, – продолжал, как мне показалось, не без сожаления Зосима. – Может, сгнили, а может, в музей их забрали, не знаю. Так вот, Киндей сюда тоже хаживал. Он был отчаянным человеком, ничего не боялся. Говорят, что Киндей и в Христа не верил, а поклонялся лесным богам...

– Как некоторые наши друзья-приятели, – не утерпел я, чтобы не подкузьмить Зосиму.

Зосима что-то хрюкнул в ответ, немного помолчал – наверное, немного обиделся – и продолжил:

– Тропа эта – сам видишь – очень удобная. Она идет по скальному гребню до самого Пимкиного болота. Правда, камень прикрыт землей, но все равно на этой полоске деревья не растут, только сбоку от тропы. Да что деревья – на Киндеевой тропе даже кустика не найдешь. Точно без колдовства не обошлось.

– Но ты же не боишься по ней ходить.

– Дык, ведь тут вот такая штука: ежели ты хороший человек и в лес идешь без злого умысла, тропа будет к тебе милостива. Ну, а если замыслил что-то худое – берегись.

– Понял. Поэтому громко и торжественно объявляю всем лесным богам: намерения у меня и всех нас самые добрые, чистые и человеческие – идем выручать товарища из беды.

– Тебя хлебом не корми, а дай позубоскалить, – недовольно пробурчал Зосима.

– Все, все, умолкаю. Ну, и что там дальше?

– Однажды Киндей ушел по этой тропе на болота, а когда вернулся, то был весь седой. И сильно отощавший. А вообще, по рассказам, был он мужиком крепким, видным, а на голове шапка черных кудрявых волос. Кумушки чесали языками, что мать Киндея нагуляла его с беглым цыганом, который укрывался в наших лесах. Цыган, вроде, был не простой, а сын цыганского барона. И в бегах он находился потому, что зарезал какого важного господина, который ухлестывал за его невестой. Не знаю, правда это, или нет. За что купил, за то и продаю. Бабам и сбрехать недолго. Может, так оно было, а может, сказки.

– Про то ладно. Цыган Киндей, или нет – теперь уже без разницы. Рассказывай, что было дальше.

– Интересно? – Зосима ехидно хихикнул.

Он немного раскрепостился и уже не выглядел букой. Топающий позади Идиомыч подтянулся и уже пыхтел у меня над ухом – его тоже заинтересовал рассказ Зосимы.

– Еще как. После твоих историй хоть романы пиши. А что, надо попробовать. Делать в нашей глуши все равно нечего. А до полного дембеля, когда про меня, первый (и последний) раз в жизни, будут говорить хвалебные речи, надеюсь, еще долго.

– Попробуй... – Зосима закурил. – Дым – это хорошо. Всяка нечисть не любит махорочного дыма, избегает. Так вот, после того случая Киндей и подвинулся на золотишке. Наверное, нечистый открыл ему завесу и показал, что есть такое место и какие цацки лежат в сундуках.

– Не знаешь, это было до встречи с монахом или после?

– Дед говорил, что до встречи. Но клад долго не давался Киндею. Если бы не монах, который, как рассказывали, мог видеть сквозь землю, не указал, где нужно искать, то не видать бы ему клада, как своих ушей.

– И что, Киндей по этой тропе больше ни-ни?...

– Нет. И другим наказал.

– А почему?

– Он не объяснил. Но ему и так поверили. Тем более, что об этом было всем известно издревле. Да только со временем, конечно, многое забывается...

– А тут Киндей возьми и напхни... – Я саркастически ухмыльнулся.

Хорошо, что этого не видел Зосима.

– Да. Местный поп в начале тропы даже крест поставил под крышей – вроде беседки. И лампадку повесил. Закупорил, значит, нечисть, чтобы она в деревню не прорвалась. И чтобы по тропе больше никто не ходил.

– Судя по тому, что ты мне рассказывал, это не очень помогло.

– Дык, разве от всего плохого крестом отгородишься?

– Вот и я об этом.

«А твой Киндей-прохиндей лапшу односельчанам на уши навешал вполне конкретно, – подумал я, раскуривая сигарету. – Похоже, тропа ведет как раз к тому месту, где он нашел древнее захоронение. И Киндей не хотел, чтобы кто-нибудь еще, кроме него, туда ходил. Наложил на местность табу. Хитер бобер... Но тогда возникает вполне закономерный вывод, что и монах Авель знал «заколдованную» тропу. А если знал, то... Стоп, стоп! Не вспугни удачу. Лучше оставим эту мысль про запас. Потом нужно будет ее развить и довести до логического завершения. Сейчас нужно думать о другом».

Тропа спустилась в овраг, и я понял, что скоро увижу Пимкино болото. Пахло гнилой сыростью и еще чем-то, наверное, болотным газом. Высокие деревья по сторонам тропы и вовсе приняли сказочный вид – замшелые, сучковатые и занавешенные какими-то вьющимися растениями.

Только сказка эта была вовсе не сусальной и не светлой, а про бабу-ягу и мрачное Кощеево царство...

Как я и предполагал, спустя два часа с лишним мы вышли к Пимкиному болоту. Дальше нам ходу не было. Лично я не рискну даже ноги в нем замочить. Кому хочется идти на верную смерть?

Но самое паршивое заключалось в другом – следы Кондратки уходили вглубь болота и терялись среды чахлого редколесья, за которым масляно блестела широкая полоса бездонной трясины. Какой хрен его туда понес!?

О коварном нраве этой трясины нам растолковал Зосима. Он выглядел совершенно обескураженным.

– Гиблое место. Хуже не придумаешь. В сорок втором здесь погиб весь немецкий десант, – сказал он, присаживаясь на бережку под кустик, в тень. – Сто с лишним человек. Летчик ошибся и выбросил парашютистов не там, где нужно, – в аккурат, сюда, в Пимкино болото. Только четверо фрицев и спаслись. Деревенские бабы взяли их в плен. Дык один из них потом сошел с ума, ну, а про остальных не знаю. Бабы их сильно помяли... За мужей мстили. Фрицев потом забрали в район.

– Все, мы выполнили ваше пожелание... или просьбу – не суть важно, – сказал я, обращаясь к Идиомычу, которого при виде непроходимого болота, похоже, хватил столбняк. – Дальше ходу нет. Мы за самоубийц ответа не несем.

– О чем вы говорите? Какие самоубийцы? – очнулся от временного ступора Идиомыч.

– Не какие, а какой. Кондратий Иванович, в единственном числе. Этот участок болота самый страшный и коварный. По нему может пройти разве что бесплотный дух. Мы этого сделать не сможем. Так что наша миссия на этом закончилась. Сейчас сядем, пообедаем – и обратно. Нужно успеть вернуться домой до темноты.

– Но как же... – Идиомыч беспомощно тыкал мне под нос свой приборчик с мигающим светодиодом. – Вот, видите, как ярко он горит. Значит, Кондратий Иванович уже недалеко, в двух шагах отсюда. И направление мы определили совершенно точно.

– Ну и что?

– Как это – что? Нужно выручать Кондратия Ивановича. Иначе он погибнет здесь.

– Я так понимаю, вы хотите умереть с ним за компанию. Но это ваше право, ваш выбор. А мне такие мансы – pardon, предложения – по барабану. Извините за грубость. Как мы можем лезть в это болото, если тут бездонная трясина? Вы не успеете и три раза булькнуть, как окажетесь в царстве лешего, под многометровым слоем грязи. Вас оттуда никто не достанет – даже для того, чтобы по-человечески похоронить.

– А я думал...

– Что вы думали? Что мы с Зосимой волшебники и можем ходить по морю, аки по суку?

– Нет, я о другом. Мне говорили, что вы очень смелый, мужественный человек.

– Все это враки. Досужий домысел. Я самый обычный мужчина, подверженный разным фобиям. И смелым бываю только тогда, когда меня загонят в угол. Да, да, как крыса. Вы не сказали это, но подумали. Не волнуйтесь, я не обижусь. Крыса очень умное, здравомыслящее животное. Уж оно точно не полезет туда, где его ждет верная смерть.

– Но как же нам тогда быть?

Куда и девались барские замашки Идиомыча. Перед нами с Зосимой стоял жалкий человечешко в годах, у которого все тряслось, даже нижняя челюсть. И что он нашел в этом Кондратке? Ишь как переживает...

– Для начала нужно пообедать, – сказал я, развязывая свой сидор. – Я голоден, как сто

чертей. А на пустой желудок ни одна толковая мысль не ловится. Уж поверьте мне на слово. Ты как, Зосима, не против?

– Я всегда...

– Понял. И по стопарику нужно принять... для сугреву души. Ты не забыл наполнить свою фляжку?

– Обижает...

Покопавшись в бездонных карманах своего «спецкомбинезона», Зосима выудил плоскую флягу из нержавеющей стали с позолоченным вензелем – мой подарок. Это когда я еще был богачом. Свою флягу со спиртным я всегда приберегал до последнего.

– Вот теперь тебя люблю я, вот теперь тебя хвалю я... – Напевая песенку из «Мойдодыра», я сноровисто раскладывал снедь на куске плотной клеенки.

Я брал ее, когда шел на охоту – это и скатерть, и, если нужно, хороший изолятор от сырости, когда сидишь на пятой точке в засаде, подстерегая дичь.

Идиомыч присоединился к нам с явной неохотой. Он был в отчаянии. А еще профессор начал испытывать к нам с Зосимой нехорошее чувство, считая нас редисками. Но когда мы налили ему сто грамм, он все же выпил – медленно, врасстяжку. По интеллигентному. Что значит ученый человек...

Мы с Зосимой, который быстро развел костер, чтобы вскипятить чай (это у нас обязательный ритуал в походных условиях), не просто выпили, а хряпнули по-молодецки. Так водка лучше идет. Она проскакивает в желудок, не задевая вкусовых рецепторов. Поэтому с такими способностями, как у нас с Зосимой, можно пить любую гадость – противно не будет.

Я жевал, но заряженное ружье держал под рукой. Иногда я ловил тревожные взгляды Зосимы, но ничего не говорил, только прищуривал глаза: мол, все в порядке, знаю, видел, чувствую, готов к действиям.

За нами наблюдали. Это я сначала почувствовал кожей. А потом услышал тихий – очень тихий – шелест травы. Кто-то осторожно перемещался, чтобы занять более выгодную позицию.

То же самое почуял и Зосима. Он иногда как будто глуховатый, но временами его слух улавливает малейшие нюансы в окружающей обстановке; особенно ярко это свойство Зосимы проявляется в лесу.

Уже на тропе мы почувствовали неладное. И вычислили это по следам Кондратки. Конечно, они не везде были видны, особенно в начале пути, но затем пошли более низкие места, почва стала сырой, и его «вездеходы» стали отпечатываться совершенно отчетливо.

Сначала он шел обычным шагом, затем ускорился, а когда до Пимкиного болота оставалось где-то метров триста-четыреста, и вовсе побежал. Почему?

Ответ был, как говорится, налицо. Его преследовали. Возле болота тропа была испещрена другими следами, которые совсем затоптали отпечатки сандалий Кондратия Ивановича. Похоже, преследователи наткнулись на него случайно, так как до этого они шли лесом. Наверное, не знали о существовании более удобного пути – тропы.

И теперь кто-то за нами следил. И скорее всего, этот человек имел ствол. Что мне совсем не нравилось.

Выдержав необходимое время, я дожевал свой кусок и встал.

– Пойду по надобности, – сказал я громко – чтобы отчетливо расслышал тот, кто сейчас не меня зырил.

Зосима сразу понял, что я хочу сделать. А Идиомыч посмотрел на меня с недоумением – на кой ляд в лесу громогласно предупреждать всех, что думаешь сходить по нужде?

Ружье я демонстративно оставил. И пошел в сторону, противоположную той, где притаился наблюдатель.

Шел шумно, с хрустом ломая сухостой. Ну, а затем, естественно, притих. Надолго. Что не могло, понятное дело, вызвать у наблюдателя никаких подозрений.

Я скользил среди деревьев как тень. Этому меня учили и в спецшколе, и Зосима, который своими чунями чувствовал в лесу каждую травинку, каждую сухую веточку, словно его ноги были зрячими.

Наблюдатель был лохом в этом деле. Он совсем не обеспокоился и даже не шелохнулся, когда я подобрался к нему на расстояние броска.

Обычно классные спецы чувствуют засаду или подготовку к захвату каким-то шестым или седьмым чувством. Когда они работают, то представляют собой один большой обнаженный нерв.

Мой клиент был из черноризной братии. Но вместо пастырского посоха этот сукин сын держал в руках вполне приличный винт – карабин Симонова.

Что ж, теперь миндальничать нет нужды. Обрабатываем клиента по всем канонам специальных операций. Кто к нам с мечом придет... ну и так далее. Этот текст в нашей стране знает даже ребенок. Он генетически заложен в самой сущности русского человека.

Когда я обрушился ему на спину, он не успел и пискнуть. Я нанес наблюдателю славный удар по затылку, но все же руку придержал – так сказать, во избежание. Нам нужен живой «язык», а не пожива для всякой болотной нечисти. Возможно, этот черный ворон расскажет, что случилось с Кондраткой, и куда он девался.

Подождав, пока мой стреноженный пленник оклемается (вязать «объект» нас тоже учили; и мы это делали артистически, с применением подручных средств), я резким движением поднял его за связанные сзади руки, заставив принять вертикальную стойку.

Лошадей треножат на выпасе, чтобы они не смогли убежать – передние ноги им вяжут перекрученной веревкой с таким расчетом, чтобы животное могло только ходить мелким шагом; или совершать неуклюжие скачки.

– Топай, – сказал я, легонько подталкивая его в спину. – Туда, – указал направление.

Наблюдатель беспрекословно повиновался. Он еще был в легком ступоре; все-таки я приложился от души. Ну надоели мне эти черные, спасу от них нет.

Наше появление перед честной компанией в составе Зосимы и профессора вызвало легкое замешательство. Мне показалось, что даже мой добрый друг, который знал, зачем я отправился в кусты, не ожидал от меня такой прыти.

Что касается Идиомыча, то он и вовсе был удивлен до крайности.

– К-кто... кто это? – спросил Идиомыч, заикаясь от волнения.

Ишь ты, в лесу сразу утратил весь свой ученый лоск. То ли еще будет...

– Это? – Я взял своего пленника за подбородок, поднял его опущенную голову и с деланной нежностью спросил: – Ты кто, милый? Как тебя зовут, какого роду-племени? Что здесь делаешь? Ась? Не слышу ответа.

Пленник молчал. Но его взгляд был красноречивее любых слов – в нем полыхала дикая ненависть.

Переживает. Еще бы – я взял его, как младенца. Обидно. Парню лет тридцать, может, немного больше. Здоровенький малый. Мышцы прощупываются сквозь одежду вполне конкретные.

Тебе бы, сукин сын, в Чечню, родину от бандитов защищать. А ты тут на природе черных петухов режешь, по болотам шастаешь уж неизвестно по какой причине, да в игры сатанинские играешь... падло.

– Наверное, он немой, – продолжил я с тем же деланным благодушием. – Однако, ему здорово повезло. Я, знаете ли, умею врачевать немоту. О, на это нужно посмотреть. После моего «лечения» хромые бегают как олимпийские чемпионы, глухие начинают слышать, словно первоклассный радар, а немые поют как Лучано Паваротти. Последний раз тебя спрашиваю – кто ты таков и почему за нами подглядывал? Отвечай! Не доводи до греха.

Ноль эмоций. Черноризец вдруг стал совершенно отрешенным – пустые глаза, расслабленная поза, лицо, как маска, неподвижное и бесстрастное. Неужто медитирует? Этот прием мне знаком. Он здорово помогает, когда тебя ждет большая боль.

Ну что же, посмотрим, как ты ее выдержишь...

Я подошел к костру, взял пылающую головешку, и поднес ее к близко лицу пленника. Его реакция меня поразила – он даже не дрогнул.

– Я бы на твоём месте не валял Ваньку, – процедил я сквозь зубы. – Ситуация серьезная, ты это знаешь. Мы обязаны защищаться, хотя никого не трогали. Каша заварилась по вашей милости. Поэтому говори, иначе пожалеешь, что на свет родился. Молчишь? Ну что же, вольному воля... а тебе, страстотерпец хренов, тлеющая головня в задницу.

С этими словами я резким и сильным движением разорвал его черную хламиду, оголив до пояса. А затем швырнул пленника на землю, наступил на затылок ногой и ткнул головней в поясницу – для начала.

Черноризец не издал ни звука, лишь заскрипел зубами. Силен мужик, подумал я не без восхищения. Похоже, пахан его зазомбировав. И теперь этот неофит скорее умрет, чем заговорит. Вот незадача... Было бы это на вражеской сторонке...

– Что вы делаете!? – вдруг вскричал Идиомыч, и начал меня оттаскивать в сторону. – Это же человек!

– Это гнусная тварь, – сказал я, злобно щерясь. – Он держал нас на прицеле. Минута-другая, и это человекообразное существо положило бы всех без сожалений и колебаний. Он всего лишь дожидался, пока мы не выболтаем какой-нибудь секрет, чтобы принести своему боссу важную информацию.

– И все равно мы должны поступать как цивилизованные люди, – горячился Идиомыч. – Нужно сдать его в милицию, они разберутся.

– Вы и вправду такой наивный или прикидываетесь? – спросил я намеренно грубо. – Менты

отпустят этого кента через час после того, как мы сдадим его в дежурную часть. Поверьте мне на слово. Что они могут ему инкриминировать?

– Ну, вот оружие...

Естественно, карабин я не оставил, а забрал с собой. А также выгрузил карманы своего пленника, где нашел два десятка патронов. Хороший боезапас...

– Трижды ха-ха. Оружие... Он скажет, что нашел карабин в лесу или что это мы всучили карабин ему в руки, чтобы дискредитировать мирную секту перед лицом общественности.

– Но это ведь неправда!

– Скажите об этом ему. Только он сейчас нем и глух. Вот я и хочу прочистить ему уши и развязать язык. Отойдите, пожалуйста, в сторону. Если вас смущает эта сцена, погуляйте вместе с Зосимой в лесу. Тут вдоль болота пропасть грибов. Посочетайте полезное и приятное с необходимым.

– Я никуда не уйду, – твердо сказал Идиомыч. – И вам не позволю пытаться этого человека. Нельзя! Так поступать нельзя. Мы не на войне. Вы понимаете это?

– Да что вы говорите? Не на войне... Вы когда-нибудь видели настоящую войну, а не ту, которую показываю по телевизору? Нет. Конечно, нет. Интеллигенция... Вам бы только языками чесать и рассуждать о высоких сферах. Но жизнь нередко приземляет человека. И сейчас как раз тот самый случай...

Я хотел еще что-то добавить, – оказывается, во мне пропадал ораторский талант; я даже сам себя заслушался – но тут неожиданно включилась интуиция. Ах ты, Господи! Болтун несчастный! Как же это я так глупо влип...

Схватив пленника и прикрывшись им, как щитом, я крикнул своим товарищам:

– Ложись!!!

Зосима послушался сразу; он знал, что я не шучу, и что нам грозит смертельная опасность. А вот Идиомыч ничего не понял; он стоял столбом и вертел головой как глупый попугай.

Автоматная очередь срезала кучу ветвей и породила долго не затихающее эхо. Одна из пуль все-таки нашла цель. Я даже слышал как она, смачно чмокнув, вошла в тело... слава Богу, не мое. А может, мне просто показалось, что я услышал этот неприятный звук.

Но, как бы там ни было, а мой живой «щит» получил серьезное ранение и начал оседать на землю. Бросив пленника, я коршуном кинулся к Идиомычу и сбил его с ног.

– Лежи, мать твою, и не шевелись! – рявкнул я прямо ему в ухо. – Понял!?

– П-п...

– Вот и ладушки...

Подтянув к себе карабин, я начал, не целясь, стрелять в сторону, откуда слышалось тарахтенье автомата. Хорошо, что у них не АК, подумал я мельком. Иначе пуля достала бы и меня. А так у нее просто не хватило пробивной силы.

Что касается автомата, то это явно была какая-то заграничная похабень; возможно, израильский «узи». Эти ручные швейные машинки не стреляют, а плюются. Они хорошо работают только с близкого расстояния.

Конечно, стрелок, засевший в лесу, тоже был недалеко. Но ему мешали точно прицелиться ветки, а также отсутствие надлежащего опыта – хмырь, который пулял по нам из заграничной тархтелки, вместо того, чтобы бить короткими очередями, выпустил в белый свет, как в копеечку, весь магазин.

Наверное, думал, что таким макаром распилит меня пополам. Как бы не так...

Автомат нашего противника умолк. Понятное дело, подумал я, меняет магазин. Переглянувшись с Зосимой, мы быстро скатились под бережок, потащив за собой переставшего что-либо соображать Идиомыча.

Естественно, мы сразу очутились по колени в воде. Но лучше потерпеть временные неудобства, нежели получить свинцовую пилюлю в живот. Теперь мы сидели, как в окопе, и пули лишь свистели у нас над головами.

Мы вовремя убрались. К первому стрелку присоединился еще один, с другой стороны. Теперь мы попали под перекрестный огонь. У второго было гладкоствольное оружие, двустволка, которая ухала, как пушка.

– Что будем делать? – спросил я Зосиму.

Он сидел на кочке – нашел все-таки сухое место – и с философским видом прислушивался к пальбе, держа наготове свое ружье. Зосима был спокоен. Он верил в меня. Нам уже приходилось попадать в серьезные переделки, поэтому Зосима был закаленным бойцом.

– Плохо дело, – ответил он, сокрушенно качая головой.

– Сам вижу. Я спрашиваю тебя совсем о другом.

– Дык, я и отвечаю. В лес по прямой теперь не сунешься. Нас там мигом снимут, как куропаток. Думаю, что их не двое, а больше. И все с оружием.

– Ну, это и ежу понятно. В последний момент я услышал шум с трех направлений, да вовремя не успел сообразить, что это такое. Думал, какие-то звери бродят. Здесь кабаны водятся. Ты знаешь.

– Знаю. Я сам опростоволосился. Старею...

– Да ладно тебе... Лучше дай толковый совет... вещий старец.

– Вот я и говорю, что прямо нельзя, налево топь, направо то же самое. Мы сидим на узком языке, который врезается в Пимкино болото метров на двести.

– Блин! Выходит, нас тут заблокировали. Это если выразаться по-умному.

– Выходит, что так, – сумрачно ответил Зосима.

– И мы сами, по своей доброй воле, залезли в эту ловушку... Ну не мудака ли я безголовый после этого!? Ведь нутром чуял, что не хрен нам тут делать. Ан, нет, поддался на уговоры. Скорее всего, Кондратке уже капут, это по следам понятно. Да и сразу это было известно. Но мы-то здесь причем? За что страдаем?

– Мы обязаны были использовать этот шанс, – мужественно прокаркал Идиомыч, у которого снова прорезался голос. – Люди должны помогать друг другу, выручать из беды.

– Как мне нравятся непротивленцы... Вы никогда не были ранены?

– Нет. А причем здесь это?

– Знаете, когда пуля попадает в тело человека, это очень больно. Но еще больнее бывает, когда она попадает в живот.

– К чему вы клоните?

– А к тому, что пусть уж лучше нас расстреляют в спину. Ты как думаешь, Зосима?

– Дык, понятное дело, что такая смерть будет полегче, – спокойно и рассудительно ответил мой добрый друг.

Зосима сразу понял, что я имею ввиду. И согласился с моими мысленными доводами. Все верно, иного пути у просто нас нет...

– Ну что же, тогда идем через болото, – сказал я с унылым видом – все-таки судьба заставила меня лезть в эту проклятую грязь. – Вон там виднеется какой-то островок, заросший деревьями. Гляди, если нам улыбнется удача, – то есть, если нас не подстрелят и не засосет трясина, то мы сможем туда добраться. Это шанс. Правда, мизерный, но утопающий хватается и за соломинку. Вы со мной согласны?

– Да, – сразу ответил Зосима.

Идиомыч заколебался, но тут над нашими головами прошелестел очередной заряд картечи и он быстро ответил:

– Конечно. – А затем добавил: – Только это... стреляют...

– Ну, сей вопрос мы сейчас провентилируем, – сказал я, перезаряжая отобранный у пленника СКС. – Зосима, прикрой. Я немного погуляю. Только не пульни в меня по запарке, когда я буду возвращаться. Я недолго... Понял?

– Дык, что же здесь непонятного... Ты, это, побереги себя.

– Как придется. Пока я буду по лесу вышивать, приготовьтесь к походу. И не забудьте забрать следи. Это наш главный конек в данной ситуации.

– Не забудем, – ответил Зосима, выбирая удобную для стрельбы позицию.

– Готов? – спросил я, сгруппировавшись.

– Да.

– Ну, поехали!

Зосима бахнул два раза, затем еще и еще; он умел перезаряжать ружье с удивительным проворством.

Я выскочил из-под бережка как черт из табакерки и сразу же перекатился под защиту густого кустарника. Из-за помехи в лице Зосиминой двустволки стрелки немного замешкались, но все равно выстрелы грянули почти незамедлительно. Однако пули лишь вспахали землю в том месте, где я только что находился, а картечь над пролетела стороной.

«Неплохо стреляет, сучок, – подумал я о том стрелке, у которого было нарезное оружие, осторожно заползая в хитросплетений ветвей. – Опыта в таких делах, у него, конечно, маловато, но тир он явно посещал с прилежанием».

Я полз как змея, стараясь, чтобы не пошевелилась ни одна веточка, не затрещал сухостой, и не зашелестела трава. Однако, если первая моя охота была внезапной для противника, то сейчас стрелки знали, что я где-то неподалеку, и были готовы встретить меня с любых

направлений.

Но намерений вступить с ними в прямой контакт у меня не было. Во-первых, я не знал их количества, а во-вторых, в лесу такие штуки чреватые. Тут каждый кустик может скрывать стрелка, который готов пустить тебе пулю в спину.

Я всего лишь хотел отжать их от болота на более-менее приемлемое для нашей задумки расстояние. Чтобы мы успели преодолеть открытое пространство и спрятаться за деревьями, которые росли на сухих клочках болотистой низменности, до того времени, когда наши недруги выйдут на бережок и начнут вести по нам прицельный огонь.

Стрелки притихли. Боятся выдать свое месторасположение, понял я. Разумно. Но только в случае, если бы я надумал их ликвидировать. А мне нужно всего лишь пошуметь, так как вывести своих недругов в расход, у меня кишка тонка.

Это только американский актер Сталлоне в роли Рэмбо лихо расправлялся со своими врагами. В жизни не все так просто, как показано в кино. Даже тонкая веточка способна изменить траекторию полета пули в лесу; как в таких условиях можно точно прицелиться?

Но уж если ты не попал с первого раза, то тебя точно посекут три или четыре ствола. Особенно если по тебе бьют из автоматов.

У меня была сложная задача: отогнать стрелков от болота и самому не попасть под свинцовый дождь. Поэтому я должен был вертеться как вьюн на сковородке.

Наконец я заметил в густом ельнике какое-то движение и тут же пустил туда две пули. А затем нырнул в кустарники, и где на карачках, где ползком, сместился в сторону метров на тридцать.

Я еще полз, как дружно ударили два автомата. (Значит, Зосима не ошибся – стволов у них больше двух). Но теперь они расстреливали пустое место – я уже был далеко.

Следующий свой пиратский наскок я сделал минут через пять-семь. Хитрец Зосима словно читал мои мысли: выждав какое-то время, он снова начал палить в белый свет, как в копеечку.

Конечно, его стрельба могла принести вред разве что воронам, но на стрелков она действовала раздражающе, и они невольно выдали свои огневые точки, откликнувшись на дерзкий вызов Зосимы.

Я снова обстрелял противников, которые и на этот раз поторопились уйти со своих позиций. Мне оставалось лишь повторить забег на карачках, что я и сделал с большим удовлетворением: мой замысел начал срабатывать – стрелки постепенно удалялись от бережка, за которым начиналось болото.

Повторив еще два раза финты с отвлекающей стрельбой, я как мог быстро возвратился к своим товарищам. Задача была выполнена. Я отогнал противника до самого начала выступления, который напоминал палец, макнутый в грязь.

Но там уж они засели капитально. Я абсолютно не сомневался в том, что у них был приказ не выпускать нас отсюда живыми. И они готовы были его выполнить любой ценой. Эти черноризцы боялись своего пахана больше, чем смерти. В этом я уже убедился.

Народ к походу через болото был готов. Зосима казался невозмутимым, а на Идиомыча жалко было смотреть. Он только сейчас осознал, во что вляпался, и что ему предстоит вынести в ближайшие часы.

Держись, профессор, это тебе будет пример, как наука сочетается с практикой...

Нам казалось, что мы не идем по болоту, а бежим. Но на самом деле мы ползли, как сонные мухи. Это у нас мысли стремились побыстрее удалиться от бережка, потому что вот-вот могли заговорить автоматы наших противников.

Ведь я не думал, что они круглые идиоты, и будут тупо торчать там, куда я их отогнал. Кого-то на разведку должны выслать, в этом нет сомнений. Но как скоро это случится – вот главный для нас вопрос.

Поэтому мы торопились, рвались вперед изо всех сил. Нужно сказать, что нам немного повезло.

Поначалу болото представляло собой топкое пространство, прикрытое тонким слоем воды. Мы даже видели следы Кондратки и по ним шли. Ноги влезали в ил всего лишь по щиколотки, так что первые сто метров мы и впрямь почти пробежали.

Но затем болото начало показывать свой коварный нрав. Появились кочки, по которым мы прыгали как горные козлы.

Один такой прыжок получился у Идиомыча неудачным, и он ухнул в трясины, откуда мы с Зосимой едва успели выдернуть его общими усилиями, так как наш умник погружался в грязь с потрясающей быстротой. Наверное, лешему срочно понадобился писарь и толмач...

Стрелять по нам начали, когда до спасительных деревьев оставалось все ничего – метров двадцать. Но эти метры показались нам самыми трудными. Мы уже брели в жидкой грязи, которая доставала нам до пояса, с трудом вытаскивая ноги и щупая слегой буквально каждый сантиметр пути.

– Нас убьют! – всполошено вскричал Идиомыч и присел, по горло окунувшись в грязь.

Это была интересная картина; жаль, что ее не мог наблюдать мой приятель-художник Венедикт – человеческая голова, словно капустный кочан, выросший из жидкой темно-серой субстанции, отсвечивающей металлическим блеском. Сплошная фантазмагория, инопланетная жизнь.

– Посмотрим, – процедил я сквозь зубы и снял с плеч карабин. – А вы топайте, топайте дальше! Нечего принимать тут грязевые ванны. Мы не на курорте.

Зосима молча потянул нашего профессора за шиворот, и они снова пошлепали к уже близкой цели. А я, тщательно прицелившись, вогнал пулю, куда нужно.

Ну надоели они мне! Хватит изображать из себя доброго самаритянина. На войне, как на войне – не ты, так тебя поимеют. А тот сукин сын с автоматом, наверное, решил, что он неуязвим и высунулся из кустов до пояса.

Пришлось мне развеять его заблуждение. Похоже, он не знал, что СКС – это еще то оружие. Дальность и точность стрельбы у карабина потрясающие. Нужны всего лишь верная рука и зоркий глаз.

А эти компоненты у меня еще присутствовали, несмотря на мои бедные нервы, подпорченные семейной жизнью...

Стрельба враз прекратилась. Что и следовало доказать. Я знал, что нашим противникам сейчас не до упражнений с оружием – они пытаются оказать первую помощь своему товарищу.

Боюсь, что их усилия и старания окажутся тщетными. Вернее, не боюсь, а надеюсь. Я попал туда, куда целил – в грудь. А пуля СКС – это не автоматный горох. Она имеет большую убойную силу.

Об этом я думал уже на ходу. Конечно, очень неприятно подставлять незащищенную спину врагу, но нужно было использовать момент временного замешательства, воцарившегося в стане противника.

Я успел. Едва я выполз из грязи на сухое место и приткнулся за пнем, как придурки на бережку начали поливать нас из автоматов, словно из леек. Меня сотрясал нервный смех. Нет, ослы в человеческом обличье никогда не переведутся.

Долетая до нас, пули из «узи» (второй автомат тоже был израильского производства) сыпались сверху как град. Даже если одна из них и упадет мне на голову, то ничего кроме небольшой шишки не будет.

Выждав на всякий случай, когда у них закончились патроны в магазинах, я встал и сказал, обращаясь к своей лихой команде, которая неподалеку рыла носами землю:

– Отдохнули? Тогда потопали. До намеченного нами островка осталось еще метров двести. Да не трусьте вы так. Держитесь за деревьями, и все будет в ажуре...

Посуху мы продвигались короткими перебежками – от дерева к дереву. А вдруг у наших противников найдется «дура» с большой дальностью? Береженого Бог бережет.

В конце концов, преодолев еще один топкий участок, мы оказались на крохотном островке, сплошь покрытом лесной растительностью. Теперь нам сам черт был не брат. Мы уже не боялись, что отсюда нас могут выковырять.

Глава 23

Первым делом мы немного обмылись, благо с другой стороны островка была более-менее чистая вода. А затем, морально опустошенные, легли отдохнуть. Зосима даже подремал немного. Лишь я, отдыхая, посматривал одним глазом за нашими противниками.

Но бережок был пустынен и тих. Да и вряд ли им придет в голову бредовая идея последовать нашему примеру, чтобы устроить преследование на открытой болотистой местности.

С этого островка я мог перещелкать их с карабина как куропаток. И они это понимали.

Однако и нам не было хода обратно. Я был уверен на все сто процентов, что они устроят наблюдательный пост на бережку, и будут сидеть там, пока мы не умрем с голодухи. Или не сдадимся на милость победителей. Что тоже было равнозначно смертному приговору.

В общем, куда не кинь, везде клин...

Проснувшись, Зосима первым делом занялся своей двустволкой. Он тщательно протер ее от влаги и почистил стволы изнутри (у него с собой всегда была масленка и ветошь). А затем раскурил сигарету и деловито спросил:

– Долго будем бока мять?

– Предлагаешь пойти в атаку? – Я нехотя ухмыльнулся.

– Нет. Надо идти дальше.

– Куда? Кругом болото. Есть только одна дорога – назад. Но она перекрыта.

– Дык, Кондратия Ивановича-то здесь нету...

– Да, почему-то не наблюдается. Наверное, не дошел.

– Он был тут и пошел дальше.

– Откуда знаешь? – спросил я удивленно. – А я думал, что его проглотила трясины...

Я, конечно, шибко не присматривался, но ничего такого, указывающего на пребывание здесь Кондратки, не заметил.

– Хе-хе... – хохотнул довольный Зосима; иногда деда прямо распирает от превосходства надо мной в таких делах; а опыт следопыта у него – будь здоров. – Мотреть надо внимательно. Пойдем, покажу.

Идиомыч наострил уши и немного оживился, но с нами не пошел. Борьба с трясиной ухайдокала его вполне конкретно. Он все никак не мог отдышаться.

Зосима показал мне кусты недалеко от того места, где я выбирался на сушу. Ветки кустарника были поломаны, трава помята, а чуть поодаль, уже на самом островке, на влажной почве, мы нашли и слабый, но вполне приемлемый для идентификации, отпечаток ступни Кондратки.

– Значит, наш мечтатель жив... – Я в изумлении покачал головой. – Счастливчик... Как сказочный колобок: и от бабушки ушел, и от дедушки смайнал, и даже серых волчар объехал на хромой козе. Вот только как насчет лисы?

Я бросил вопросительный взгляд на окружающее нас болото.

– Дык, я так думаю, что он не такой человек, чтобы пропасть, – рассудительно сказал Зосима.

– Не тонет только это самое... в общем, понятно. А Кондратка неплохой мужик. Мне он, например, понравился.

– Хочешь сказать, что хорошие люди на этом свете долго не заживаются? – с ревнивой ноткой в голосе спросил Зосима.

– Что-то в этом роде. Но! – Я многозначительно поднял вверх указательный палец. – Бывают исключения. Когда человек – праведник, его век длится очень долго.

Зосима скромно опустил глаза и сделал вид, что смутился. Увы, редко какой человек не падок на лесть. Мой добрый друг в это число не попадал. Он любил, чтобы его хвалили и им восхищались. Даже в иносказательной форме.

Мысленно расхохотавшись, я спросил:

– Ты и в самом деле думаешь, что мы можем отсюда выбраться другим путем – не тем, который привел нас сюда?

– Уверен. Ежели, конечно, не булькнем.

– М-да... Бульк может получиться ого-го какой. А мне почему-то хочется, как любому человеку, иметь могилку на хорошо ухоженном кладбище, и чтобы моя безутешная вдова хотя бы раз в

год приходила с поминальным узелком, в котором обязательно должен присутствовать стопарик лично для меня и котлетка на закуску. Но исчезнуть бесследно в этом гнилом болоте... Бр-р-р!

– Дык, это как судьба укажет.

– Тут ты прав. Раз уж она загнала нас в трясины, пусть отсюда и вытаскивает. Верно я говорю?

– Верно, но мудрено.

– Это моя ученость выпирает, как иголки из мешка. Что ж, будем собираться. Но как подумаю, что опять нужно лезть в эту грязь...

Я застонал, словно у меня внезапно разболелся зуб, и понуро поплелся к Идиомычу. Профессор уже не лежал, а сидел и что-то жевал. Подойдя вплотную, я понял, что он обгладывает какие-то ягоды с невысокого кустика.

Интересно, все творческие и ученые личности такие обжоры? Я вопросительно поднял глаза на Зосиму, но тот лишь молча кивнул – мол, пусть жрет, ягоды не ядовитые. И то хорошо. Не хочется терять бойца раньше времени.

– Будем делать плотики? – спросил я Зосиму.

– Конечно.

Мы уже не раз ходили по топким местам, поэтому решили серьезно подстраховаться. Плотик – это кусок тына, сплетенного из лозы. Если нырнешь в трясины, то слези иногда бывает маловато, чтобы удержать человека на поверхности липкой жижи.

А когда есть плотик, то он несколько дольше задержит погружение в бездонную хлябь. За это время можно, не поря горячку, провести спасательные работы.

Плотики мы соорудили быстро – я рубил лозу, а Идиомыч и Зосима занимались плетением. Я даже удивился: оказывается, у профессора руки выросли из того места, что нужно. Он работал споро и со знанием дела.

– Что там показывает ваше изобретение? – спросил я Идиомыча.

Мне вдруг вспомнился его определитель азимута.

– Увы... – Он огорченно развел руками. – Я намочил прибор, и он перестал работать.

– А загерметизировать крышку и корпус вы не догадались. Ну да, для этого нужно быть не просто ученым, а по меньшей мере академиком...

– В следующий раз учту.

Идиомыч даже не прореагировал на мой выпад. Он чувствовал себя виноватым.

– Следующего раза может и не быть, – буркнул я раздраженно и последовал примеру Зосимы – почистил карабин.

Он еще мог пригодиться нам не раз. А оружие любит, когда за ним ухаживают, когда его холят и лелеют. Винт тоже имеет душу, пусть и железную. Ты к нему относишься хорошо – и он тебя никогда не подведет.

Мы долго выбирали направление, куда нам нужно двигаться. В конце концов возобладала

мудрость Зосимы.

Я хотел рвануть напрямик к достаточно большому куску суши, который находился не очень далеко, лелея в душе надежду, что это полуостров, и что он соединяется перешейком с «большой землей», куда мы и доберемся без больших проблем.

Ну, а Зосима возражал, вполне обоснованно считая, что, во-первых, тише едешь, дальше будешь (тут я ехидно добавил: от того места, куда едешь), а во-вторых, наиболее короткое расстояние между двумя точками не прямая, как нас учили в школу, а кривая и даже зигзагообразная линия.

Понятное дело, применительно к нашему случаю.

Тут уж я возразить ничего не мог. Поверхность болота в направлении, куда указывала моя шаловливая ручка, была подозрительно гладкой, а местами так вообще казалось, что по нему можно идти аки посуху.

Однако, это серьезное заблуждение. Как раз в таких местах и бывают бездонные ямины, прикрытые ковром из болотных трав.

Мы пошли по маршруту, который наметил Зосима. Противник видеть нас не мог, так как за нашими спинами находился наш островок-спаситель, поросший кустарником и хилыми деревцами. Это обстоятельство воодушевляло. Чего нельзя сказать о пути.

Только теперь мы поняли, что раньше были семечки, а не трудности. Временами мы брели в грязи по грудь, продвигаясь вперед со скоростью сонной черепахи. А еще приходилось тащить плотики, которые казались неподъемными.

Хорошо, что Зосима предложил нам раздеться до исподнего. Так сопротивление движению было меньше.

Свои шмотки мы приспособили на головах, а я еще тащил на своей бестолковке и сидор с остатками харчей плюс два ружья с боезапасом. В общем, из меня получилась картина Репина «Двуногий ишак на пленере».

Мы брели, брели, брели, а наша вожденная цель – клочок суши, покрытый растительностью, казалось, не приближался, а отодвигался все дальше и дальше. Я уже начал сомневаться, что мы когда-нибудь туда дойдем.

Нашу команду возглавлял Зосима. Я не стал возражать, когда он занял место поводыря – у него была хорошо развита интуиция на опасность. А уж болота он знал, как никто другой. Вернее, не знал, а чувствовал их коварную сущность и удачно избегал расставленные по пути ловушки в виде бездонных ямин.

Так было в прошлый раз, два года назад, когда мы драпали через болотистую местность от нехороших людишек, так шло и сейчас. Каким-то сверхъестественным чутьем определяя, куда нужно направить стопы и вдобавок пробуя слегой надежность грунта впереди, Зосима лавировал по болоту как парусная шхуна под вражеским обстрелом.

Мы брели за ним, стараясь идти след в след. Я шел замыкающим. Нам почему-то казалось, что самое слабое звено – это Идиомыч. Но он, на удивление, держался молодцом. То есть, ни разу не оступился и плелся за Зосимой словно привязанный.

Правда, дорога для него была сплошным страданием. Временами он даже скрипел зубами от перегрузок. Но все равно упрямо шел вперед, часто смахивая обильный пот со лба, который заливал ему глаза.

А вот я, такой «козырный» мэн, лопухнулся как последний фраер. Нет, я не зазевался. Я задумался. (В принципе, это одно и то же). Есть у меня такое свойство – отключаться от действительности под впечатлением какой-нибудь бредовой идейки.

Это свойство появилось в последние годы. И даже не под влиянием Каролины и набившей оскомину семейной жизни, а раньше – когда я только поселился в Близозерье. Наверное, здесь климат такой, или земля выделяет какие-то флюиды, если вспомнить о замашках доморощенного философа Зосимы.

Мой добрый друг мог вообще отключаться от всего. Как робот, у которого вырубili питание.

Бывало на середине разговора у Зосимы вдруг появлялось на лице мечтательное выражение, его голубые глаза становились глубокими до полной прозрачности, и, глядя в какие-то неведомые дали, он надолго умолкал, думая непонятно о чем.

В такие моменты я всегда оставлял его в покое. Нельзя бить мечту на взлете. Без нее человек просто быдло, кусок мяса. И неважно, о чем ты мечтаешь. Пусть мечта твоя будет сплошной фантастикой. Лишь бы она была светлой, доброй и приносила твоей душе успокоение, а иногда и исцеление.

Так вот, грешным делом, я тоже немного замечтался. От однообразия. С ума можно сойти: вытащил одну ногу из грязи, передвинул ее вперед сантиметров на тридцать, затем вытащил вторую – тоже передвинул, подтянул к себе плотик, потом снова первую ногу буквально вырвал из липкого месива... вторую... подтянул плотик... первую...

Блин! Как с тоской пел на привалах один мой армейский напарник-хохол, когда нас забросили в проклятые джунгли, где дожди лили, не переставая: «Чому я не сокил, чому нэ питаю...» Ах, как хорошо бы сейчас иметь крылья! Взмыть в небо и спустя несколько минут очутиться в своем бунгало, приземлившись прямо в ванную.

А там горячая вода, душистое мыло, белоснежное махровое полотенце... А на столе бутылочка виски и лед... холодный, холодный. И глухарь, запеченный по Зосиминому рецепту...

Домечтать я не успел. Как получилось, что я сошел с невидимой тропы, проложенной Зосимой, не пойму. За считанные секунды меня затянуло в трясину почти по шею.

Судорожно схватившись за плотик, который мгновенно остановил мое продвижение на тот свет, я закричал:

– Мужики! Зосима! Тону!

– Ах, ты, Господи! – всполошился Зосима. – Иво, держись, я сейчас!...

Но с места сдвинуться не спешил. Да и нельзя было ему двигаться, потому что дорогу Зосиме преграждал Идиомыч. Его сначала надо было обойти, а для этого требовалось поработать слегой, чтобы не ухнуть в такую же пропасть, заполненную грязью, как и та, в которую угодил я.

Как же медленно тянется время, когда ждешь спасения, и твоя жизнь висит на волоске! Минуты превращаются в часы, а в голове тикает огромный маятник, который бьет по мозгам, словно кузнечный молот.

Я начал подтягиваться, стараясь забраться на плотик, подтянуться повыше, потому что жидкая грязь сантиметр за сантиметром подбиралась к подбородку, норовя залиться в глотку.

Мои конвульсивные движения ногами неожиданно принесли интересный результат. Я вдруг ударился ногой о что-то твердое.

Отчаянно рванувшись в ту сторону – вправо (я видел, что Зосима может и не успеть добраться до меня вовремя), я нащупал ногами подобие помоста. Еще несколько сверхусилий – и я твердо стал на бревна, которые образовали гать. Причем они лежали на глубине около полуметра.

– Не спеши, – сказал я Зосиме. – Подо мною гать.

– Ну надо же... – сказал запыхавшийся Зосима и перевел дух – Хух... Чудеса.

– Если выберусь из этой передраги живым, пойду к твоему ДЕРЕВУ и принесу ему жертву. Клянусь.

– Это ты правильно решил. Тут без помощи... – Зосима намеревался сказать, чьей именно, но проглотил слова, и я услышал лишь конец фразы: -... не обошлось.

– Что да, то да, – согласился я и попытался достать оброненную слегу.

С трудом дотянувшись до жерди (не без помощи плотика), я начал прощупывать ею бревна, на которых стоял. Оказалось, что гать тянется от того островка, где мы отдыхали, куда-то дальше.

– Как думаешь, – спросил я Зосиму, – куда она ведет?

– Дык, это, дураку понятно, что не в безвылазную трясику. Думаю, гать идет через все болото. Я когда-то слышал... м-м... – Зосима пожевал губами. – Да не верил.

– Что ты слышал?

– Про нее, про эту дорожку.

– А если конкретней?

Зосима оглянулся на Идиомыча, который стоял, словно столб, на том же месте, где его застал мой «хелп» [6], и ответил почти шепотом:

– Ее сам леший мостил. Давно это было, даже деды не помнили когда.

– Верю. Даже в лешего верю. Я теперь во все, что угодно, поверю. Но у меня есть вопрос – зачем он ее мостил? Или к старости захотелось комфорта? Приятно, знаете ли, прокатиться с ветерком под полной луной по этой гати на тройке, в которую запряжены царевны-лягушки. Думаю, что в те далекие времена гать шла поперек болота. Это сейчас ее засосала грязь.

– Зачем мостил – не знаю, – ответил Зосима; и добавил рассудительно: – А вот то, что гать подмогнет нам преодолеть топкие места, это как пить дать.

– Если она не сгнила... – буркнул я, продолжая орудовать слегой.

Но сколько я не стучал жердью по бревнам, они не крошились и не ломались.

– Напрасно стараешься, – сказал Зосима. – Раньше все делалось на совесть.

Они с Идиомычем уже перебрались на гать. А Зосима от полноты чувств даже закурил. Глядя на их нелепые, вымазанные грязью, фигуры, я вдруг заржал.

– Ты это чего? – подозрительно спросил Зосима. – Ты чего, а?

– Представляешь, что будет, если кто-то из местных заметит нас посреди Пимкиного болота?
– сказал я, насмеявшись вволю; похоже, мой смех был реакцией на смертельную опасность, которая благополучно миновала.

– Что будет, что будет... Ничего не будет, – сердито ответил Зосима. – Пушай не лупят zenки, куды им не надо.

– Нет, тут ты ошибаешься. Сразу же пойдет гулять окрест слух, что на Пимкином болоте черти шабаш свой справляли прямо среди бела дня. Вот будет потеха. Народ вообще перестанет в лес ходить. Даже за грибами. А нам станет лучше – никто не будет дичь распугивать.

– Не выдумывай. Пора двигать. Тока не спрыгни опять в омут! Не лови гав.

– Слушаюсь, гражданин начальник! – Я шутливо козырнул. – Николай Карлович, проснитесь, мы снова выходим на маршрут.

– Что? А, да...

Идиомыч выглядел неважно. Он уже отвык от больших нагрузок, так как его молодость осталась далеко позади, поэтому каждый шаг давался ему со скрипом – в прямом смысле слова.

Увы, с годами человек накапливает не только деньги в банке, но и солевые отложения на суставах.

Как нам повезло! Гать была неширокой, но, вопреки моим опасениям, века ее не тронули. Или, скажем так, почти не тронули. Похоже, бревна под нами были дубовые.

Да, не жалели в прошлые времена леса, не жалели...

И нынче нам, потомкам, остались лишь былины, в которых рассказывается о густых кудрявых дубравах, где таился Соловей-разбойник, да редкие экземпляры богатырской породы, как Зосимино ДЕРЕВО, каким-то чудом избежавшее цепких корыстных рук человека.

Теперь мы шли быстрее – только слегами постукивали. Шли, как слепцы, почти вплотную друг к другу. Примерно через два часа мы, наконец, достигли вожделенной цели – того острова, который манил нас зеленой древесной шапкой и высоким берегом.

Вскарабкавшись на бережок, мы без сил упали в траву и долго лежали без единого движения, радостно впитывая всем телом надежную земную твердь.

Грязь, покрывающая наши тела, начала подсыхать, причиняя беспокойство, и только это обстоятельство заставило нас оторваться от земли и найти место, где можно было искупаться, а также постирать одежду.

Примерно через час, отдохнувшие и чистые до неприличия, мы двинулись вглубь островка, надеясь, что он все же окажется полуостровом.

Но нашим надеждам не суждено было сбыться. До ближайшей «большой земли» было еще километра два. Я даже сел, когда увидел, что наши страдания будут иметь продолжение – ноги вдруг отказали.

Ведь это опять надо бултыхаться в грязи неизвестно как долго!

Мать моя женщина...

Костерок соорудил Зосима. Я был в отчаянии, поэтому угрюмо сидел на берегу и неотрывно смотрел на дальние леса, словно надеялся, что они, повинувшись моей магической силе, придвинутся поближе к острову.

Но деревья наплевательски отнеслись к моему отчаянному душевному призыву и по-прежнему торчали там, где их когда-то посадили лесные божества (если верить Зосиме). А кто же еще?

У нас леса только рубят, а их воспроизводством пусть занимается кто угодно, хоть сам леший. Всем наплевать, что мы рубим сук, на котором сидим. Главное не зеленое дерево, а зеленые баксы в кармане... чтоб они сгорели вместе с фабрикой, где их штампуют.

Вот с такими мрачными мыслями я и сел к костру, чтобы обсушиться. Пока суть, да дело, Зосима сварганил супец – банка тушенки на котелок воды, немного грибов, которые вылезли из-под земли рядом с нашим биваком, специи, соль и горсть пшена. Между прочим, получилось вкусно.

Хотя с голодухи некоторые товарищи даже кожаные голенища сапог жевали. А куда денешься – мамона, что в желудке сидит, не принимает никаких разумных доводов. Вынь ей харчи, да положи, и все тут.

Ели мы, предварительно пропустив по пятьдесят грамм водки уже из моего НЗ, в полном молчании. А о чем было говорить? И так ясно, что наши мучения продолжаются.

Ну, гады, вырвусь с болота, перестреляю всех на хрен! А дальше будь, что будет. Пусть сажают. Зато я получу моральное удовлетворение.

Это мне вспомнились черноризцы и их пахан-ведьмак. Это какой же сволочью нужно быть, чтобы по невинным людям шмалять из винта за здорово живешь. Уроды, мать их перемать!...

Насытившись, я выбрал место, где земля помягче и трава погуще, и прилег. Идиомыч, который хлебал супец дольше всех, поискал глазами, где бы приткнуться, но я сделал вид, что не заметил его вопросительных взглядов.

Нужны мне больно его вздохи, как у больной коровы, и привычка хрустеть пальцами. Это меня раздражало. В конце концов Идиомыч улегся неподалеку и естественно выбрал себе местечко, на котором можно было устраивать танцплощадку. Там был сплошной камень.

Что за странное образование посреди болота? – мельком подумал я, с затаенным смешком наблюдая за тем, как ворочается Идиомыч. Да, брат, жестковато...

– Ну что, теперь вы довольны? – не удержался я от вопроса, который давно уже вертелся на кончике языка.

– Вы о чем? – недоуменно воззрился на меня Идимыч.

– А все о том же. По вашей милости нас занесло на это чертово болото, мы едва геройски не погибли под пулями, я чуть не утонул в трясины – и что? Каков результат наших страданий? Ноль, зеро, дупель пусто. Где этот ваш разлюбезный Кондратий Иванович?

Неожиданно в кустах раздался хруст сухого валежника и знакомый радостный голос объявил:

– Здесь я, здесь!

У меня едва не приключился родимчик. Картина была еще та. Она мне живо напомнила сцену возвращения бравого солдата Швейка после многих его злоключений, когда он предстал перед своим непосредственным начальником поручиком Лукашем.

Явление Кондратки народу было потрясающим. Идиомыч, который хотел что-то мне ответить, щелкнул зубами и прикусил язык, а Зосима упустил свой заветный кисет с заграничным табачком в догорающий костер.

На охоте он курил трубку только в исключительных случаях, под большой кайф. Я так понял, что сейчас у него на душе царил праздник спасения от очередной напасти, которых у моего доброго друга за его долгую жизнь было не счесть. Зосима был оптимистом и считал, что главные напасти позади. Хотелось бы в это верить.

Казалось, что Кондратку порвали псы. Вся его одежда представляла собой лоскуты, а сам он был грязный донельзя и весь исцарапанный.

– Кондратий Иваныч! – прорвало первым Илдиомыча. – Слава Богу, вы живы!

Он подбежал к Кондратке и проникновенно, с чувством, потряс его руку. (А обнять не решился, подумал я брюзгливо. Тоже мне, кент... С такими трудами нашел дорогого кореша, а постиранную одежонку замарать не хочет. Вот и верь потом в подлинность человеческих чувств. Театр, право слово, театр...)

Мы с Зосимой тоже поручкались с Кондратием Ивановичем. Правда, Зосима сделал это с довольно мрачным видом – вышитый бисером кисет старика сильно обгорел; да и сам он немного пострадал от огня, когда доставал его из костра.

Что касается меня, то я облегченно вздохнул – баба с воза, кобыле легче. Теперь у нас осталась только одна задача – убраться из этого болота. По крайней мере, на ближайшую перспективу.

Ну, а потом видно будет...

– У вас... – Кондратка вдруг замялся, словно в одночасье стал чересчур стеснительным; но все-таки продолжил свою речь: – У вас не найдется чего-нибудь пожевать?

– Вам повезло... – Я с пониманием ухмыльнулся. – В котелке суп, там еще много осталось. Так что приятного вам аппетита.

Водку я не стал ему предлагать – еще чего. Тогда этот живоглот сожрет и нас.

При виде супца Кондратий Иванович заурчал как кот. С горящими от вожделения глазами он цепко схватил ложку, краюху хлеба и начал метать с невероятной быстротой.

Еще бы – с его-то способностями к этому приятному занятию...

Конечно же, он не насытился. Но на его умоляющий взгляд отреагировал только Зосима. Сокрушенно вздохнув, он покопался в сидоре и выудил оттуда банку сгущенки.

– Какаву будем пить, – сказал он сурово – это чтобы Кондратка не выхватил банку из рук, подумав, что она предназначена лично для него. – Все будем пить, – уточнил Зосима.

Кондратка немного притух, но все равно, пока не вскипела вода в котелке, он был неразговорчив и пристально наблюдал за процессом парообразования и превращения обычной болотной воды в кипяток, условно пригодный для питья.

Увы, увы, другой воды, более приспособленной для человеческого желудка, на этом клочке суши найти было нельзя. Нам оставалось уповать лишь на огонь, который должен был убить все микробы.

Зосима расщедрился и приготовил полкотелка какао. Мы выпили всего лишь по кружке, а остальное прикончил Кондратка. Он пил прямо из котелка, так как по запарке столовый прибор для четвертого человека мы не припасли. (Впрочем, если честно, ни я, ни Зосима не верили, что мы его найдем).

Мы с нетерпением ждали, когда наконец насытится его бездонная утроба, чтобы услышать, что с ним стряслось и как он очутился на этом островке. Оторвавшись от пустого котелка, Кондратка длинно выдохнул «ху-у-у-у...» и сразу же брыкнул на землю – отвалился как пиявка, которая насосалась крови по самое некуда.

– Други мои, как я рад вас видеть, – сказал он, блаженно щурясь.

– А уж как мы рады... – ответил я за всех с угрюмым выражением на лице. – Ни в сказке рассказать, ни пером описать. Растолкуйте нам, какого хрена вас занесло в такое гиблое место?

– Все очень просто... – Кондратка поерзал, устраиваясь поудобней. – Они за мной погнались, ну, а мне некуда было деваться.

– Кто это «они»?

– Эти, черные... – Кондратий Иванович вздрогнул. – Я думал, мне крышка. Испугался сильно. Сам не помню, как влез в болото и как добрался до первого островка.

– Что им от вас было нужно?

– Не знаю. Думаю, им не нравится, что я путаюсь у них под ногами.

– Вы считаете, что они – ваши конкуренты?

Кондратка замялся, но все же ответил:

– В какой-то мере, да.

– То есть, вы в этом не совсем уверены?

– Они что-то ищут. Что именно, сказать не берусь. Возможно... – Тут он с сомнением покосился на Идиомыча, который, похоже, ничего не знал о рукописных книгах монаха Авеля.
– Возможно, то же самое, что и я.

– Я предполагаю, что у вас с ними уже были стычки...

– Да. Меня серьезно предупредили, чтобы я больше в Пимкино болото не совался.

– А вы, значит, не вняли...

– Они не имеют права! Болото ведь не частное владение. Его никто не приватизировал.

– Как знать... В наше время все возможно.

– Нет, нет, это исключено. Я знаю.

– Наверное, вы правы. Землю вместе с лесами, горами, реками, озерами и болотами, к счастью, наши нувориши еще не успели рассовать по карманам. Если такое случится, я первым возьму ствол и пойду на баррикады. Потому что тогда простому человеку останется только его клетка в многоэтажке и кусочек газона возле дома, загаженный домашними псами. А почему вы сразу не вернулись?

Я умолчал о том, что его уже ждали с карабином в руках. Зачем травмировать человека лишний раз?

– Так ведь я забыл тот путь, по которому шел на островок. Раз – и все из головы вылетело. Со мной такое случилось впервые. Ну, а потом я нашел гать...

– Надо же... – Я был сильно удивлен. – Как это вам удалось?

– Случайно. Я искал место, где поглубже, чтобы искупаться. Вошел в воду и сразу же на нее наткнулся.

Везет же людям... Похоже, это «колобок» и от лисы уйдет – вместе с нами.

– Но ведь гать должна была не вывести вас из западни, в которую вы попали, а завести вглубь болота. Вы это понимали?

– Так ведь я и хотел туда попасть, – простодушно ответил Кондратий Иванович.

– Не понял... Чего ради?

– Чтобы долго и нудно не объяснять, пойдете, я вам кое-что покажу.

Кряхтя, Кондратка поднялся и пошел вглубь островка. За ним потянулись и мы.

Когда наша команда выбралась из кустов на чистое место, признаюсь, я остолбенел. Мы очутились на поляне, на которой практически не росла трава. А посреди нее высились каменные блоки, расставленные по кругу. В центре этого круга находился сложенный из камня жертвенник.

– Да ведь это... – У Идиомыча перехватило дыхание. – Ведь это уменьшенная копия кромлеха Стоунхенджа!

– Где-то похоже, – согласился Кондратий Иванович, довольный нашей реакцией на его открытие. – Но есть и существенные различия.

– Но вы ведь не это искали, – сказал я, пытливо глядя на Кондратку.

– Не это. Увы... – Он развел руками.

– Не отчаивайтесь. Открытие кромлеха в нашей глуши принесет вам мировую известность и славу. Это гораздо лучше, нежели каракули какого-то монаха, повествующие о конце света. Человечеству такие знания только во вред. А вот кромлех – это да. Это сенсация.

– Я тоже так думаю, – молвил возбужденный Кондратка. – Но все равно буду продолжать поиски рукописей, – добавил он упрямо.

– Ну-ну... – Я скептически ухмыльнулся. – Так уж устроен человек – вечно искать и находить неприятности на свое заднее место. Я совершенно не сомневался, что услышу от вас именно эти слова. Только есть одно существенное уточнение: вы продолжите поиски, если мы сумеем выбраться из этого болота.

Кондратка поскуучел. Наверное, он не очень верил, что когда-нибудь доберется до суши и расскажет всему миру про эти загадочные камни.

Похоже, с кромлехом подсустились наши предки-славяне. Возможно, идолопоклонство в этой глуши существовало не только в ветхозаветные времена, но и совсем недавно, в шестнадцатом-семнадцатом столетиях, если судить по внешнему виду камней и по состоянию гати, которая явно была проложена к святилищу на острове не в древности.

Конечно, они стояли тут издавна, но не думаю, что со времен совсем уж седой старины. Хотя...

При более внимательном осмотре жертвенника я обнаружил, что он не просто сложен из камней. Он был сложен из камней, покрытых резными рельефами. Притом таких изображений, как на этих булыгах, я никогда не видел.

Почему я так смело это утверждаю? А все Каролина. Когда мы поженились, она задалась целью не только приспособить меня к фамильному бизнесу, но и сделать из меня очень образованного человека.

Я всегда интересовался одним интригующим моментом из жизни наши скороспелых богатеев: почему они считают, что стоит лишь побывать в Лувре или в Вестминстерском аббатстве, как ты сразу становишься докой во всех вопросах, касающихся истории, искусства и археологии вместе взятых?

Слышал бы кто-нибудь из по-настоящему образованных людей, как эти жучки, нахавшие себе под шумок всеобщей прихватизации кучу «зелени», рассуждают о высоком. Умереть и не встать. Уши даже не вянут, а завязываются в узел.

Каролина взяла за моду таскать меня по всем музеям, в том числе и заграничным. Конечно, это занятие не безытересное, но, боже ты мой, как же скучно и утомительно бродить по многочисленным залам и разглядывать ночные горшки эпохи Рамсеса (уж не знаю, какого по счету) или ржавые остатки железных мечей, выковырянных из-под земли каким-то энтузиастом.

И тем не менее в моей башке все же кое-что отложилось. Поневоле. Может, потому, что историю я зауважал еще со школы. (Но не историю КПСС! Которая просто задолбала меня во время учебы, особенно в суворовском училище. Это же надо, столько лжи наворотить за такой короткий срок...)

Поэтому, стоя и разглядывая изрядно сглаженные столетиями рельефы, я поймал себя на мысли, что, возможно, Кондратка и впрямь войдет в историю. Подобных изображений мне нигде не доводилось встречать, ни в одном музее мира.

– Николай Карлович! Подойдите сюда, – позвал я Идиомыча.

Профессор живо откликнулся на мой зов. Он подошел, и я показал ему изображения.

– Как вам это? – спросил я, наблюдая за его реакцией.

– Да, седая старина, – сказал он с глубокомысленным видом.

Все понятно. Наш профессор в археологии ни бельмеса. Он знает только про кромлехи, которые часто можно видеть на глянцевых обложках или разворотах разных журналов – от научных до мистического толка.

– Куда уж седее... – Я осклабился. – Кондратий Иванович? А это вы видели?

– В общем, да... – осторожно ответил Кондратка.

Он тоже не мог понять, почему меня так заинтересовали рельефные изображения на жертвеннике. Их было много, и вместе они составляли какой-то узор.

– И что? – Я был настойчив.

– Ну... это очень интересно. Нужно скопировать их.

– Эх, вы, ученые... – Я тяжело вздохнул. – Ладно, дарю вам, Кондратий Иванович, свои соображения и выводы. Это чтобы вас никто из ученой братии не обскакал. Там тоже есть шустрый народец. Чужое выдать за свое – это им как раз плюнуть.

– Я что-то вас не понимаю...

– Приглядитесь внимательней. Рельефы напоминают скандинавские руны. Но только напоминают. В них вплетены мотивы, очень похожие на изображения, которые оставили после себя племена майя. Но, судя по древности этих рельефов, в те времена об Америке здесь никто понятия не имел. А уж сообщения между Европой и американским континентом и вовсе не могло быть. Каким образом очутились здесь камнерезы, знающие мифологию майя?

– Действительно... – Кондратка едва не носом воткнулся в жертвенник – разглядывал изображения.

Похоже, ему давно нужно поменять очки.

– Это... Это потрясающе! – Он вскочил на ноги, схватил мою руку и начал тискать ее как любимую женщину. – Вы открыли мне глаза! Феноменально... Эти рельефы произведут фурор в научном мире!

– Не забудьте упомянуть в своих научных трудах и мое имя. Ну, скажем, как проводника в эти места. А то ведь никто не поверит, что некий гражданин, весьма далекий от науки, сумел определить уникальность данных рельефов. Я, конечно, человек скромный, но, знаете, иногда хочется, чтобы твое имя занесли на скрижали истории. А то живешь, живешь, мучаешься на этой земле, что-то там творишь, изобретаешь, кувыркаешься, как цирковая обезьяна, денежки копишь, детей растишь, дом строишь, и в конечном итоге после тебя остается лишь горстка безымянного праха. Всего-то.

– Обязательно упомяну!

Как же, упомянешь... Так я тебе и поверил. Я покривил губы в горькой усмешке.

Ничто так быстро не забывается, как доброе дело, которое ты сделал человеку. Увы, благодарность никогда не входила в число обязательных человеческих добродетелей. А уж в современном жестоком и эгоистичном мире – и подавно.

– Ладно, братья по разуму, славой как-нибудь сочтемся. А сейчас нам нужно думать совсем о другом... – Я возвратился к костру. – И кстати, это открытие меня совершенно не радует.

– Почему? – воинственно спросил Кондратка, поправляя свои круглые окуляры.

– А потому, что наша тихая деревенька со временем превратится в Содом и Гоморру. Сюда потянутся туристы, для них начнут строить дорогу (и быстренько, под шумок, вырубят окрестные леса), затем соорудят гостиницу... ну и так далее. Вплоть до кабака и казино. И получатся вместо тихого патриархального уголка безалаберные и шумные Нью-Васюки.

– Ну, это будет не скоро...

– Что меня в какой-то мере и подбадривает.

Я подбросил в костер сухих веток и сел. Вечер уже спрятал в своем бездонном кармане солнце, разогнал оранжевые тучки и начал окрашивать небо в темно-серые тона. Неподдалеку жалобно закричала выпь, над нашими головами бесшумно пролетела сова (какой ляд занес ее на болота?), а где-то высоко и в стороне неприятно зудел реактивный самолет, напоминая в каком веке мы живем.

В общем, жизнь продолжалась.

Глава 25

Утром мы позавтракали плотно. Нам предстояла тяжелая дорога по болоту, поэтому на общем совете решили харчи не экономить (чему Кондратка был рад без памяти; он полночи проворочался без сна – его мучил голод; но я не дал ему ни кусочка, и на всякий случай положил вещмешок с продуктами себе под голову).

– Надо искать продолжение гати, – твердил Зосима. – Она где-то тут. – Стоя на берегу, он потыкал слегой в грязь.

– Хорошо бы... – сказал я с надеждой; но бес сомнения все равно не преминул больно царапнуть своими когтями по сердцу, еще сильнее разбередив и так дурные мысли.

Глядя на болотистую равнину, местами покрытую, как лишаями, островками зелени, я почувствовал, как мое сердце екнуло и сжалось до размера грецкого ореха. Мама миа! Мало мне было болот в южно-американской сельве, так еще и свои родные хляби дернула меня нелегкая мерить шагами.

Одно утешало – здесь не было таких гадов, как в чужой сторонке. Там одна анаконда чего стоит. Я уже не говорю о разных болотных змеях, от укусов которых практически нет противоядия.

– Надо искать, – опять повторил Зосима.

Взгляды всей троицы скрестились на мне. Я тяжело вздохнул и сказал:

– Как что, так сразу Косой, Косой... Может, вы, Николай Карлович рискнете? – Я указал кивком головы на болото. – Вдруг вам повезет?

– Я человек невезучий, – сухо отбрил меня Идиомыч.

– Понял. А как вы смотрите на это дельце, Кондратий Иванович? По-моему, у вас феноменальные способности по части преодоления болотистой местности, если судить по тому, как лихо вы убежали от погони. Вся ямины запросто миновали, на одной голой интуиции.

Кондратка замялся, начал что-то мямлить, но я уже его не слушал и начал раздеваться. Конечно, Зосима полез бы в болото без лишнего словоблудия. Он таков. Но в этом случае я бы просто сгорел со стыда.

Послать старика бултыхаться в холодной мерзкой грязи, а самому сидеть, развалившись, на

бережку и давать советы... – нет уж, увольте. Это нужно быть просто бессовестным человеком.

Хотя... такие отмороженные у нас случаются. Некоторые даже своих престарелых родителей выгоняют из дому, превращая их в бомжей.

Как говорили раньше мудрые человеколюбы: дети – цветы нашей жизни. Наверное. Но в моих скитаниях мне приходилось видеть цветочки, которые нельзя даже нюхать, потому что наступит сначала умопомрачение, а затем придет капец.

Так что насчет цветочков нужно выражаться осторожно...

Я нашел начало гати только через час. В отличие от той, что вплотную подходила к острову с другой стороны, эта вымостка, судя по всему, была более старой, местами расползлась, так как бревна все же сгнили, и не доставала до острова метров на тридцать.

Наверное, с той поры в болоте поднялся уровень воды, и остров немного подтопило.

– Ну что, двинули? – спросил я, когда все разоблачились.

– С Богом! – истово сказал Кондратка и перекрестился.

Ух ты, а я и не знал, что он такой богомольный...

Идиомыч промолчал, а Зосима что-то тихо, про себя, пробубнил. Наверное, просил лешего дорожку подлатать, чтобы трясин было поменьше.

А дорожка вышла у нас еще та. Мы попали в самые гиблые места Пимкиного болота. Это была его северная оконечность, которая считалась у местных жителей (и небезосновательно) преддверием ада.

Любой наш шаг вправо-влево с бревенчатой отмостки мог закончиться трагически. Но самое плохое было то, что и гать, как я уже говорил, прохудилась.

Временами она пропадала, и нам приходилось, зажав страх в кулаке, брести по грудь в вонючей жиже. Хорошо хоть мы могли определить верное направление по остаткам гати под ногами.

А еще приходилось тащить и плотки. Мы не рискнули бросить их на острове, хотя и намеревались. И правильно сделали – несколько раз они нас здорово выручали.

Короче говоря, это был поход смертников. Если бы спустя пять-шесть часов после того, как мы оставили остров, мне сказали, что нужно возвращаться обратно, так как вперед ходу нет, я бы отказался – сил не было даже материться.

Но все в жизни когда-нибудь кончается (да и жизнь, в принципе, конечна; а разговоры о бессмертной душе, по моему мнению, это своего рода допинг для разуверившихся; хотя категорически я бы не стал это утверждать), а потому пришел конец и нашим страданиям.

Мы вылезли из болота только к вечеру. Такое мизерное расстояние – и так долго нам пришлось идти...

Выбравшись на сухое место, мы даже не обрадовались – не было сил. Мы упали на землю, как трупы, и пролежали в полной неподвижности не менее часа. Казалось, что земля-матушка нас подпитывает своей энергией, так как нашу отняло болото. Вот леший сегодня покайфует...

А к Зосиминому ДЕРЕВУ я обязательно схожу.

Мы долго полоскались в небольшом чистом озерке, стараясь смыть не только грязь со своих тел, но и выполоскать тронутые страхом души.

Я сам, как ни бодрился и не ходил гоголем, в глубине души испытывал самый настоящий ужас (хотя и давил его, как только мог), когда из-под ног неожиданно уходила земная твердь, и мерзкая жижа со смачным чмоканьем хватала меня за ноги и за руки и тащила в свою ненасытную утробу.

Ужинать мы сели как святые – чистые телом, душой и помыслами. Суп варить нам не захотелось, и Зосима выдал каждому по куску сала и по два сухаря. Он хорошо знал эти края, а потому сказал, что нам нужно лишь переночевать здесь, а завтра мы дойдем до обжитых мест часа за четыре.

Ободренной такой приятной вестью, мы съели сало с потрясающей быстротой – как за себя кинули, и налегли на какао; на это раз Зосима расщедрился и сварил полный котелок.

Устроились мы на бережку того самого озера, где обмывались. Это был холм с густой травой, которая за долгое время сплелась в толстый мягкий матрас.

Мы не стали удаляться от болота, так как лес здесь был практически не тронутый человеком, подходящих для ночлега полян в нем и днем трудно сыскать, а раскинуть свой бивак на прелых влажных листьях нам не хотелось.

Нас так притомил тяжелый путь через трясины, что нам даже спать не хотелось, как ни удивительно. Мы лежали вокруг затухающего костерка и задумчиво разглядывали яркие звезды, высыпавшие, как горох, на ночное небо.

Каждый думал о своем. Я, например, вспоминал Каролину. Какого черта! И тут, в этом болоте, она меня достала.

Тихо выругавшись, я постарался выбросить ее из головы, переменил позу – и застыл, глупо тарашась в сторону запада. Там, среди россыпи неподвижных звезд у горизонта, две звездочки сорвались с насиженных мест и начали стремительно двигаться в нашу сторону.

Инопланетяне! Я едва успел вовремя закрыть рот, чтобы не заорать, как оглашенный. Еще бы – впервые узреть воочию, что рассказы уфологов отнюдь не байки.

Тем временем огоньки приближались. И держали они курс как раз на Пимкино болото! Неужели нас хотят похитить?

– Ты видишь? – вдруг подвинулся ко мне Зосима.

– Что? – прикинулся я незрячим.

– Кажись, снова нопланетяне... летят... – Зосима весь дрожал. – Вон, тама, мотри...

– Ну и пусть себе летят, – сказал я храбро. – Не думаю, что они приперлись из какой-то дальней Галактики на нашу Землю только для того, чтобы познакомиться с нашей бравой командой.

– Дык, они летят прямо сюда!

– А ты лежи и не шевелись. Притворись покойником. Так делаю голуби, когда на них ястреб хочет напасть. Брык – и лапки кверху. Кому нужна мертвечина?

– О чем разговор? – вмешался Кондратка, у которого уши, словно локаторы.

Лопоухий Паганель...

– О жизни, – буркнул я нехотя, краем глаза наблюдая за неотвратимо приближающимися летающими объектами – скажем так. – И немножко о смерти, которая на это раз махнула косою над нашими головами, но не попала.

Сказал и тут же подумал: «А вот, кажется, и второй ее заход приближается...» Летающие объекты уже висели над дальним от нас краем Пимкиного болота. Именно висели, а не летели.

Но это точно были не вертолеты. С такого расстояния уже можно было услышать шум вертолетных винтов, но вокруг царила ночная тишина.

Конечно, летняя тишина, в ночное время, весьма относительна. Это так лишь поэты да прозаики выражаются. На самом деле шумит ветер, потрескивает камыш, плещется рыба в затонах, шуршат в кустах ежи и прочие ночные зверушки, время от времени подает голос какая-нибудь ночная птица, например, филин...

Это мысленное отступление я позволил себе, чтобы немного расслабиться. И для того, чтобы подготовиться к неизбежному «концерту» – я уже заметил, что и Кондратий Иванович заметил НЛО или Как-Его-Там.

– Ы-ы-ы... – Кондратка, потрясенный увиденным, широко открыл рот, изображая из себя великого немого.

– Что с вами? – встревожился Идиомыч.

Только он один уже начинал подремывать и, естественно, на звездное небо не обращал никакого внимания.

– Ничего, – ответил я за Кондратку. – Просто Кондратий Иваныч узрели два НЛО. Обычная вещь в наше время. Эка невидаль. Ничего особенного.

– То есть... как!? Где!?

– Не кричите так, Николай Карлович, – поморщился я и сел. – Распугаете всех местных русалок. Да и те, кто рулит этими штуками, могут обратить на нас внимание. Вы же не хотите выступить в роли подопытного кролика?

Идиомыч не ответил. Он уже наблюдал за неизвестными летающими объектами с вниманием первоклашки, которому показывают процесс изготовления мороженого.

– Подай мне бинокль, Зосима, – попросил я старого охотника. – Пока ОНО к нам не прилетело, нужно хоть посмотреть, что это за дура. Так сказать, в порядке самообразования. Потому что потом может быть поздно.

Зосима мою просьбу выполнил беспрекословно. Сам он даже не подумал взглянуть на чудо дивное, парящее над Пимкиным болотом. Он по-прежнему трясся словно в лихорадке.

Надо же, как его уели эти инопланетяне... Похоже, Зосима меньше боится смерти, чем этих пучеглазых головастиков; такими их изображает чокнутые художники.

Я прильнул к окуляру бинокля. Летающие объекты приблизились, и я увидел, что они и впрямь напоминают классические тарелки инопланетян. За одним маленьким исключением – у этих были еще и небольшие крылья.

Наверное, пучеглазые конструкторы, сообразуясь с многовековым опытом полетов на планеты, имеющие атмосферу, приспособили свои тарелки к земным условиям.

Тем временем одна летающая тарелка немного притушила огни и осталась висеть над болотом, а вторая снизилась почти до самой земли. Из ее толстого тулова вырвался сноп яркого белого света, и я увидел, что под тарелкой копошатся... кто бы вы думали? Точно – черные вылупки из гнезда ведьмакового!

Вот так штука... Мы посылаем в дальний космос телеграммы, ждем, не дождемся контактов с инопланетянами, а эти сволочи уже бегают за нами по лесам и болотам с кровожадными намерениями. Притом не с бластерами, как можно было ожидать, а с примитивным огнестрельным оружием земных жителей.

Чудеса...

Я присмотрелся к летательным аппаратам внимательней и прислушался. Они и впрямь были необычными. В верхней конусообразной части «тарелок» вместо винта вращался с большой скоростью огромный ротор с лопатками как у турбины (мне так показалось), но так тихо, что до нас долетало лишь едва слышное «зу-у... зу-у... зу-у...»

Мало того, я не заметил на них опознавательных знаков. Но это обстоятельство совсем не говорило о том, что «тарелки» неземного происхождения.

Кто это? Для меня сей вопрос отнюдь не праздный.

Если это наша, российская, разработка и черные служат в какой-нибудь госконторе, то это одно дело. Ну, а вдруг «тарелки» прилетели из-за бугра, тогда ситуация рисуется совсем в другом свете.

Я видел, что черноризцы что-то ищут. А может, и нашли. Они ковырялись в грязи, как муравьи. Первая «тарелка» им светила и, похоже, корректировала направление поисков, а вторая, судя по всему, прикрывала ее сверху.

Надо же, какие умные эти пучеглазые образины...

– А не попробовать ли мне достать их отсюда из карабина? – спросил я риторически, возвращая своему другу бинокль. – Тут чуть больше одного кэмэ. Расстояние для СКС вполне нормальное...

– Что ты, что ты, перестань! Выбрось из головы эти глупости! – в ужасе замахал на меня руками Зосима. – У них там такое... Враз сожгут.

– Да ты глянь на них, присмотрись. И не дрожи, как заячий хвост. По-моему, эти штуки похожи на НЛО, как я на китайца.

Немного поколебавшись, Зосима все же последовал моему совету. Смотрел он долго. А когда отнял бинокль от глаз, его лицо было задумчивым, а руки уже не тряслись.

– Ну как? – спросил я, закуривая.

– Дык, это, кто его знает... – Зосима, как всегда, осторожничал.

– О чем вы там шепчетесь? – наконец прорезался голос у Кондратки. – Что делать, что делать!? Надо в лес уходить, чтобы нас не заметили.

– А если заметят, то что будет? – спросил я лениво.

– Они... они на все способны! Мне рассказывали...

– Кондратий Иванович, успокойтесь, – перебил я чересчур экзальтированную речь Кондратки.
– Не верьте досужим вымыслам. Вы им не нужны. Они ищут не нас, а НЕЧТО, похороненное в болоте. И, как на меня, это вовсе не инопланетяне.

– А кто это?

– Знать бы... – Я задумчиво погладил приклад карабина.

Мне, конечно, ничего не стоило пальнуть несколько раз по черноризцам, а заодно и по иллюминаторам «тарелки». Меня сдерживали только два обстоятельства: присутствие моей лихой команды, не шибко быстрой на ноги, и отсутствие уверенности, что летающий аппарат заграничного происхождения.

Карабин Симонова – классная машинка. На полтора километра из нее можно бить вполне прицельно. А если при этом иметь еще и определенный опыт в обращении с оружием... м-да. Заманчиво.

Тем более, что у меня на этих козлов в черных рясах уже зуб прорезался. Большой зуб.

Мы наблюдали за работами на болоте часа два – пока нас окончательно не сморила огромная усталость. Я так вообще уснул с биноклем в руках и в позе охотника, выслеживающего дичь.

А когда утром открыл глаза, то летательных аппаратов и черноризцев не было и в помине. Может, мне померещилось от огромного напряжения? Такое случается. Когда человек на чем-то сильно заиклен, у него во время нервных срывов иногда бывают такие галлюцинации, что будь здоров. Хотя сразу бери его и запихивай в психушку.

У нас, в России, вопрос снятия стресса снимается очень просто: зашел в магазин, купил поллитры, выпил – и все дела. На следующий день ходишь здоровым и обновленным, словно бабка пошептала.

Но ежели тебе крайне приспичило полечиться нашим народным методом где-нибудь на арабском Востоке, а ты находишься в образе правоверного – вот тогда тебе точно приключится полный пердомонокль. Там крепче и забористей верблюжьей мочи ничего нельзя найти.

– Ну что, братва лихая, пора по домам? – сказал я, смачно зевая. – Зосима, у нас там пошамать чего-нибудь осталось?

– Найдем, – туманно ответил Зосима и начал рыться в изрядно отощавшем сидоре.

Во время наших совместных экспедиций он всегда был интендантом. А я – носильщиком. Иногда мне очень хотелось поменяться с ним «должностями», однако я лишь горестно вздыхал и продолжал тащить на своем горбу тяжелую ношу.

Но еще труднее мне приходилось, когда нам выпадала большая охотничья удача, и мы возвращались в деревню с добычей. В такие моменты я готов был прожить остаток жизни на одних консервах, лишь бы не горбатиться как крепостной.

Мы быстро перекусили, особо не присматриваясь, что там подал нам Зосима, и поторопились покинуть место ночлега. Нас снедало обычное нетерпение путешественников, которые после долгих скитаний уже видят вдалеке дым родного очага.

Удивительно, но нам почему-то стало здорово везти. Не прошли мы и двух километров, как

на глухой лесной дороге нам попалась телега, запряженная двумя лошадками. Они мирно щипали травку на обочине, а на телеге мертвым сном спал мужичок, чем-то похожий на Зосиму, только помоложе и более щуплый.

– Ты знаешь его? – спросил я своего доброго друга, когда у нас прошел первый этап радостной эйфории по поводу столь знаменательного события.

Мы почему-то совсем не сомневались, что теперь до обжитых мест нам не придется топтать на своих двоих.

Конечно же, Зосима знал хозяина лошадей. По-моему, он был знаком со всеми выпивохами в округе.

Едва мы появлялись возле пивной, как его наперебой приветствовали и стар, и млад. Не говоря уже о бродячих псах; наверное, они начинали умильно вилять хвостами, едва Машка выезжала на станционную площадь.

– Дык, это, конечно... Митроха, Митроха! – затормошил он дрыхнувшего без задних ног мужичка. – Просыпайси.

Но тот лишь что-то промычал и отбрыкнулся ногой. Похоже, он думал, что его будит родная Дуська.

Причина столь глубокого, почти каталептического сна Митрохи, была, что называется, налицо – в телеге валялась пустая литровая бутылка какой-то местной водки. Ее не то что пить, но даже нюхать было нельзя. Иначе нос отпадет. Такой гадостью можно только клопов травить.

Мне надоели тщетные потуги Зосимы добудиться до сознания Митрохи и я рявкнул у него над ухом:

– Проснись, транда, нас обокрали!

– А! Что? Где? – Митроху подбросило вверх, словно пружиной.

Он бессмысленно таращился на нас и махал руками перед своей изрядно помятой физиономией, словно обрывая невидимые нити-паутинки «бабьего лета». Похоже, мужичок спросонку подумал, что его посетили похмельные черти.

– Митроха, это я, – выступил вперед Зосима. – Ты чего это размахался?

– Зосима? – Мельница в исполнении Митрохи враз прекратила работу, словно сломалась. – Ты как?... Куда мы?... Где я!?

Это уже был крик души.

Мужичок с ноготок, которому уже стукнуло никак не меньше шестидесяти, был в отчаянии. Наверное, Митроха никак не мог понять, как так случилось, что он проснулся не в своей кровати, а в глухом лесу, и почему его окружили незнакомые люди в грязной потрепанной одежде явно подозрительной наружности.

Естественно, не считая Зосимы.

Впрочем, Зосима вполне мог быть наводчиком какой-нибудь лесной банды. Такая мысль, конечно же, не преминула посетить забубенную головушку Митрохи, и он инстинктивно закрылся руками, словно его кто-то собирался бить.

Что только не покажется спяну...

– Эй, дядя, протри глаза! – сказал я резким тоном. – Здесь все свои. Мы народ мирный. Ты в район нас подбросишь?

– Конечно...

– Вот и ладушки. Сели, братцы, и поехали, – подал я команду.

Зосима забрал из ослабевших рук Тимохи вожжи, обозвал лошадей по привычке нехорошим словом, и мы в полном удовольствии неторопливо и расслабленно покатали по лесной дороге в направлении, где нас ждала цивилизация. Жизнь вдруг стала казаться нам вполне терпимой и даже приятной штукой.

– Ты чего это сюда заехал? – спросил Зосима. – Твой дом совсем в другой стороне.

– Бес попутал, – хрипло буркнул Тимоха, исподлобья поглядывая на нас с подозрительностью и надеждой.

На что он надеялся, выяснилось быстро.

– Мужики, у вас нет, случаем... – Тимоха сделал весьма выразительный и где-то даже интернациональный жест – щелкнул пальцем по своему острому кадыку. – Нутро горит...

Я ухмыльнулся и ответил:

– Для вас, сэр, специально приберегли. В качестве оплаты за проезд.

Я достал свою заветную фляжку и налил страдальцу полкружки. Как же он страдал, пока выцедил ее в растяжку! Ему хотелось залить водку внутрь, а она просилась наружу.

Но когда кружка все-таки опустела, Митроха преобразился на глазах. Он нашел где-то под сеном яблоко, с хрустом сгрыз его – закусил, и спросил уже вполне нормальным голосом:

– А куда мы едем?

Вот те раз! Похоже, Митроха проснулся только сейчас.

– В район, – сухо молвил Зосима.

– Что мы там забыли!? – взбурлил Тимоха.

– Сдавать вас везем, – встрял и я со своими шуточками.

– Как-как?... Зачем? – Тимоха растерялся.

– Натворили вы тут... – ответил я загадочно.

– Что я натворил? Скажите, а? Зосима, ты ж меня знаешь... – жалобно заскулил Тимоха.

– Знаю, – коротко ответил Зосима, даже не обернувшись; он сидел впереди и время от времени подгонял лошадей тонкой хворостиной.

– Это вы вчера в одиночку?... – спросил я, показав Митрохе пустую водочную бутылку. – Нехорошо, гражданин, очень нехорошо.

– Почему? – по-прежнему слегка заикаясь, спросил мужичок.

– Из-за вашего пагубного пристрастия к спиртным напиткам могли погибнуть лошади. (В лесу ведь водятся волки). Что нанесло бы непоправимый вред флоре и фауне нашего района.

Незнакомые Митрохе слова «флора и фауна» совсем его добили. Но вывод он сделал из нашего разговора потрясающий:

– В район, так в район. А если вам надо, то поехали хоть в область. До области недалеко, километров пятьдесят. Верно я говорю, Зосима?

– Не знаю, я не мерил, – ответил Зосима, которого наш разговор начал откровенно забавлять.

Митроха растерянно умолк. Водка вернула ему живость и развязала язык, он хотел потрепаться всласть перед благодарными слушателями, но не знал, на какой козе к нам подъехать. Наверное, мужичок считал, что мы имеем какое-то отношение к власти, которую в глубинке всегда боялись как огня.

Наконец я сжалился над ним и миролюбиво спросил:

– Какая вас нелегкая понесла среди ночи в лес?

– У-у-у... – Митроха подкатил глаза под лоб. – Такое было... Там такое было...

– Где это – там?

– Ну, значит, был я вчера у кума. Зосима, ты помнишь Лексея? Кирдяпа его фамилия. Возле водокачки живет.

– Помню, – ответил Зосима. – Он с позапрошлого года мне сто рублей должен. На бутылку занимал. До сих пор не отдал. Как приеду на станцию, так он все огородами ходит.

– Так вот я и говорю, был у Лексея, кабанчика кололи. Ясное дело, на продажу. Кто же летом колет свиней для себя? Ну, сделали мы свое дело – кабанчик недолго брыкался, чересчур перекормленный был, а потом, ясное дело... хе-хе... свежатиной побаловались. И приняли... но немного! Всего бутылку... кажись, литровую выпили. Ты ж знаешь, Зосима, у Лексея баба сурьезная. Чуть что, скалкой по горбу.

– Такая же дура, как моя вторая была, – пробурчал Зосима.

– Потом, значит, поехал я домой. А дорога-то дальняя...

– Ага, очень дальняя... – не без иронии встрял Зосима. – Семь километров. Как до Луны.

– Хе-хе... Так я ж ехал один. Скучно, не с кем словом перекинуться. Вот я и купил фунфырь...

– Митроха бросил жадный взгляд на мой сидор, куда я спрятал фляжку. – Чтобы дома выпить. Ну, хлебнул, конечно, не сдержался... но самую малость! Вот тут все и началось...

Мужичок втянул голову в плечи и бросил испуганный взгляд на небо. Он вдруг начал дрожать, словно его зазнобило.

– Было уже темно – подзадержался я малость. А чтобы сократить путь, поехал через гать. Ну ты, Зосима знаешь...

– Знаю. В той стороне можно проехать только трактором.

– Нет, ты не прав. Дорога там сейчас справная. Более-менее. Гравий насыпали. Будут дачи строить.

– Может быть, – сказал Зосима. – Я давно там не был.

– Вот я и говорю... Ну, значит, еду, даже песни пою, и тут как все засветится кругом! Я

поднял голову, а там... мамочки! Эти, что в газетах о них пишут, прилетели. Ну, как их? Пучеглазые. Да, точно, нопланетяне. На тарелках. Аж две штуки! Да так низко летят... Кони испугались, и как понесли. А я вообще дурной стал, ничего сообразить не могу. Испугался сильно. В общем, заехал я незнамо куда. Кругом лес, кони в мыле... Выпил я для храбрости, подумал, подумал, что мне делать дальше... а тут и утро, вы, значит, подоспели. Вот такая история. Как думаете, войны не будет?

– Как только начнется, нам сообщат, – «утешил» я Митроху. – Главное, запастись водкой. Тогда нам все будет до лампочки – и враги, и инопланетяне.

Немного поколебавшись, я все-таки полез в вещмешок, достал фляжку и нацедил в кружку для Митрохи еще немного «лекарства» от стресса. Мужик и впрямь здорово подорвал свою нервную систему.

Нет, все-таки надо было пальнуть по этим «нопланетянам», как говорит Зосима. Чтобы им неповадно было народ пугать. У нас и так народонаселение сокращается со страшной быстротой. А тут еще всякие гады кружат над нашими головами, как воронье, вводя мужиков в стрессовое состояние.

Понятное дело, что после этого уже не до женщин...

Глава 26

Домой мы заявили только к вечеру. Не так просто добраться из района до нашей Тмутаракани. А тут еще Идиомыч взмыкался: «Надо заявить в милицию...» О чем заявлять? Что мы видели над Пимкиным болотом НЛО?

Да нас сразу же пошлют на три известных буквы. Может, и не впрямую, а иносказательно, но пошлют точно. А будем настаивать на своем, запихнут всю нашу бригаду в психушку. Чтобы там мозги нам проветрились.

Что касается стрельбы и прочих недружественных актов со стороны сектантов, то здесь и вовсе у нас нет никаких доказательств. С такой серьезной поддержкой областного начальства главный черноризец может чихать на наши рассказы с высокой колокольни. Нам просто никто не поверит.

А если и найдется какой-нибудь доверчивый мент-законник, то ему начальство сразу укажет, что у него других дел по горло, что у нас свобода слова и вероисповедания, и что не нужно совать свой нос туда, где ему просто делать нечего.

Мало ли что болтают разные штатские. Слово к делу не пришьешь.

В общем, я дискутировал с Идиомычем на эту тему до хрипоты, пока не вмешался Кондратий Иванович. Он стал на мою сторону, затем к нему присоединился еще и Зосима, и общими усилиями мы все-таки сумели отговорить нашего ученого от его дурацкой затеи.

В деревню от полустанка, до которого мы добрались из райцентра в не очень чистом кузове грузовика местного фермера, мы топали пешком. Дорога через лес (вернее, тропинка) не принесла нам никаких сюрпризов. Может, потому, что Зосима из предосторожности повел нас не основной тропой, по которой обычно ходили дачники.

Расставаясь со своей командой, я попросил их, чтобы они какое-то время (хотя бы сутки) не светились в деревне. Пусть черноризный ведьмак думает, что надежно запер нас на болотах.

А чтобы исключить неприятные неожиданности, я проводил всех даже не до порога их жилищ, а прямо к кроватям, и наказал на ночь хорошо запереть двери и тщательно занавесить окна. И только потом направил свои стопы домой.

В избе все было на своих местах. На это раз я наставил всяких пометок больше, чем нужно. Теперь даже мышь не могла пробежаться по моему бунгалу незамеченной. Хватит, надоели мне все эти бесовские штучки.

Но что делать дальше? Это вопрос...

Я понимал, что теперь черноризец точно не оставит меня в покое. Если уж у него поднялась рука, чтобы нажать на спусковой крючок автомата и дать очередь по мирным людям, то он должен довести начатое до логического завершения. Конечно, стрелял не он, но по его приказу – это точно.

С другой стороны, я тоже не из тех людей, которые, когда их бьют по левой щеке, они подставляют правую. Будь я в прежней, допенсионной, жизни простым обывателем, то, скорее всего, мне пришлось бы отсюда литься. И как можно быстрее. Это было бы вполне разумно, и никто не назвал бы меня трусом.

Но все дело в том, что у меня была ПРОФЕССИЯ, которая предполагала, что я сам могу постоять за себя, не прибегая к помощи различных государственных учреждений. Меня на это натаскивали очень много лет.

Даже цирковая лошадь, которую выбраковали по старости, помнит до конца своих дней все штуки, которые она проделывала на арене. А что говорить о человеке.

Спец моего профиля (если, конечно, он не болен и не прикован к постели) готов в любой момент встретить опасность с поднятым забралом. Это у него в крови. Все реакции обычно срабатывают на уровне инстинкта. Особенно если ты ушел из армии совсем недавно – как, например, я.

Подумаешь, каких-то три года... кажется с хвостиком. На гражданке я вообще перестал следить за временем. Меня совершенно не интересовало, какой год на дворе, какой месяц и день недели. А зачем?

Когда об этом не задумываешься, то тебе кажется, что время остановилось и ты по-прежнему молод, красив и быстр – как прежде.

Итак, надо было что-то решать...

Я задумчиво погладил приклад карабина – хорошая вещь, но что если ствол «меченый»? Что если из него кого-то уже грохнули? Тогда всех собак могут повесить на меня. Это плохо.

Но с другой стороны, мне теперь без дальнобойного нарезного оружия никак. Ведь у противников есть автоматы. Что ж мне, идти на них с двустволкой? Враз урют. Даже если я успею подстрелить одного или двух из засады.

Конечно, патронов к СКС осталось немного, но постараюсь быть экономным. Мало того, мне очень хотелось вообще обойтись без крови. Но как это сделать?

Сложная задача...

Что ж, я готов ее выполнить, в том или ином варианте. Иначе мне кырдык. Вот и весь, так сказать, базис под моим замыслом, все мои разъяснения на эту тему.

Убегать я не буду, да и куда? А жить, каждую минуту оглядываясь по сторонам в надежде

увидеть вовремя направленный на тебя ствол, чтобы успеть до выстрела упасть на землю или где-нибудь спрятаться – увольте. Такую жизнь и врагу не пожелаешь.

Я начал собираться. Сборы принесли мне одни разочарования. Мне фактически не с чем было идти в бой, если выразаться высоким стилем.

Из оружия у меня были лишь карабин и нож. Для диверсанта – а я как раз и должен был ночью сыграть такую роль – всего этого набора явно недостаточно. Тем более, что мне придется отказаться и от СКС. С ним будет очень неудобно, к тому же я не хотел поднимать лишнего шума.

Повздыхав и почесав в затылке, я натянул на себя свой выдавший виды черный комбинезон, хорошо наточил нож, а также изготовил из куска гибкого, но прочного провода удавку-гарроту. Это был весь мой арсенал.

Вымазав лицо сажей, и прихватив бинокль, я потушил свет, немного подождал (минут пятнадцать), и выскользнул на улицу, стараясь быть тенью. Мне снова пришлось почти в точности повторить тот путь, который я проделал, когда шел на разведку к избе Киндея в первый раз.

Только теперь я был очень осторожен, зная, что могу наткнуться на неприятные сюрпризы.

Меня ждала такая же картина, как и тогда. За единственным исключением – в этот вечер сектанты (или кто там они) не резали петуха и не пили его кровь. Наверное, ведьмак изничтожил в конце концов всех черных петухов в округе, а другая масть для ритуала не катила.

Теперь я подобрался сбоку, нахально подошел к избе прямо по тропе, которая вела к Пимкиному болоту.

Она была хорошо утоптана, а высокую траву, которая прежде здесь росла, черноризцы выдергали и бросили на обочине. Знать, ходили они на болото не один день (и не одну ночь). Поэтому я не думал, что здесь тоже стоят капканы и западни.

А еще я надеялся, что тропа – своего рода прореха в электронном охранном периметре, который сооружен вокруг избы Киндея. По здравому размышлению я сообразил, что тогда меня могла заметить только спецтехника.

Сегодня сектанты просто ужинали. Притом ели они торопливо, словно куда-то спешили. Я не преминул с удовлетворением отметить, что числом черноризцы немного поубавились; или оба раненых лежат в избе, или...

Мне бы не хотелось строить догадки, куда они попали, превратившись в жмуриков. Но рай им точно не светил.

Ужин немых закончился быстро – за то время, что я за ними наблюдал, черное воронье не перемолвилось ни словом. Поднявшись, сектанты сходили в сарайчик и вышли оттуда уже с каким-то длинным ящиком.

Присмотревшись, я увидел, что ящик очень похож на гроб. Они что, будут хоронить своего товарища по вере? Может быть...

Но у меня создалось такое впечатление, что ящик пуст. Уж больно легко было тем, кто его нес.

А когда возле узкой калитки ящик взяли на руки всего два человека, при этом не испытав ни малейших затруднений, у меня в этом уже не было никаких сомнений. Ну не богатыри же они, в конце концов.

Меня немного смущало только одно – их главного начальника, ведьмака с посохом, нигде не было видно. Равно как и моего «знакового»-янки. Неужели они в отъезде; вернее, в отлете?

Не исключено. В тарелки, которые вчера висели над Пимкиным болотом, можно запихнуть человек двадцать.

Сектанты шли по тропе, а я за ними. Интересно, где они прячут оружие? Скорее всего, под своими просторными черными балахонами. Под ними можно утаить от любопытных глаз даже гранатомет.

Так мы топали в полной темноте около получаса. Черноризцам было легче, потому что идущий впереди освещал путь фонариком. Ну, а я надеялся только на себя и на свои два глаза, которые все же не кошачьи и ночью работают слабо.

В конечном итоге мы оказались у кромки болота, где черноризцев ожидал... кто бы вы думали? Ну конечно же, заокеанский гость. Вместе с ним был еще кто-то, но не пахан сектантов, а какой-то мужик в обычной одежде.

Когда ящик поставили на землю, я буквально впился взглядом в НЕЧТО, прикрытое ветками.

Неужели черное воронье нашло клад Киндея? И, скорее всего, это случилось вчера, прямо у меня на глазах, когда этой бригаде подсвечивали псевдотарелки; теперь я был почти убежден, что летающие аппараты – никакое не НЛО.

Вот паразиты! Народное достояние хотят умыкнуть. Может, выйти и спросить прокурорским тоном: «А что вы здесь делаете, граждане?»

Ну да, спроси... И сразу получишь по кумполу. А потом бульк – и все дела.

Шел человек по лесу, гулял, дышал чистым лесным воздухом, но затем набрел на болото и нечаянно угодил в трясину. Проза жизни. Никто и не почешется, чтобы расследовать загадочную гибель, в общем-то, неплохого человека Иво Арсеньева.

Между прочим, орденосца...

Тем временем, пока я так размышлял, прибывшие вместе с ящиком черноризцы быстро раскидали ветки, под которыми скрывалось НЕЧТО, и я облегченно вздохнул – оно совсем не было похоже на клад.

На небольшой полянке у ног черноризной братии лежал закамуфлированный подсохшей грязью продолговатый цилиндр. Сначала я думал, что это просто кусок какой-то ржавой трубы. Но потом цилиндр осветили фонариками, и я успел заметить, что в одном месте его кто-то протер ветошью, и это чистое пятно оказалось тщательно отполированным металлом.

Мало того, цилиндр явно изготовили из нержавеющей стали, а там, где он был очищен, виднелись очертания лючка и отверстие, куда вставляется специальный ключ, чтобы его открыть.

Так-так... Очень интересно.

Тут тебе и летающие объекты странной формы, и американский подданный, явно не простой гражданин «пупа» Земли, и наконец, эта железяка, ради извлечения которой из болота была затеяна очень дорогая и опасная спецоперация, притом на территории бывшего главного врага. (Бывшего ли?)

Цилиндр бережно, словно он был хрустальным, подняли на руки и уложили в ящик, где уже находилась древесная стружка. Все по науке. Ценный прибор так и хранят. А он, похоже, стоил просто баснословных денег. Куда там какому-то Киндееву кладу.

И что мне теперь делать? На моих глазах совершается диверсия против родного государства, а я бессилён воспрепятствовать этому наглому американскому хэппи энду. Бля!...

Я даже тихо застонал от злости, которая переполнила меня до краев. Мне сейчас хотя бы самопальный чеченский «борз». Эту группу на поляне можно переполовинить одной очередью. Ну, а с оставшимися пришлось бы немного повозиться. Но это уже дело техники...

Тихий шорох рядом заставил меня вздрогнуть. Захваченный зрелищем, разворачивающимся передо мной на полянке, я невольно отключил свои «локаторы» и перестал следить за окружающей меня местностью. Какой дурацкий прокол!

Эта мысль была последней. На мою бедную голову обрушился, по меньшей мере, стопудовый груз. Удар был сильным и точным, потому я отрубился сразу и без трепыханий...

Сознание возвращалось в час по чайной ложке. Меня уже давно не били по голове (в тренировочных спаррингах это случается часто, поэтому к ударам привыкаешь и держишь их совершенно спокойно), и мое состояние можно было охарактеризовать так – клиент плывет.

Я и впрямь плыл по безбрежному морю видений, и мне все время хотелось вырваться. Тошнота ну просто заколебала. Но я держался; еще чего. Подспудная мыслишка, пока слабая и рахитичная, настойчиво зудела где-то в подсознании: «Не сдавайся, не показывай свою слабость, крепись, ты же Ястреб...»

Наконец в голове раздался щелчок, словно сработал затвор фотоаппарата, и взгляд мой прояснился.

Я лежал на земляном полу в каком-то сарайчике. Скорее всего, в том самом, где еще совсем недавно находилась тара для таинственного цилиндра – на Киндеевом подворье. Везде валялась стружка, обрезки досок, а в углу стоял допотопный столярный верстак, на котором лежал рубанок.

Меня связали по всем правилам – не шелохнешься. Я был похож на кокон, так много намотали на мое тело веревок.

М-да, сбежать не удастся... Интересно, зачем они притащили меня в этот сарай? Почему не бросили в болото, которое находилось совсем рядом?

Загадка... Для дилетанта. Почему, почему... Потому, что хотят меня кое о чем поспрашивать. И слегка помучить, чтобы я не врал, а выкладывал все, как на духу. А если учесть, что сектанты равнодушны к крови, то мне мылится совсем уж нехороший вариант.

Мои невеселые раздумья прервал скрип двери. В сарай вошли два черных молчуна, взяли меня, как куль, и понесли в избу. Они были настолько уверены, что меня никто не услышит, что даже рот не заткнули кляпом.

Что ж, и на том спасибо. Жевать чьи-то вонючие портянки перед дорогой в заоблачные выси мне бы не хотелось.

В избе находились двое. Можно даже не говорить, кто именно. Это и ежу понятно.

Ведьмак сидел за столом, накрытым красной (!) бархатной скатертью (ну просто тебе секретарь парткома), а янки стоял, скрестив руки на груди, у двери. По его молчаливому приказу сектанты быстренько сняли с меня веревки, однако руки и ноги оставили связанными. А затем бесшумно удалились.

– Привет, други! – сказал я с наглой бесшабашностью; а пошли бы они все!... – За что вы меня так?... – Я покривился – голова и впрямь побаливала. – Молчите. Значит, нам предстоит

переговоры. Табуреточку-то подайте. Я, как видите, не в состоянии это сделать. А в лежачем положении какой может быть разговор?

Янки слегка покривился – улыбнулся, что ли? – и выполнил мою просьбу. Он поставил табурет рядом со мной, но руку, чтобы помочь мне подняться с пола, не предложил.

А мне и не надо его империалистическая клешня. Подумаешь, задачка – встать на ноги со связанными сзади руками. Изогнувшись дугой, я сделал поистине акробатический этюд (знай наших, заокеанское падло!) и в прыжке принял вертикальную стойку. От злости, которая меня переполняла, я даже не потерял равновесия.

– Данке шён, – сказал я вежливо и сел (вернее, плюхнулся) на табурет. – Или вы по-немецки ни бельмеса? Извините, другим языкам не обучен. Только немецкий и то со словарем.

– А как у вас с русским? – наконец подал голос ведьмак.

Ну у него и бацище...

– Зер гут, уважаемый, – ответил я, глядя прямо в его зенки. – Могу ответить на любой ваш вопрос. Вы ведь это имеете ввиду?

– Да.

– Тогда вперед. Чего волынку тянуть. Кстати, а как насчет закурить?

– У нас в помещении не курят, – сухо ответил черноризец.

– Понял. Извините. Как-нибудь перетерплю. Так я весь внимание. Мне очень хочется узнать, какого хрена вы ко мне прилипли – как банный лист к заднице? По-моему, я дорожку вам не переходил. Или вы мстите мне за тот нечаянный инцидент в лесу, когда мы встретились впервые? Так ведь разошлись мы тогда вполне мирно. Ежели я вас чем-то обидел, прошу пARDону. И вообще, место – это нехорошее чувство. Оно недостойно такого человека, как вы.

– Жаль... – проронил черноризец, внимательно вглядываясь в мою физиономию.

– О чем это вы жалеете?

– Жаль, что вы не вняли моим предупреждениям.

– А... Эти детские штучки с мыльными пузырями... Бабку-то зачем среди ночи по деревне таскали? Она ведь старенькая. Могла бы и не выдержать. Загубили бы человеческую душу, а это большой грех.

Ведьмак зловеще рассмеялся.

– Все-все, до меня дошло; вопрос о грехах с повестки дня снимается, – сказал я, ухмыльнувшись в ответ. – Как я понимаю, то, что для обычного человека грех, для вас райское наслаждение. Что ж, каждому свое. Но не забывайте, что потом каждому воздастся по его деяниям.

Ну надо же! Я заговорил, как баптистский проповедник. А что, вдруг выдавлю своими речами у ведьмака слезу?

Вот был бы номер...

– Не юродствуйте, – оборвал меня черноризец. – Мне действительно вас жаль. В вашем лице есть что-то располагающее. Думаю, мы могли бы найти общий язык...

Располагающее? Конечно, есть. Я ведь тоже не одного человека отправил в мир иной – как ты, сукин сын, черных петухов. И не только. Я почему-то уверен, что и твои руки замараны человеческой кровью. Тут мы с тобой точно почти братья.

– Но вы влезли не в свое дело, – между тем продолжал черноризец. – А это уже совсем плохо.

– Тайны мадридского двора... – Я осклабился. – Да на фиг они мне нужны.

– И тем не менее, вы пытались за нами следить.

– Пытался. Даже следил. Ну и что? Обычное человеческое любопытство. Теперь я каюсь. Что ж меня за это, в мясорубку?

– Вы тяжело ранили двух наших товарищей.

– Ну, во-первых, не двух, а одного. Первого подстрелил кто-то из ваших. А во-вторых, у меня сразу же возникает вполне закономерный вопрос: имел я право защищаться или нет? Меня, за здорово живешь, гоняли, как зайца. И что, я должен был покорно сложить лапки, связать уши в узел и лечь у ваших ног?

– Кто вы такой? – резко спросил ведьмак, вытаращив на меня свои буркалы.

– Вот те раз... А то вы не наводили обо мне справки среди деревенских. Я тут практически абориген. Купил избу почти четыре года назад и живу. Подальше от городской суеты. Вам нужно мое имя? Пожалуйста. Моя фамилия Арсеньев, зовут Иво. По батюшке можно ко мне не обращаться. Не обижусь. Так даже лучше – проще.

– Я не об этом. Вы очень скользкий тип. Вас никак нельзя ухватить.

– А зачем меня хватать? Позовите, я сам приду.

– Чем вы отравили наших людей?

– Это когда? – сделал я удивленное лицо.

– Не разыгрывайте из себя шута! Вы отлично знаете, о чем идет речь.

– Так это были ваши люди? Тогда у меня встречный вопрос: какого лешего они шатались у меня под окнами? Мы, конечно, не за граница, но право частной собственности и неприкосновенности жилища у нас тоже уважают.

– Я вам задал вопрос – отвечайте! – громыхнул своим бацищем ведьмак.

– Пожалуйста... – Я независимо пожал плечами – насколько это было возможно в моем положении. – Но вы хоть ноги-то мне развяжите. Совсем затекли. Больно ведь. И руки не мешало бы... Я не сбегу. Куда тут убежишь? Да и борзые у вас больно быстроноги.

Черноризец чуток поколебался, затем нажал кнопку на пульте (я забыл сказать, что стол был уставлен мониторами, какими-то аппаратами и станцией многоканальной радиосвязи; круто...), и в комнате появился один из моих конвоиров.

– Развязать, – приказал Ведьмак; и после секундной заминки добавил: – Ноги.

Все-таки руки оставил связанными... Предусмотрительный, гад. Побаивается меня. Несмотря на то, что у янки пушка подмышкой; этот момент я просек сразу.

Приказ был исполнен в мгновение ока. Конвоир ушел, а я с удовольствием пошевелил

пальцами ног, и несколько раз согнул их в коленях и разогнул.

– Так я вас слушаю, – напористо сказал пахан сектантов.

– Что, мальчикам бо-бо? Ну, простите меня. Если бы я знал, кто они... С ними ничего страшного не случится. Через несколько дней они смогут брать призы по бегу на олимпиадах. Это не яд. Так, травки...

– Где вы взяли это снадобье?

– Сам приготовил. У нас тут любых трав, даже тех, что занесены в «Красную книгу» – навалом.

– Что ж, вполне возможно. Если только вы говорите правду...

– Не смотрите на меня так. Я признаюсь вам во всем, как на духу. У нас в деревне лжецов найти трудно. Тем более, что мы с вами теперь земляки и почти соседи.

– Откуда у вас столь специфические познания по части химии? – вдруг подал голос и янки.

Я изобразил приятную улыбку и даже посмотрел него одним глазом, едва не свернув себе шею – сделать поворот хотя бы на девяносто градусов мне было трудно. Он глядел на меня, как на пустое место.

Неужели не узнал? А если не узнал, то хорошо это или плохо? Вот задачка...

Но вопрос бил, что называется, не в бровь, а в глаз. Я уже начал догадываться, к какой секретной службе принадлежит этот янки. Больно уж хорошо он владел русским языком и знал наши обычаи.

Только одна американская «контора» готовила таких коршунов. И мне уже приходилось с ними встречаться. Правда, на излете моей военной карьеры, один раз, и наша встреча закончилась вничью. Почему вничью? А просто мы узнали друг друга, поняли, какой стране давали присягу.

В Америке ведь тоже есть приличные люди...

Так вот, все они «птенцы гнезда Бушева». Американский президент лично контролировал возрождение в ЦРУ специальных оперативных групп командос – Special Operations Group, или сокращенно SOG.

Говорят, они неплохо проявили себя на начальной стадии операции по захвату Ирака. Успешно работали они и в Афгане. Командос из SOG прекрасно говорили на фарси и дари, и хорошо разбирались в местных обычаях. Точно не знаю, возможно, так оно и есть.

Но должен сказать, что наши парни не хуже. Мы тоже кое что умеем. Жаль, нельзя отставникам моего профиля писать мемуары. Это была бы книга... Мне есть, о чем рассказать простому обывателю.

Кстати, не исключен вариант, что у янки существует прикрытие, вспомнил я его напарника, которого видел лишь мельком, когда таинственный цилиндр заколачивали в гроб.

Обычно, командос из SOG отправляются на задание в составе группы из десяти человек. Но это в военной обстановке. Поскольку наши страны нынче большие друзья и даже партнеры, то я думаю, что этого янкеса сопровождает в «туристической» поездке по России лишь один человек, максимум двое.

Однако, во время посещения мастерской Венедикта, где я впервые и узрел этого американца, с ним не было никого, кто хотя бы отдаленно напоминал крутого мэна, агента 007. Наверное, он прилетел к нам другим рейсом.

Конспирация, батеньки, конспирация...

– У меня, знаете ли, родная бабка была ведуньей, – ответил я с ностальгическими нотками в голосе. – Вот она и поднатаскала меня в таких премудростях. А еще я могу лечить лишай, выводить бородавки, снимать сглаз... Вас ничто такое не мучит?

– Достаточно! – резко бросил янки. – Не ломайте комедию. Вы лжете. А я хотел бы услышать правду.

– Вот так всегда: врешь – тебе верят, выкладываешь все, как есть, – обвиняют во лжи. Между прочим, чтобы проверить мои слова, достаточно зайти ко мне в избу. Всего лишь. Там еще остались травы, из которых я готовил это снадобье. Мало того, я могу приготовить его прямо у вас на глазах.

– В это я верю. Вопрос состоит в другом: где вы научились готовить такие яды? Только не рассказывайте нам о своей бабке! Эта версия очень неубедительна.

– Понятно. Вас больше бы устроила версия, что я имею академическое звание, и учился в Кембридже у какого-нибудь известного профессора. Скажу по секрету, это было бы здорово. Никогда не приходилось бывать за бугром. Учиться в Англии – это был предел мечтаний для любого советского человека. Увы, туда попадали единицы, в основном номенклатура.

– Опять вы уводите разговор в сторону... – На лице янки забегали желваки.

Злится. А нервишки-то у него не очень...

Отменная профессиональная подготовка это, конечно, хорошо. Но он прекрасно отдает себе отчет в том, что находится не в каком-то там Ираке, а в России.

Наша контрразведка, при всем том, еще не научилась работать быстро и эффективно. Дедушка Феликс, который Дзержинский, в свое время на верные рельсы поставил карающий бронепоезд пролетариата. До сих пор чешет по путям без каких-либо серьезных поломок.

– Оставим эту тему, – сказал черноризец. – Она не столь важна. Меня больше интересует другое: что вы делали возле болота?

– Драпали.

– То есть?...

– Да ладно вам... – Я ухмыльнулся. – А то вы не знаете... Ваши орлы шмаляли по нам из винтов, а мы когти рвали. Или надо было поднять лапки кверху, чтобы из нас сделали решето? Меня в этой истории интересует только одно – с какой стати мирных, безобидных граждан хотели завалить? Неужто нас приняли за каких-то других лиц?

– От него просто так ничего не удастся добиться, – устало буркнул янки. – Не тот клиент...

Он подошел к столу и сел. Теперь я был виден ему во всех подробностях. Наши взгляды встретились, и он вдруг встрепенулся.

Узнал! Все-таки узнал. Вот сволочь... Представляю, что сейчас за мысли у него в башке бродят.

Такое совпадение – встретить человека, который заглянул на огонек к Венедикту, за десятки километров от города, да еще в глухомани – случайным назвать трудно. Для разведчика такая наивность просто непозволительна. Я бы на его месте точно не поверил в дикий случай.

– Да мы, кажется, знакомы... – Слова давались ему с трудом.

– И не просто знакомы, а даже пили в одной компании едва не на брудершафт, – ответил я по-английски и широко улыбнулся. – Вот сижу я и думаю: может, вы на меня в какой-то обиде, что не признаете? Кто вас, иностранцев, поймет.

Я заметил краем глаза, как сильно изумленный черноризец дернулся, хотел что-то сказать, но тут же закрыл рот – словно замкнул. Черты его и так резко очерченного лица еще больше заострились; теперь он совсем стал похож на грифа-стервятника, узревшего свою законную добычу.

– Венедикт с вами, случаем, не приехал? – продолжал болтать я, как заведенный, уже на родном языке. – Хотелось бы увидеть... Здесь на природе хорошо. Шашлычки бы сделали. А грибов сколько здесь – воз и маленькая тележка. И ходить далеко не нужно, рядом с деревней так и прут из-под земли. Вы по делу или как? Неужто в нашей глуши художник какой-нибудь образовался? Интересно...

– Хватит! – Янки резко встал. – Мне надоели пустые разговоры. Теперь я просто уверен, что вы не тот, за кого себя выдаете. Печально. Хотелось бы продолжить наш разговор, который мог быть весьма занимательным, но времени в обрез... – Он посмотрел на часы, нахмурился и многозначительно переглянулся с ведьмаком. – Нам пора...

– Не понял... – Я изобразил тупое непонимание. – Кому пора, куда пора?

– И нам, и вам... пора.

На его лице появилась нехорошая улыбка. От нее веяло смертью.

Понятное дело, выпускать живым такого подозрительного типа им нельзя было ни под каким соусом. Тем более, что он явно принял меня за сотрудника соответствующих органов при исполнении.

Конечно, ему хотелось узнать детали спецоперации, маленько попытаться меня и помучив при помощи разных средств, которые есть в наборе каждого уважающего себя сотрудника командос из ЦРУ. Но его, оказывается, поджигает время.

Понятное дело: он нашел то, за чем был послан, и теперь ждет транспорт, который увезет находку на другой край света, подальше от наших спецслужб. А может быть, и его заберут. Инfiltrация...

Хотелось бы знать, как они меня кончат? Может, зарежут у костра, как черного петуха? Вон как нехорошо на меня смотрит ведьмак. Глаза вытарачил, дышит тяжело, неровно. Гипнотизирует, падло. Только я ведь тоже кое-каким штучкам обучен. Мне твой гипноз, козел гребаный, до фени.

А что, убьют и кровушку мою выпьют. Дармовщина ведь. И сатанинский ритуал будет иметь большой вес.

Эх, развязать бы сейчас руки... Не хочется помирать, как животное на бойне. Постыдно. И как это я так глупо влип!? Стареешь, брат Иво, стареешь... Реакция на опасность уже не та, что была когда-то. Семейная жизнь превратила тебя в тюфяк, набитый... понятно чем.

Черноризец перевел дух, черты его лица смягчились, а во взгляде появилось удивление. Не вышел номер с гипнозом; ну надо же... А так хотелось подчинить меня своей воле, чтобы поизгаляться всласть... Похоже, для него полная власть над человеком, как наркотик для записного наркомана.

Перестав сверлить меня глазами, он снова нажал на уже известную мне кнопку. Теперь в избу вошли двое черных – те же самые.

Ведьмак не сказал им ни слова, только кивнул. К моим связанным сзади рукам конвоиры привязали длинную веревку (ну точно потащат меня, как быка к мяснику, – на налыгаче), затем, подтянув руки кверху, сделали петлю на шее – чтобы я даже не дергался (большие спецы в этом деле, сразу видно), отчего мне пришлось принять согбенное положение, и вывели наружу.

Уходя, я бросил исподлобья выразительный взгляд на янки. Он глядел на меня с каким-то жадным вниманием. Наверное, думал, что я сейчас умоюсь соплями, и буду просить пощады.

А хрен в глотку не хочешь? Может, я и не совсем русский, если учитывать какие-то мои латышские корни (о которых я и сам точно не знаю), но дух у меня точно славянский. И не вам, америкосам, его сломить. Кишка тонка. Многим хотелось в нашей длинной истории нас подмять, а всегда выходил пшик.

Наверное, в моем взгляде было что-то уж очень нехорошее, потому что янки отшатнулся назад и сильно побледнел.

Глава 27

Во дворе мне еще и заклеили рот скотчем. Чтобы, значит, не нарушал благодатную ночную тишину. Молчаливая братва повела меня куда-то в лес. Шли мы по тропинке, и вскоре я понял, что Пимкиного болота мне точно не миновать.

Судьба. Кисмет...

Трепыхаться я никак не мог. Конвоиры были здоровущими мужиками и вели меня вполне профессионально – как будто всю свою сознательную жизнь проработали в лагере вертухаями.

Так мы дотопали до бережка, и я уже мысленно попрощался с Каролиной и попросил у нее прощения на то, что не смогу явиться на бракоразводный процесс, как вдруг позади раздался такой звук, словно треснул спелый арбуз и один из черноризцев упал, как подкошенный.

А затем раздался шум борьбы и пыхтение. Второй конвоир выпустил веревку из рук – ему было не до меня – и я стремительно обернулся. Под моими ногами ворочались двое – черноризец и еще кто-то. Конвоир явно одолевал своего противника и уже сидел на нем сверху.

Ну, это ты парень зря. Не нужно было подставлять мне шею. Понимаешь ли, нас кое-чему обучали...

Я оседлал его, как норовистого коня, хотя это было и непросто в моем согбенном положении, сплел свои ноги и резким движением завалил навзничь. Теперь все зависело от моей выносливости.

Сразу сломать ему шею я не мог – позиция была не очень удобной, да и руки связаны. Но и он тоже ничего не мог со мной поделаться, лишь хрипел от удушья, брыкался бесцельно ногами и пытался достать меня своими лапами хоть за что-нибудь.

Так я тебе и дался...

Наша борьба длилась минут пять – пока не очухался противник черноризца. Он пошарил руками по траве, что-то разыскивая, затем встал, подошел к нам и, разглядев голову конвоира, не колеблясь ни секунды, опустил на нее приклад, как оказалось, ружья.

Раздался уже знакомый мне треск, черноризец обмяк, и я наконец смог отдышаться. Но кто мой спаситель? Темень была такая, что я не мог различить черты его лица, даже когда он сел рядом. Похоже, ему здорово досталось...

– Дык, это, руки-то свои дай. Веревки разрежу...

Зосима! Чтоб я так жил... Как, каким образом?...

– Как ты здесь оказался!? – наконец прорезался у меня голос.

– Не сказал бы, что случайно... Все, ты свободен.

– Огромное спасибо, дружище, – сказал я проникновенно, разминая затекшие руки и испытывая прямо-таки неземную радость. – Я перед тобой в неоплатном долгу.

– Ладно, чего там... – Зосима потер свою шею и охнул. – Здоровый бугай. Думал мне конец. Не успел я его... Шибко шустрый он для меня. Молодой...

– Был молодым. И таким останется до скончания времен. – Я так и не смог нащупать биение пульса у поверженного черноризца.

Второй тоже не подавал признаков жизни. Да, рука у Зосимы, несмотря на годы, все еще крепка. Это я знал и раньше.

– Когда ты ушел домой, – рассказывал Зосима, – у меня сердце было не на месте. Сна не было ни в одном глазу, а все мысли черные в голову лезли. Зная тебя, я был уверен, что ты снова сунешься в это змеиное гнездо. Тогда я оделся и пошел к тебе. Ну и, понятное дело, поцеловал замок...

Пока он рассказывал, я оттащил трупы в кусты – нечего оставлять их на виду, посреди тропы. Мне почему-то казалось, что вечер еще не закончен.

– ... Как взяли тебя, не видел. Я ждал возле Киндеевой избы. Откуда мне было знать, где ты там бродишь? Но у меня было предчувствие, что этого места тебе не миновать.

– Это точно. Там как будто медом намазано – так и тянет к себе.

– Вот я и говорю – плохое место. Не зря его этот... ведьмак выбрал. Не зря.

– Возможно, ты прав. Но теперь я хотя бы знаю, чем вызван повышенный интерес всей этой братии к Пимкиному болоту.

– Да? Расскажи.

– Расскажу. Когда ты закончишь свою речь.

– Ах, да-да... Ну, вижу, несут что-то. Сразу не разобрал, что именно. Но подозрения появились. Хотел к окну подобраться, да побоялся. Там охрана была. Пришлось ждать. А

когда тебя вывели, тут я все и понял...

Кряхтя, Зосима полез в карман и достал свои дешевые сигареты. В моих карманах, естественно, царил пустота – меня обшмонали со знанием дела – поэтому я попросил:

– Дай курнуть.

Мы закурили, пряча сигареты в кулаке – чтобы нас нельзя было засечь. После нескольких затяжек мне совсем полегчало. Видимо, Зосиме тоже, потому что он расправил плечи и его речь побежала живее.

– Шел я за ними следом и думал: что мне делать? Стрелять нельзя – все сбегутся. Тогда нам точно придет конец. А побороть двух бугаев не смогу. Я долго сомневался, колебался... но когда они подвели тебя к омуту – там знаешь, какая глубина? ого-го... – вот тут я и понял, что кончат тебя будут. Не знаю, как я первого ударил... Больше от отчаяния, нежели по расчету. Ничего, получилось...

– Еще как получилось... – Я любовно обнял его за плечи. – Мысленно я уже был на небесах. Никакого выхода...

– Хех-хех... – рассмеялся Зосима. – Выход всегда имеется. Искать надо.

– Наверное, я плохо искал...

Закончить свою мысль мне не удалось. Где-то неподалеку послышались человеческие голоса, и сквозь ветки пробился свет карманного фонарика.

– По Киндеевой тропе идут, – шепнул мне Зосима.

– А мы где?

– Рядом есть другая. Ты разве не знал?

– Откуда?

– А, ну-да... Здеси мы еще не были. Эта дорожка как раз и приводит к омуту. Тут ягод много, ягодники шибко хорошие. Когда-то бабы собирали... Отсюда вдоль бережка можно свободно пройти к Киндеевой тропе.

– Пойдем!

– Куда?

– Не прикидывайся валенком. Ты ведь знаешь, что я таких обид никому не прощаю. Пора восстановить статус кво.

– Чего? – не понял Зосима.

– Пора нам кое-кому хвост прищемить. А то мы до сих пор только и делали, что защищались да убегали. Нужно опровергнуть заблуждения некоторых штатских о нашей мужской несостоятельности. Оружие у нас есть.

Трофеи у нас были не ахти какие, но все же: нож (кстати, мой, чему я сильно порадовался), пистолет – старенький «макаров»; я очень сомневался в его безотказности; и наконец, СКС. Похоже, покровители черноризца где-то дернули со склада целый ящик карабинов Симонова, который уже снят с вооружения, и несколько цинков патронов.

Хорошо хоть СКС у нас есть. С ним мне не страшны никакие автоматы. А уж пистолеты и

подавно.

Проверив оружие и набив карманы патронами (бывший хозяин карабина, похоже, был очень запасливым человеком), мы двинулись вдоль бережка, стараясь не шуметь. Как обычно, я шел впереди.

Но добраться до своей цели мы не успели. В небе вспыхнула яркая звезда и начала резво снижаться; как мне показалось, прямо на нас.

– Нопланетяне! – охнул Зосима, и вжав голову в плечи, закрыл ее руками.

– Тише! – прошипел я у него над ухом. – Это обычный вертолет. Слышишь, винты шумят?

– Дык, это, слышу... Точно вертолет.

– Прожектор включил и снижается. Теперь уже этой братии не нужны козырные «тарелки», имеющие специальную аппаратуру для поисков пропажи.

– Пропажы? Ты о чем?

– Нашли они то, что искали. Вчера, прямо на наших глазах.

– Не может быть! Хочешь сказать, что клад Киндея...

– Я тоже сначала думал, что они за ним охотятся. Ошибался. Им нужно было нечто другое.

– Что?

– Знать бы... Какая-то военная штуковина, я так думаю. Может, часть новой ракеты, сошедшей с курса во время испытаний, а возможно, шпионская аппаратура... Но мне не хотелось бы ее отсюда выпускать.

Между тем вертолет снизился почти до самой поверхности болота. Конечно, ему неудобно было висеть в опасной близости от высоких деревьев, росших на бережку, но иного выхода у пилотов не было – вертолет прилетел забрать очень ценный груз. А там, где начиналось свободное пространство, начиналась и трясина.

Я видел, как четверо черноризцев тащили к вертолету на плечах ящик с таинственным цилиндром (дед Никифор ошибся в подсчетах – черноризных сектантов вместе с ведьмаком было не семь человек, а девять). На берегу стояли еще трое: сам пахан с клюкой, янки и неизвестный мне малый, о котором я подумал, что он является прикрытием «любителя современной живописи».

Тонко зазудела вертолетная лебедка, и ящик, покачиваясь, начал подниматься вверх. Сейчас или никогда! И мне наплевать, кто там в кабине вертолета – наши козлы, продавшиеся за червивую «зелень», или приезжие из-за бугра.

Прожектор светил очень ярко, и было видно, как днем. Нимало не колеблясь, я вскинул карабин к плечу, и выпустил сначала три пули по кабине, целясь в пилота, и еще три – в бак с горючим. А больше и не нужно было.

– В воду! – прорычал я над ухом Зосимы. – Нырять! И сиди там, пока не бахнет!

Зосима не стал уточнять, почему он должен нырнуть в жидкую грязь, едва прикрытую тонким слоем воды. Мы сиганули вниз почти синхронно. Уже погружаясь, я увидел, как вертолет потащило на деревья, как винты стали крушить стволы и ветки, а затем все закрыл огненный всплеск.

Взрыв я услышал уже в погруженном состоянии. Он был страшным по силе. Так топливные баки вертолетов не взрываются. Неужели цилиндр – это бомба? Может даже атомная...

Мне стало не по себе. Что если по моей вине начнется термоядерная война? Мама моя родная... Это же где я теперь буду жить? Ведь избе точно придет полный трандец.

Придется строить в лесу шалаш...

Мы вынырнули лишь тогда, когда в болото перестали падать ошметки взорванного вертолета, и когда в легких не осталось ни единой молекулы воздуха. Картина, представшая у нас перед глазами, была ужасной.

Лес у бережка словно сбрило гигантским ножом. Поваленные деревья ярко пылали, а на воде расплывалось маслянистое на вид пятно, которое тоже горело. Оно уже подбиралось к нам.

И команда черноризца, и он сам, и янки с помощником исчезли, словно их подобрала нечистая сила. А оно, впрочем, так и было. Ведь идею пороха человечеству точно подкинул не Бог.

Мы не стали выбираться на берег, а в полном молчании побрели по воде, стараясь убраться от эпицентра взрыва как можно скорее и куда подальше. И Зосима, и я были немного не в себе.

А на душе у меня было так муторно, что хоть сразу в петлю...

Прошла неделя. Эти семь дней стали для жителей деревеньки (и для нас с Зосимой) настоящим кошмаром. К нам понаехало столько военных и разных штатских, что деревня стала напоминать улей во время роения пчел.

Нас (то есть, тех, кто жил в деревеньке) допрашивали все службы, которые только существовали в государстве. Но мы (я имею ввиду нашу «великолепную четверку» в составе меня, Зосимы, Идиомыча и Кондратки) держались как партизаны на допросе в гестапо.

«Ничего не видел, ничего не знаю, не был, не знаком, не участвовал, не помню...» – вот наши стандартные ответы. Ученые хоть люди и не от мира сего, а все же смекнули, что лучше держать язык за зубами. Тем более, после такой страшной катастрофы.

Что касается НЛО, то и Николай Карлович, и Кондратий Иванович вообще о них забыть. Правда, о неизвестных летательных аппаратах нас и не спрашивали. Похоже, для этих мест это проза жизни, хотя «тарелки» мне встретились здесь впервые.

Поначалу прорваться на место взрыва не было никакой возможности. Все подходы к Пимкиному болоту оцепили внутренние войска, а внутри периметра работали специалисты, одетые в скафандры.

Интересно, что же, все-таки, там рвануло? Ядерный заряд?

Но вскоре я успокоился. Судя по минимальным предосторожностям, радиация в месте взрыва не наблюдалась. Солдатикам вообще не дали никаких защитных средств.

Значит, еще проживем на чистой природе, в собственном бунгало. Тем более, что мой главный раздражитель, ведьмак, испарился. В прямом смысле.

На берегу и в болоте насчитали всего шесть трупов сильно обезображенных трупов. Всех, кто находился в вертолете (судя по разговорам, которые подслушала баба Федора), взрыв разложил на атомы.

Но ведьмак со своим посохом исчез. Его так нигде и не нашли. Неужели ему и впрямь помогает нечистая сила?

Правда, по истечению некоторого времени и при более тщательном анализе ситуации, я понял, что в исчезновении ведьмака не было ничего необычного. Наш главный деревенский информатор баб Федора объявила, что этот сукин сын – «американский шпиён».

Откуда у нее появились такие сведения, она так и не призналась. Но, зная ее пронырливость, я совершенно не сомневался в том, что сообщение бабки очень близко к истине. Сохранить жизнь во время такого взрыва, а потом незаметно скрыться мог только опытный, отлично обученный профессионал. Коллега...

Вместе с ведьмаком пропали и мои два «крестника», отравленные стрелками. Они не пошли вместе со всеми на болото, потому что все еще болели. Однако у них хватило сил и здоровья слинять после взрыва в неизвестном направлении.

Для следствия секта оставила лишь свежую могилку с трупом (это был тот фраер, которого я грохнул на болоте) и еще одного своего товарища, который лежал в сарайчике, – того, что нечаянно подстрелил его брат по вере. Он так и не смог выкарабкаться после ранения. А похоронить его не успели.

Правда, у меня было подозрение (и небезосновательное), что ему помогли уйти в мир иной. Не такая уж и страшная у него была рана.

Но то не наши дела. Пусть в них ковыряются те, кому положено по должности. А мы с Зосимой первым делом избавились от чужих стволов и патронов. Это нам совсем ни к чему. Найдут и начнутся неприятности, а также расспросы с пристрастием: где взял, у кого, зачем и почему?...

Мне – как и всем остальным жителям Близозерья – хотелось быть в стороне от этого темного дела. Мой патриотизм уже давно дал трещину, а сейчас тем более я не хотел совать свой нос в расследование. Иначе мне пришлось бы ответить на очень много непростых вопросов. И не только ответить, а еще и выкручиваться.

Если учесть, что я везде числюсь как обычный офицер-отставник, а до моего бывшего начальства, которое может встать на мою защиту, очень далеко, да и вряд ли туда сейчас дозвонишься, то мое стремление держаться ниже воды, тише травы и даже не шелестеть станет вполне понятным.

Короче говоря, буря разыгралась не на шутку, но прошла стороной. Спустя неделю на месте взрыва остались лишь головешки от сгоревших деревьев и многочисленные сигаретные окурки. Их побросали специалисты, ломая головы над проблемой, которую выдало им Пимкино болото.

Что касается избы злосчастного Киндея, то ее заперли и опечатали. Будто можно сдержать нечистую силу сургучом и шнурками...

Я сидел на берегу озера и удил рыбу. Вчера деревню покинул последний вездеход, но в воздухе все еще слышался отвратительный запах выхлопных газов. Как хорошо, что все уже позади...

Зосима подошел ко мне сзади, как всегда, неслышно. Тоже мне, Дерсу Узала... Меня всегда задевало, что я в такие моменты ловлю мух. Как это у него получается? Я и сам вроде спец по тихому шагу, но чтобы так...

– Сидишь? – Зосима неодобрительно посмотрел на неподвижные поплавки.

И впрямь, клев был неважный. Наверное, рыба испугалась взрыва и нашествия бесцеремонных чужаков.

– Сижу...

– Дык, это, я к тебе по делу.

– Хочешь вытащить меня на охоту?

– Это будет завтра. Или послезавтра. А чичас мне нужна лупа. Она ведь у тебя?

– Да. Подежурь здесь, принесу...

Лупу я почему-то нашел под креслом. Как она туда попала? Ума не приложу. Еще раз полюбовавшись красивым орнаментом, украшавшим ее оправу, я уже вознамерился выйти наружу, как тут меня словно что-то схватило за рукав.

Стоп! Один момент... Я включил настольную лампу, хотя в избе и так было светло, и присмотрелся к гравированному на рукояти и ободке лупы рисунку.

Не может быть... Не может такого быть! Нет, нет, это у меня галлюцинация... Наваждение.

Я плюхнулся в кресло, и какое-то время бессмысленно таращился в окно, где виднелся кусочек летнего неба. Но перед моим внутренним взором была совсем другая картина.

И все-таки я не ошибаюсь. Если это то, что я думаю... А что же еще? Рисунок точь-в-точь. Ах, если бы это было правдой... Но нужно рискнуть. Чем торчать над озером в ожидании, когда рыба проголодается и захочет позавтракать моим червячком, лучше устроить променад.

Решительно поднявшись, я вышел во двор, и спустя несколько минут был уже возле Зосимы, который уныло и даже с отвращением разглядывал неподвижные поплавки. Для него рыбалка была убиванием драгоценного времени.

– Зосима, хочешь разбогатеть? Полдня забот – и ты миллионер.

– Ты что... того?... – Зосима глупо хлопал ресницами. – Или с утра принял стакан, да еще и без закуски?

– Скажи, ты мне доверяешь?

– Ну, дык...

– Понял. Я тоже верю тебе, и доверяю больше, чем самому себе. Поэтому сматываем удочки, одеваемся по-походному, и айда.

– Это куда же?

– Там узнаешь. Только топор мой не забудь захватить с собой. Нет, оружие нам не понадобится. И верь мне, Зосима, верь!

Если Зосима узнает, что я опять приглашаю его штурмовать Пимкино болото, то он и с места не сдвинется. Поэтому я немного притемнил.

Мы вышли в путь спустя час. Я нес на плече еще и небольшой ломик.

– А это зачем? – спросил заинтригованный Зосима.

– Будем брать сейф, – сказал я таинственным шепотом.

– Хех, хех... скажешь такое...

Больше он ничего не спрашивал, лишь время от времени пытался заглянуть мне в глаза, словно пытался найти там ответ на все мучившие его вопросы. Но когда мы пришли к Пимкиному болоту, Зосима вдруг встал на дыбы:

– Опять туды? Никогда! Дык, это, что ты, в самом деле!? Что мы там забыли?

– А забыли мы вот что...

Я показал ему лупу и объяснил смысл гравированного рисунка.

– Ну надо же... – Зосима смотрел на лупу, как зачарованный. – Столько лет в чулане пролежала, а я и не знал...

– Теперь знаешь. Все, за дело. Будем рубить слегу. Я тут еще в прошлый раз приметил подходящие деревца...

До острова с кромлехом мы добрались гораздо быстрее, чем в первый раз. Нас снедало нетерпение. Можно даже сказать, золотая лихорадка.

Этот камень стоял немного поодаль от остальных. С виду он был совсем неподъемным. Но именно на него указывала крохотная звездочка, выгравированная на рисунке.

– Не осилим, – с сомнением сказал Зосима, похлопав ладонью по шершавому боку каменной глыбы.

– Поглядим... – буркнул я в азарте.

Мы промучились с камнем почти час. А потом вдруг все пошло словно по маслу. Или я на что-то правильно нажал, или мы не с той стороны ковыряли ломом.

Глыба вдруг легко съехал вбок, и нашему взгляду предстала покоившаяся в углублении обычная деревенская сума, только почти истлевшая от времени. И она была туго набита золотыми безделушками, которые заманчиво выглядывали сквозь прорехи.

– Ну что, теперь веришь мне? – Я торжествовал.

Я вытащил из сумы несколько вещиц и залюбовался их формами. Они были очень необычны. Эти изделия напоминали ювелирные украшения скифов, но в то же время была в них какая-то непохожесть. Чувствовалось сильное влияние какой-то другой древней культуры, и явно не греческой. Но какой? На этот вопрос мог ответить лишь специалист.

Что касается мастерства неведомых ремесленников, то оно было просто потрясающим. На фигурках хорошо просматривались тончайшие линии. Похоже, эти вещицы не просто отлили в формах, а еще и гравировали. Интересно, какими резцами, из какого сплава эти резцы были сделаны?

Все! Баста! Всякие археологические и исторические подробности побоку. Золото оно и есть золото. Выставить все это добро на торги где-нибудь за рубежом... Ого-го! Потянет на такую сумму...

Теперь я точно буду на коне. И не нужна мне никакая Каролина с ее бизнесом и счетом в банке. Здесь хватит для нас с Зосимой лет на сто. Даже если я не буду обращаться к тем деньгам, что у меня значены на черный день за границей.

Это я, конечно, хватил через край – сто лет... Столько мы с Зосимой не протянем, поэтому

будем жить на всю катушку. Экономить нам не придется.

– Эй, ты чего загрустил? – Я шутливо толкнул его в бок. – Аль не рад?

Зосима неторопливо закурил и, не глядя на меня, ответил:

– Дык, оно, конечно, хорошо... Деньги большие. Но тока...

– Что – «тока»?

– Золото это проклятое. Я не возьму его.

– Ну, блин, дела... А какого хрена ты тогда пер сюда вместе со мной через трясины!?

– Азарт потащил. Хотелось увидеть.

– М-да... Ситуация...

Я сел рядом с ним и тоже задымил.

– Похоже, Киндей перепрятал золото, – сказал я спустя некоторое время уже спокойным голосом. – Наверное, он как-то прознал об этом капище, и дорожку сюда по гати вычислил. Здесь и впрямь золото сохранилось как в швейцарском банке. Кто сунется в гиблые места? Башковитый был мужик...

– Эт да...

– Но твой дед тоже был еще тот жох... – Я криво ухмыльнулся. – Купца замочил, кошелек отнял, а вот ума не хватило с планом разобраться. Похоже, незадачливый купчишка ехал сюда, чтобы клад добыть. Ехал по шерсть, а его самого остригли.

– Видать, так он и было...

– Так говоришь, золото заколдованное?

– Дык, это давно известно. Возьмешь его – беда тебе будет. Большая беда.

– Чего очень не хотелось бы. Я, знаешь ли, в последнее время начал верить в разные приметы и предзнаменования. Жизнь одна... А еще мне совсем не хочется, чтобы наша деревенька превратилась в Мекку для разных бездельников. Если люди прослышат, что здесь найден такой ценный клад – отбоя не будет от черных гробокопателей. И станем мы тогда жить как на вулкане. Всю округу перекопают, лес сожгут. Правильно я говорю?

– Ну...

– С другой стороны – зачем мне столько денег? Ну был я совсем недавно богат. Все имел. Мог куда угодно поехать, что душа пожелает купить, заказать самый шикарный ресторан... И что? Где оно, это счастье?

Зосима мудро промолчал.

– А нету его, – продолжил я с горькой усмешкой. – Не в деньгах оно заключается. В принципе, хватит мне и моей пенсии. А там охота, рыбалка... Проживу как-нибудь до полного дембеля.

Я решительно поднялся и взял в руки ломик.

– Давай еще немного поработаем, – позвал я Зосиму. – Поставим камень на место. А это проклятое золото пусть лежит там, где его оставил Киндей. Мы же забудем сюда дорожку. И

Кондратке с Идиомычем постараемся рот заткнуть, чтобы не звонили по всему свету о кромлехе.

– Как им заткнешь?

– А я скажу, что грохну любого из них, если только он вякнет где-нибудь и что-нибудь по этому поводу. Уж я постараюсь, чтобы мои «доводы» прозвучат более чем убедительно...

Возвращались мы домой молчаливыми и какими-то подавленными. После эйфории от находки наступил откат, и все вокруг казалось серым и тусклым. По крайней мере, мне. Попрощавшись с Зосимой, я направил стопы к своей избе.

И остановился, не дойдя до нее сотню метров.

Возле моего бунгало стоял новенький гусеничный вездеход – из тех, что пока только на рекламных проспектах. Кто это мог прикатить сюда на машине, которая еще не вошла в серию?

Ответ я получил быстро. У калитки меня встретили охранники Каролины; их я знал в лицо, почти всех. Почтительно сказав «здравствуйте» и расступившись, они пропустили меня к входной двери. Она была не заперта.

Я и забыл, что у Каролины тоже есть ключи от избы...

Неужели она ускорила процесс прохождения документов по бракоразводному процессу в суде и теперь приехала, чтобы лично вручить мне повестку? Ну что же, я готов. Чем быстрее все это случится, тем лучше.

«И свобода вас примет радостно у входа...» – мысленно продекламировал я известные стихи и переступил через порог.

Меня встретила не свобода. А совсем даже наоборот. Наверное, Каролина увидела меня в окно, потому что уже шла навстречу. Подойдя совсем близко, она вдруг... упала передо мной на колени!

С ума сойти! Она что, рехнулась? Чтобы Каролина, да еще на коленях... Нет, нет, это сон! Не верю! Ничему не верю! Даже своим глазам.

– Иво... Иво, прости меня... – Ее голос прерывался от рыданий. – Я самая распоследняя сволочь. Дура, дура! Я не права. Я не должна была так поступать. Я не могу жить без тебя. Не могу! Хочешь, я брошу все, и мы куда-нибудь уедем? Насовсем уедем. Как ты скажешь, так и будет. Я люблю, люблю тебя! Прости, прости!...

– Т-ты... т-ты что!? – Я даже начал заикаться от неожиданного волнения. – Встань, немедленно встань!

Я поднял ее как перышко – легко и бережно. Эти соблазнительные губы... они так близко...

А, что я теряю! Подумаешь – свобода... Было бы о чем горевать. Я впился в ее губы страстным и долгим поцелуем. Надо же, оказывается, я здорово соскучился по этой взбалмошной девчонке...

– Иво, мы должны завести ребеночка, – нежно прошептала Каролина, когда я наконец оторвался от нее. – Я очень, очень его хочу. Такого маленького, розового, пухленького...

Я едва не сказал: «Согласен! Давай начнем заниматься этим делом прямо сейчас». Господи! Ну кто может понять этих женщин!?

Примечания

1

См. роман В. Гладкого «Сплетающие сеть».

2

Лессировки – тонкие слои прозрачной краски, нанесенные на высохшие места картины, чтобы усилить или видоизменить тон.

3

Гименей – в древнегреческой и древнеримской мифологии бог супружества.

4

См. роман В. Гладкого «Невидимая угроза».

5

In solis sis tibi turba lokis – в одиночестве будь сам себе толпой (лат.)

6

Хелп – крик о помощи (англ.)